

ISSN 0321-0367

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

1
—
1983

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАУСТВА

- Головко Н. В.* Некоторые вопросы поэзии в интерпретации Н. А. Некрасова 3
Булацкая Н. А. С. М. Степняк-Кравчинский о Л. Н. Толстом 6

МОВАЗНАУСТВА

- Супрун А. Я.* Супастаўляльнае (канфрантацыйна-тыпалагічнае) вывучэнне лексікі славянскіх моў 10
Плотников Б. А. О соотношении рода существительных в белорусском и чешском языках 13
Киклевич А. К. К вопросу о необратимости сочинительных конструкций (на материале русского и польского языков) 16
Трембовольский Я. Л. К семиотической интерпретации сочинения черноризца Храбра «О писменехъ» 19
Белявская О. Н. Структурно-семантические особенности немотивированных глаголов с общим корнем в русском и белорусском языках 23
Саникович В. А. Белорусское воздействие на систему консонантизма островного русского говора 27
Лепешай І. Я. Сінанімічныя фразеалагізмы і іх стылістычная дыферэнцыяцыя 30
Бурак І. Л. Канкрэтызацыя злучніка і ў сучаснай беларускай мове 33
Яцкевіч Л. Г. О разграничении лексической и словообразовательной многозначности слова 38
Ваяхина А. В. Возможности восприятия незаконченного предложения (НП) 41
Мухамед Абдельхалим. Функционирование глаголов движения в лингвистическом тексте 44
Алехина А. И. Проблема исследования системной организации фразеологии 46

ЖУРНАЛІСТЫКА

- Толстик Н. Н.* Освещение областной печатью Белоруссии некоторых вопросов качественного роста парторганизаций 51
Мяснікоў А. Ф. Вобраз перадавіка сацыялістычнай вытворчасці на старонках рэспубліканскіх газет 54

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

- Новик Е. К.* К вопросу организации учебно-воспитательного процесса на педагогическом факультете Белорусского государственного университета (1922—1931) 57
Янчук В. А. О двух типах внушаемости 60
Водейко Р. И., Валиева Р. Н. Влияние музыки на восприятие времени при выполнении умственной и физической работы 63
Максюта Г. В. Влияние осмысленности материала на объем образной памяти 67

ХРОНІКА

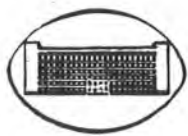
- Карпов В. А.* Третий белорусско-болгарский симпозиум 71
Навумовіч У. А. Творчая спадчына Янкі Купалы і Якуба Коласа і развіццё славянскіх моў і літаратур 72

РЭЦЭНЗІІ

- Красней В. П.* Гістарычны слоўнік беларускай мовы 74
Михневич А. Е., Манаенкова А. Ф. Ф. П. Филин. Очерки по теории языкознания 75
Наркевіч А. І., Шыдлоўскі А. В. І. Р. Вихованець. Приймєннікова система української мови 76
Бурмистрова К. И. С. А. Лысенко, Романтика борьбы и созидания. Романтическое стилевое течение в советской драматургии 20—30-х гг. 77

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

- Ефрасіння Леанідаўна Бондарова (Да 60-годдзя з дня нараджэння) 78
Федор Иванович Кулешов (К 70-летію со дня рождэння) 79

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

1
КРАСАВІК

ПСІХАЛОГІЯ

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОЎСКІ (*адказны сакратар*), В. С. ГРЫГОР'ЕЎ,
І. І. ЖБАНКОВА, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (*нам. галоўнага рэдактара*), А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН,
І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (*адказны рэдактар*),
Р. В. БУЛАЦКІ, Р. І. ВАДЭЙКА, А. А. ВОЛК, І. К. ГЕРМА-
НОВІЧ (*адказны сакратар*), В. В. КАЗЛОВА, І. П. КАХНО,
Ф. І. КУЛЯШОЎ, М. У. ПІСКУНОЎ, В. П. РАГОЙША,
Б. В. СТРАЛЬЦОЎ, П. І. ТКАЧОЎ, М. Я. ЦІКОЦКІ,
Л. М. ШАКУН (*нам. адказнага рэдактара*), І. В. ШАБЛОЎ-
СКАЯ, П. П. ШУБА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия IV, № 1, 1983

Издательство Белорусского государственного университета
имени В. И. Ленина

220048, Минск, проспект Машерова, 11
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А. А. Сычоў*

Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*

Мастацкі рэдактар *С. В. Балянок*

Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 27.01.83. Падпісана да друку 29.03.83. АТ 06524. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7,0.
Ул.-выд. арк. 8,14. Тыраж 1055 экз. Заказ 60. Цана 80 кап.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі пр., 79.

Н. В. ГОЛОВКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЭЗИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н. А. НЕКРАСОВА

В конце 40-х годов Некрасов не раз обращается к вопросу о соотношении поэзии и прозы, ищет причины спада в поэтической активности этого периода. Одну из них он усматривает в том, что «стихотворная форма непременно стесняет автора, не выкупая недостатков его произведения»¹. Здесь еще нет ответа на поставленный вопрос: во времена Пушкина форма тоже не могла не стеснять автора, однако та эпоха заслуженно может именоваться «поэтической». На наш взгляд, Некрасов ближе к истине в рецензии на стихотворения П. Витусова, в которой он не ставит вопрос о причинах «сумерек» поэзии, но косвенно отвечает на него. Сороковые годы он считает временем, когда русская литература обратилась от романтизма к реализму: «Да, мы с каждым годом все более и более отвыкаем от языка богов и приучаемся к языку человеческого: мы уже не мечтаем о заоблачных кельях, не порываемся *dahin*, а начинаем заниматься более существенными и более дельными, совершенно земными вопросами. Из этого, однако же, не следует, чтобы мы совсем изгоняли поэзию: сохрани нас боже от этой мысли! Мы только думаем, что поэзии нашего времени уже неприлично витать в беспредельных пространствах и заноситься за облака... Эта поэзия, чтобы мы могли вполне ей сочувствовать, должна оставаться с нами на земле и заговорить языком человеческим, понятным для всех, а не для одних избранных...» (XII, 249).

Сказанное здесь в одинаковой мере относится и к прозе, и к поэзии. Но проза по самой своей сущности легче принимала требования реализма, легче адаптировалась к новым условиям. На смену «натуральной школе», которая так или иначе господствовала в 40-е годы, с ее акцентом на окружающих предметах, обстоятельствах, предельной объективности, приходит новый период, когда художники, обогащенные познанием окружающего мира, пытаются активно выразить свой духовный мир. Происходит активное обогащение реализма романтической традицией. И вторая половина 50-х годов вследствие этого оказывается весьма благоприятной для поэзии.

Некрасов стремится выяснить специфическое отличие поэзии от прозы. Предмет у прозы и поэзии может быть один. Но подходят поэт и прозаик к материалу по-разному: «...дело прозы — анализ, дело поэзии — синтезис,» — утверждает Некрасов в рецензии на «Деревенский слухай» Н. Д. Хвоцинской. Поскольку автора интересуют детали во всем многообразии, подробное развитие характеров, то это, бесспорно, сфера прозы. «Прозаик целым рядом черт, — разумеется, не рабски подмеченных, а художественно схваченных, — воспроизводит физиономию жизни;

поэт одним образом, одним словом, иногда одним счастливым звуком достигает той же цели, как бы улавливает жизнь в самых ее внутренних движениях; без этого, у древних названного божественным, во всяком случае необыкновенного, дара напрасно станет писатель пригонять рифму к рифме и строчку к строчке; ему не поможет ни так называемая легкость стиха... ни некоторое изящество выражения...» (IX, 670).

В Полном собрании сочинений и писем Некрасов «предположительно» считается автором рецензии на «Деревенский случай» Н. Д. Хвоцинской, но, сопоставив содержание рецензии со всем, что волновало поэта, можно снять слово «предположительно». Рецензия поднимает две наиболее существенные для Некрасова 40—50-х годов проблемы — судеб романтизма и поэзии. Причем можно отметить даже стилистические совпадения при сопоставлении приведенного выше отрывка с другими высказываниями поэта о специфике поэзии, например, высказыванием 70-х годов: «Сравнение, — пишет Некрасов, — поэзия, картина — поэзия, событие может быть поэтично, природа — поэзия, чувство — поэзия, а мысль — всегда проза, как плод анализа, изучения, холодного размышления — но не следует ли из этого, что поэзия должна обходиться без мысли? дело в том, что эта мысль-проза в то же время — сила, жизнь, без которых собственно и нет истинной поэзии. И вот из гармонического сочетания этой мысли-прозы с поэзией и выходит настоящая поэзия, способная удовлетворить взрослого человека, и — в этом задача поэта» (XII, 105).

Итак, предметом поэзии может быть любой предмет и явление, но восприняты и изображены они должны быть поэтически. Некрасов не случайно многократно подчеркивает роль мысли в художественном произведении — и в лирическом, и в эпическом. Все его литературно-критические, эстетические высказывания, все произведения так или иначе полемичны по отношению к теории «чистого искусства», сторонники которой изгоняли из литературы всякую мысль, объявляя процесс художественного творчества чисто интуитивным. Мысль, идея должны быть близки поэту, должны овладеть всем его существом и в то же время в них не может быть ничего исключительного, противоречащего реальному ходу вещей. Некрасов резок и беспощаден всегда, когда замечает отступление от этого правила, как, например, в стихотворении И. С. Никитина «Бурлак». Никитин обратился к близкой его сердцу теме, поставил в центр внимания типичную ситуацию: крестьянин женился, но вскоре жена умерла, умер и единственный сын. В деревне — неурожай, падеж скота. Крестьянин окончательно разорился и пошел в бурлаки. Заканчивается стихотворение поэтизацией жизни бурлаков: «запросилась душа на широкий простор». Финал вызвал негодование Некрасова: «Как будто на Руси бурлаки идут на эту должность только вследствие подобных причин, в романтической надежде, что «разгуляют их тоску Волги-матушки синие волны»? Если бы так! ...От г. Никитина, как от поэта, рожденного и живущего в народной среде, мы вправе были ожидать чего-нибудь более характерного о лице, избранном им в заглавие стихотворения» (IX, 294).

В поэзии для Некрасова важны и содержание, и форма, но все же везде и всегда он подчеркивал ведущую роль мысли, идеи и шире — мировоззрения. Он пытался дать классификацию современной поэзии и не скрывал иронии не только по отношению к поэтам «чистого искусства», «птицам-певчим», которые «сами не знают, что будут петь», но и к «поэтам с тенденциями или поэтам-гражданам», «не блещущим особенным гением», стремящимся отсутствием таланта «возместить направлением» (IX, 442). Требование высокой гражданской ответственности не снимает вопроса о мастерстве, таланте, но без нее ничего не может сказать и настоящий талант. Образцом поэта, отмеченного высокой гражданской ответственностью, неповторимостью таланта, Некрасов считал Пушкина. В ряде рецензий, заметок и писем он касается публикации Анненковым новых материалов для биографии Пушкина, которые помогли глубже понять личность лю-

бного поэта, а также впервые открыли перед читателем ряд неизвестных ему произведений.

Некрасов пристально вглядывается в историю русской поэзии, начиная от Ломоносова и Кантемира и кончая поэтами 70-х годов XIX века, которую он оценивает в первую очередь с точки зрения гражданственно-воспитательной. В этом отношении он отдает пальму первенства наиболее ярким представителям русского классицизма — Ломоносову и Кантемиру, которые шли впереди общества, были его воспитателями и учителями. Таким требованиям не отвечают некоторые представители романтизма, в частности Жуковский. Но резко критически оценивая оригинальные произведения, Некрасов с глубоким уважением говорит о его мастерстве как поэта-переводчика. И все же роль Жуковского в истории русской поэзии, его достижения в познании «мира души» Некрасов рассматривает как подготовительный этап для последующих поколений поэтов. В Жуковском Некрасов видит предшественника Пушкина: «...Нельзя не заметить, — пишет он, — что многие послания и некоторые лицейские годовщины Пушкина вышли прямо из посланий Жуковского. Пушкин брал у него — иную мысль, мотив и даже иногда выражение!» (X, 224).

В Бенедиктове он особенно подчеркивал бедность содержания, которая не искупалась красотой слога. Такой поэт, по мнению Некрасова, мог иметь успех до Пушкина и Лермонтова, когда перед русской литературой стояла еще проблема выработки «изящной формы». Но теперь, т. е. во времена Некрасова, изящная форма уже «не достоинство, а условие», и для поэзии очень важно содержание. Бенедиктов просто пережил себя. В зависимости от характера содержания, его актуальности, глубины, масштабности художественные произведения, считает Некрасов, приобретают различный резонанс, а их создателей подразделяют на «народных», «первостепенных» и «второстепенных». Народным вне всяких сомнений был Пушкин, который постиг народность не только как поэт, но и одним из первых попытался теоретически осмыслить эту эстетическую категорию. В рецензии на сочинения Пушкина, изданные Анненковым, Некрасов приводит полностью найденную в тетрадях поэта заметку о народности литературы и следующим образом комментирует: «Скольким людям, толкующим ныне о народности, нужно посоветовать вникнуть в смысл заметки Пушкина, набросанной двадцать пять лет тому назад, при самом начале этих толков»².

Среди современников Некрасова были поэты исключительно талантливые, тонкие и оригинальные. И все же они не поднялись до уровня Пушкина из-за тематической ограниченности своих произведений. Таков Фет. Некрасов пишет о нем: «Смело можем сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе, после Пушкина, не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет. Из этого не следует, чтобы мы равняли г. Фета с Пушкиным; но мы положительно утверждаем, что г. Фет в доступной ему области поэзии такой же господин, как Пушкин в своей, более обширной и многосторонней области» (IX, 279).

Из поэтов-современников Некрасов особенно выделяет Тютчева. «...В «Современнике», — пишет он, — начали появляться стихотворения, в которых было столько оригинальности, мысли и прелести изложения, столько, одним словом, поэзии...» (IX, 204). Так начинается разговор о поэзии Тютчева. Некрасов приветствует поэта мысли, у которого она не просто атрибут поэтического произведения, как у многих других поэтов, а основная стихия, определяющая все остальные компоненты стиха. Если бы Тютчев больше писал, считает Некрасов, то «самообытный, всегда грациозный, исполненный мысли и неподдельного чувства» талант поэта позволил бы ставить его имя рядом с теми, кем по праву гордится Россия: Пушкиным, Крыловым, Жуковским, Лермонтовым, Кольцовым. Нужно подчеркнуть, что Некрасов писал о Тютчеве тогда, когда была известна лишь небольшая часть его литературного наследия, но чрез-

вычайно тонко уловил особенности тютчевского поэтического взгляда на мир, стихию его поэзии.

Таким образом, в период обострения идейной борьбы, когда представители антидемократического лагеря стремились увести литературу из «стана погибающих за великое дело любви», провозгласив процесс художественного творчества исключительно подсознательным, Некрасов требовал от поэзии мысли, активной позиции художника. Некоторые исследователи называют Некрасова «литератором-практиком», который, в отличие от Пушкина, предоставил теоретические вопросы своим «надежным идейно-политическим и эстетическим единомышленникам»³. Действительно, сотрудничество на страницах «Современника» с Чернышевским и Добролюбовым, а затем в «Отечественных записках» с Салтыковым-Щедриным, Писаревым и Михайловским в значительной степени освобождало поэта от постоянного выступления по проблемам эстетики и литературной критики. И все же теоретические вопросы не оставались вне поля зрения Некрасова.

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, 1950, т. 9, с. 191. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках, с указанием тома (римские цифры) и страницы (арабские).

² Современник, 1855, № 2, с. 37.

³ Скворцов В. Д. Реализм лирической поэзии.— М., 1975, с. 354.

Н. А. БУЛАЦКАЯ

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ О Л. Н. ТОЛСТОМ

«Среди писателей всех времен лишь немногим удавалось приобрести в короткий срок такую власть над сердцами и мыслями своих современников, как графу Толстому»¹. Эти слова принадлежат видному революционеру-народнику и талантливому писателю С. М. Степняку-Кравчинскому. Он глубоко уважал Л. Н. Толстого как человека. Восхищался им как художник. Не во всем соглашался с Толстым-философом. Редактируя орган «Фонда вольной русской прессы» газету «Свободная Россия» и участвуя в выпуске периодического издания «Летучие листки», С. М. Степняк-Кравчинский смело предоставляет их страницы для выступлений великого писателя. Именно «Фондом вольной русской прессы» в конце ноября 1895 года была напечатана статья «Гонения на духоворцев с заключением графа Л. Н. Толстого»². Несколько позднее было опубликовано предисловие Толстого к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина». Л. Н. Толстой выступает здесь против преследования царским правительством тех, кто осмелился противопоставить свои взгляды власти и официальной церкви (духоборы, штундисты и другие сектанты).

Несмотря на преклонение перед гражданской и человеческой смелостью Толстого, выступившего в защиту духоборов, С. М. Кравчинский не во всем с ним согласен и пишет критическое предисловие к первой статье писателя. Следует сказать, что Степняк был знаком с жизнью сектантов не понаслышке. Весной 1874 года он попал в секту молокан. Хотя ему и не удалось повернуть оппозиционность сектантов на путь борьбы за социальные преобразования, их жизнь в какой-то мере нашла отражение в романе «Штундист Павел Руденко» (издан в Женеве в 1900 году). Роман Кравчинского гневно обличал самодержавие, казенное духовенство. Симпатии писателя и в романе, и в предисловии к статье Толстого явно на стороне «беззащитных жертв кровавого издевательства» (309). Но «чувство человеческого достоинства и простой бесхитростной любви к нашему народу» (309) не позволяет С. М. Степняку-Кравчинскому согласиться с верой Толстого в «братское» отношение власть имущих к простым людям. Лев Толстой видит причину всех бедствий в идее «государственности», утверждая, что «...всякое правитель-

ство должно было поступить с духоборцами так или почти так, как поступило русское» (309). Но революционер-народник утверждает, что зверства, учиненные над духоборами, порождены особенностями политического строя России. Он подчеркивает, что позор за все эти злодеяния «ложится целиком на русское правительство» (310). Ему чужда политика того государственного устройства, для которого критическое отношение человека, в данном случае к государственной религии, является преступлением.

Более подробно Степняк анализирует предисловие Л. Н. Толстого к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина». Влияние Толстого на умы, его популярность, авторитет способствовали распространению реакционного учения о непротивлении злу насиллием. Книга о Дрожжине привлекла внимание Толстого фигурой ее главного героя, исповедовавшего идею непротивления злу насиллием. Но кто же такой Дрожжин? Выходец из крестьян, учитель, человек большого ума и сердца, интеллигент. Свою деятельность начал как революционер. В 1889 году он был схвачен жандармами и заключен в Харьковскую тюрьму. После заточения, лишенный учительского звания, был призван в армию, но отказался от исполнения воинской повинности.

Степняка заинтересовало не обоснование Толстым правильности отказа от военной службы («Все это (насилие) держится войском. Войско же состоит из солдат. Солдаты же мы сами. Не будь солдат и ничего этого не будет») (316). Кравчинский стремится вскрыть «внутреннюю психологию того полурелигиозного, полусоциального движения» (310), которое было связано в России с именем Л. Толстого. Сначала он выясняет: был ли Е. Н. Дрожжин истинным и до конца последовательным сторонником идеи непротивления? Степняк утверждает, что Дрожжин не был таковым. Для него характерно было чувство ненависти к своим мучителям, жестоким и бездарным людям. И слова его: «А где это Пугачевы на этих людей? Если бы знал, сейчас бы к ним ушел!» (311) — вряд ли согласуются с идеей ненасилия. Не может он считать угнетателей своими братьями. Он видит четкую грань между добром и злом, между врагом и другом. Кравчинский утверждает, что идея толстовства не была органической потребностью характера Дрожжина. Он представлял ее иначе, нежели Толстой и толстовцы. Дрожжин много передумал. Он пережил борьбу внутренних противоречий, нравственных мучений. Степняк указывает на тот факт, что борьба эта так терзала сердце Е. Н. Дрожжина, что физические страдания, испытываемые им, были для него своеобразной отдушиной. И, в конечном счете, он принимает толстовскую идею, но не душой, сердцем, а лишь рассудком, разумом. Он был человек, «а хотел превратить себя в овечку и не смог, и пропал задаром» (314).

А может быть, все это делалось ради конечного выигрыша? Но тогда возникает другой вопрос: а реален ли такой путь? Из года в год масса солдат практиковала теорию непротивления, но перемен не происходило. Могли ли они, мог ли Дрожжин смягчить своими страданиями, обратить в собственную веру своих мучителей? А не является ли пропаганда подобных мучений (в основе своей страшных и бессмысленных) жестокостью и злобой по отношению к отдельному человеку и к людям как обществу?

Обратить на себя и свои страдания внимание офицера, издевающегося над тобой? Дрожжин не раз убеждался, что это нереально. Обратить внимание тирана, стоящего у власти? Но теперь, по мысли Толстого, «распоряжается людьми не верховная власть, а ее служители» (315). По словам Степняка, — это огромный стальной механизм без жалости, сострадания, чувств, «многоголовый автомат». Так сколько же нужно жертв для того, чтобы добраться «до души и сердца автомата, машины, у которой нет ни того, ни другого?» (316). Борьба против отдельных единиц, автомата? А нужна ли борьба одиночек? Не вернее ли будет борьба против «известных вредных общественных форм» (316)?

Точка зрения Л. Н. Толстого вызывает серьезные возражения революционера-народника. Идея непротivления злу насилieм, восхваление жизни человека, поломавшего себе ребра в жерновах огромной государственной машины, которую он хотел остановить своими страданиями и смертью, чуждо Кравчинскому. Глубоко уважая великого писателя, он не может поступиться собственными идеалами и выступает как идейный противник Льва Толстого.

С. М. Кравчинский отдает должное авторитету великого русского писателя. Его привлекает смелая, открытая критика Толстым официальной власти, которая «как нечто достойное уважения, высокое и, главное, нечто определенное и цельное, совершенно уничтожилась и нет никакой возможности восстановить ее» (314). Так следует ли, спрашивает Л. Н. Толстой, «повиноваться» ее служителям, «когда требования их явно дурны и вредны?» (315). Полностью соглашаясь с Толстым — обличителем самовластья, Степняк-Кравчинский отвергает толстовские способы воздействия на сильных мира сего. Те средства борьбы со злом, которые предлагает писатель, не могут принести желаемых результатов. Для революционера-народника предпочтительнее «политический и революционный» путь борьбы. Он глубоко верит в истинность этого пути. Борьба для него является необходимым условием «органического роста общества» (316). Основания для недовольства государственной властью России у Л. Н. Толстого и С. М. Степняка-Кравчинского были общие. Однако пути разрешения конфликта они предлагали различные.

С 1888 года С. М. Степняк-Кравчинский читает лекции о творчестве Льва Толстого в Англии, в 1891 году — в Соединенных Штатах Америки. Он готовит к печати две статьи о Толстом. Одна из них, «Свет России», написана по заказу на английском языке и опубликована 10 июня 1889 года. Другая, «Граф Толстой как писатель и социальный реформатор», над которой Кравчинский работал в январе—апреле 1891, осталась незаконченной. Обе статьи рассчитаны на западного читателя. В них автор стремится объяснить некоторые взгляды писателя, особенности его художественного гения, сравнить его творчество с творчеством хорошо знакомых зарубежному читателю писателей (Уильям Фрей, И. С. Тургенев). Так, имя И. С. Тургенева дает возможность Степняку раскрыть две характерные, по его мнению, черты творческого метода Льва Толстого. Во-первых, «...оба наших великих писателя национальны». Во-вторых, в Тургеневе Кравчинский видит выразителя западного, европейского элемента. Толстой же — «самый полный выразитель противоположной стихии — того восточного элемента, который хоть и изживается понемногу, но все еще пока преобладает среди миллионов русских крестьян»³ (выделено нами — Н. Б.). Таким образом, С. М. Степняк-Кравчинский одним из первых увидел в Толстом выразителя взглядов многомиллионной массы крестьянства. Толстой судит действительность именем русского мужика, труженика. Именно в нем он видит истинную правду.

В статьях «Свет России» и «Граф Толстой как писатель и социальный реформатор» анализируются отдельные стороны мировоззренческой и творческой позиций писателя. Любопытная параллель прослеживается в этих работах. Степняк показывает читателю Л. Н. Толстого как писателя, снискавшего себе славу замечательными произведениями, и как пророка, проповедника новой религии. Какой он ближе читателю России и Запада? На что обращают особое внимание те и другие? Для западного читателя Л. Толстой состоялся вначале как проповедник новой религии, число увлекшихся которой превышало число тех, кто стал ее последователем. Толстовские работы «Исповедь» и «В чем моя вера?» удивили, поразили зарубежного читателя. Необычным был и новый образ жизни писателя, тачавшего сапоги, работавшего в поле. В России же, знавшей и видевшей массу примеров «самопожертвования и страдания во имя идей» (547), на это не обратили столь пристального

внимания. Для России Толстой был прежде всего великим мастером слова.

Отказ от собственности, которая, по словам Л. Толстого, «...дурна сама по себе... греховна и безнравственна, как таковая, а не потому, что находится в руках немногих» (547), вылившийся в нашумевшее дело с изданием «Смерти Ивана Ильича», дал повод, чтобы больно «уколоть» его. Двусмысленность положения (имение отдано жене и детям, но он живет с ними) страшно мучила Льва Николаевича. Суд над самим собой был гораздо тяжелее суда некоторых литераторов. Теория и практика разошлись. Религиозная основа, на которой строилась идея непротивления, не смогла завербовать новых поклонников. Все это было еще одним доказательством половинчатости, ограниченности учения. Толстой, утверждает Степняк, «отрицает собственность как сектант, а не как социальный реформатор», ему «не всегда удается подчинить свою мужественную страстную натуру требованиям абсолютной апатии». Более того, Степняк называет эту «абсолютную апатию» «неотъемлемой частью его учения о непротивлении злу» (548).

Итак, познакомившись с Толстым-пророком, западный читатель стремился найти ответы на вопросы, волновавшие его. Последовало увлечение Толстым-писателем. По мнению Степняка, в творениях Толстого-художника прежде всего нашли отражение его мысли, идеалы и своеобразие так называемого «восточного элемента»: «искусственное обособление духовного от телесного, создание своего рода тепличных условий для развития духа до пределов, в естественных условиях недосягаемых», которое «само по себе... неспособно создать ничего, кроме безнадежности и мертвого застоя» (553). Этот восточный квиетизм — своеобразное и оригинальное объяснение мировоззренческой позиции гениального писателя, которая отразилась в его художественном творчестве.

Художник и пророк. Вот две грани Толстого, интересующие Кравчинского. Он пытается объяснить, когда же в нем «перевесил» пророк. И можно ли утверждать, что Толстой как пророк «состоялся» лишь в 80-е годы? Нет. Уже в ранних произведениях («Казак», «Поликушка», «Семейное счастье»), по мысли автора статьи, «обнаруживается та же философия, которая позднее выступит на первый план. Она обнаруживается и в сердитых выпадах против цивилизации, и в тяге к чему-то лежащему за пределами интеллектуальных стремлений человека» (553).

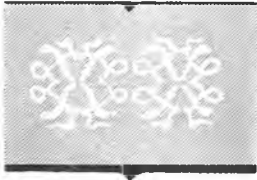
Открытое обличение паразитизма власть имущих, разоблачение морали буржуазного общества, страстная защита интересов народа, стремление найти правду жизни — вот чем прежде всего значим для Кравчинского Л. Н. Толстой. Великий русский писатель находился в постоянных поисках правды. Но, являясь выразителем взглядов миллионов русских крестьян, видел социальную перспективу искаженно. Его христианскую утопию понял и осудил Степняк. Он увидел в философии Толстого пассивно-созерцательное отношение к жизни, отказ от активной деятельности, призыв к движению назад, в прошлое.

В раздумьях о Л. Н. Толстом революционер и писатель С. М. Степняк-Кравчинский во многом оказался прав. Он был убежден, что творчество Льва Николаевича Толстого «останется в веках и всегда будет вызывать восторг и восхищение, возбуждать вдохновение и будить мысль» (559). Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский говорил о себе: «Для меня литература — то же поле битвы». И этот его девиз наглядно проявился в статьях о жизни и творчестве гениального соотечественника.

¹ Литературное наследство.— М., 1965, т. 75, кн. 1, с. 552.

² Литературное наследство.— М., 1961, т. 69, кн. 2, с. 308. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы (в скобках).

³ Литературное наследство — М., 1965, т. 75, кн. 1, с. 552. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи.

Мовазнаўства

А. Я. СУПРУН

СУПАСТАЎЛЯЛЬНАЕ (КАНФРАНТАЦЫЙНА-ТЫПАЛАГІЧНАЕ) ВЫВУЧЭННЕ ЛЕКСІКІ СЛАВЯНСКІХ МОЎ*

Тыпалагічнае вывучэнне моў уключае ў сябе, з аднаго боку, выяўленне іх агульных уласцівасцей, універсальных, а з другога боку, вызначэнне комплексаў адметных уласцівасцей, якія дазваляюць устанавіць некаторыя тыпы моўных структур і тыпы моў па іх унутраных якасцях або па іх функцыянальнаму выкарыстанню. Мэтанакіраванае даследаванне тыпаў моўных структур у цяперашні час прывяло да ўстанаўлення раду больш ці менш выразных тыпаў будовы моў, тыпаў гукавога ладу моў (а ў прыватнасці, арганізацыі вакалізма і кансанантызма), тыпаў функцыянальнага выкарыстання моў (пар. такія характарыстыкі, як сусветная мова, мова міжнацыянальных зносін, нацыянальная мова, літаратурная мова, дыялект, гаворка).

Каштоўнасць аднясення мовы да таго ці іншага тыпу тым вышэйшая, чым больш улічвае класіфікацыя сукупнасць моўных фактаў, якія складаюць даную зону мовы. Менавіта ў гэтым выпадку разуменне тыпу як дастаткова агульнай характарыстыкі мовы набывае пэўную самастойную каштоўнасць: аднясенне мовы да таго ці іншага тыпу сапраўды вызначае яе ўласцівасці. Пагэтаму пры вызначэнні тыпу мовы мэтазгодным з'яўляецца комплексны ўлік раду фактаў, якія складаюць або дэтэрмінуюць даны аспект, даную падсістэму моўнай будовы.

Хоць некаторыя тыпалагічныя характарыстыкі мовы знаходзяцца ва ўзаемасувязі, наўрад ці магчыма такая тыпалагічная характарыстыка мовы, якая дазволіла б колькі-небудзь вычарпальна вызначыць мову прыналежнасцю яе да якога-небудзь абстрактнага тыпу. Разнастайнасць моў свету сведчыць хутчэй на карысць меркавання аб тым, што найбольш змястоўнай тыпалагічнай характарыстыкай мовы будзе рознабаковая характарыстыка, якая вызначае тып мовы ў розных аспектах.

Сярод іншых паняццяў тыпалагічнай лінгвістыкі, карысных для вывучэння славянскіх моў, трэба адзначыць паняцце тыпу лексікона. Пры значнай блізкасці граматычнай структуры большасці славянскіх моў яны адрозніваюцца гучавым ладам, а таксама лексікай, складаючы групіроўкі, якія не супадаюць з асноўнымі генетычнымі групамі славянскіх моў. Справа ў тым, што станаўленне лексікона сучаснай мовы ёсць працяглы гістарычны працэс, у якім адлюстроўваюцца як унутраныя асаблівасці развіцця адпаведнага народа і яго культуры, спецыфічныя рысы развіцця данай мовы, так і знешнія яе кантакты. Тып лексікона характарызуецца якасна разнастайнасцю складаючай яго лексікі ў семантычных, стылістычных, граматычных адносінах, колькасна — ў адносінах аб'ёму і статыстычнай стратыфікацыі слоўніка, а таксама мар-

* Доклад на IX Міжнародным кангрэсе славістаў (Кіеў, верасень 1983 г.). Больш дэталёвае асвятленне закранутых пытанняў даецца ў брашуры аўтара «Лексическая типология славянских языков» (Мінск: Изд-во БГУ ім. В. І. Леніна, 1983).

фемнай структурай і словаўтваральнымі патэнцыямі лексікі, яе спалучальнасцю, фразеалагізацыяй і некаторымі іншымі фактарамі.

Поспехі ў канкрэтных тыпалагічных даследаваннях і тэарэтычнае развіццё асноў тыпалогіі, з аднаго боку, а таксама паглыбленне пазнання лексіконаў славянскіх моў, з другога боку, прывялі да пастаноўкі на IV (Маскоўскім) міжнародным кангрэсе славістаў пытання аб лексічнай тыпалогіі славянскіх моў у дакладах В. Бланара і А. В. Ісачанкі. З таго часу гэтыя праблемы застаюцца ў полі зроку славістаў (хоць і не ў цэнтры іх увагі), што атрымлівае адлюстраванне і на славістычных кангрэсах — у адказах на пытанні да V (Сафійскага) кангрэса, у дакладах М. І. Талстога, М. І. Лякомцавай, Г. Кучэры і М. Цешыцелавай на VI (Пражскім) кангрэсе, у асобных дакладах на VII (Варшаўскім) і VIII (Загрэбскім) кангрэсах славістаў. Праблематыка тыпалогіі лексічнага складу славянскіх моў натуральна звязваецца з развіццём уяўленняў аб сістэмным характары лексікона, а таксама з прымяненнем у даследаванні лексікі такіх сучасных метадаў, як кампанентны, дыстрыбуцыйны, статыстычны, псіхалінгвістычны аналіз. Разам з тым стварэнне за апошнія дзесяцігоддзі буйных слоўнікаў славянскіх моў становіцца фундаментам для далейшых тыпалагічных даследаванняў.

Аднак тыпалагічныя даследаванні славянскага слоўніка пераважна абмяжоўваліся асобнымі бакамі вывучэння лексікона, хоць і даволі цікавымі, каштоўнымі, але не ахопліваючымі пакуль што ўсёй складанасці вялікай, шматграннай і шматмернай лексічнай сістэмы, яе будовы, структуры і функцыяніравання. Між тым, надыходзіць, мабыць, час для папярэдніх, але больш рознабаковых характарыстык лексікона ў супастаўляльным, ды і не толькі ў супастаўляльным плане.

Супастаўляльнае вывучэнне лексікі славянскіх моў, эмпірычна распачатае і ажыццяўляемае ў межах перакладных слоўнікаў, якія з'яўляюцца разам з тым базай для больш глыбокага падыходу да супастаўлення, можа мець розныя аспекты. Магчыма, як і ў галіне граматыкі, супастаўленне лексікі на базе параўнання тэкстаў, прыймаемых за эквівалентныя (назавём такое вывучэнне канфрантацыйным), можа быць супастаўленне лексіконаў якой-небудзь пары моў, мэтай якога з'яўляецца атрыманне даных менавіта аб ёй (назавём такое даследаванне кантрастыўным), можа быць і супастаўленне на больш шырокай базе, накіраванае на пошук агульных або прыватных заканамернасцей, на ўскрыццё або праверку гіпатэтычна вылучаных універсальных, якое можна лічыць тыпалагічным. Пры гэтым мяркуецца, што тыпалагічная характарыстыка ўключае ў сябе як заканамернасці арганізацыі структуры лексікона, так і асаблівасці функцыяніравання сістэмы, а таму можа ажыццяўляцца як на базе пэўнай агульнай сеткі дыферэнцыяльных прыкмет, так і шляхам супастаўлення эквівалентных тэкстаў.

Тыпалагічная характарыстыка лексікона славянскіх моў, відаць, павінна мець комплексны характар і ўключаць у сябе паказчыкі, якія высявятляюць асаблівасці лексікі славянскіх моў у цэлым і кожнай мовы паасобку з розных бакоў і ў розных планах. К цяперашняму часу акрэсліваецца наступны прыкладны склад параметраў тыпалагічнага апісання славянскага лексікона.

1. Колькасная характарыстыка лексікона. У большай частцы сучасных славянскіх літаратурных моў аб'ём лексікона налічвае не менш паўтараста-двухсот тысяч адзінак, тады як аб'ём лексіконаў літаратурных моў абмежаванага выкарыстання, такіх, як верхнялужыцкая і ніжнялужыцкая, складае, відаць, пяцьдзсят-шэсцьдзсят тысяч слоў, а аб'ём лексікона гаворкі (напрыклад, па даных чэрвенскага слоўніка М. В. Шатэрніка або банацкага слоўніка Ст. Стойкава) вымяраецца велічыняй прыкладна дзесяці-дваццаці тысяч слоў. Пры ўсёй умоўнасці і прыблізнасці названых лічбаў яны указваюць на важнасць крытэрыя аб'ёму слоўніка.

2. Прадстаўленасць у лексіконе розных семантыка-тэматычных сфер лексікі, звязаных з рознымі галінамі жыцця носьбітаў мовы і рознымі

сферамі функцыяніравання мовы (што не заўсёды супадае, паколькі магчыма выкарыстанне ў некаторых галінах жыцця другой мовы).

3. Статыстычная структура лексікона: тэкстаўтваральная роля найбольш частых слоў, у тым ліку найбольш частых паўназначных слоў, суадносіны частых і рэдкіх слоў у тэксце, колькасныя суадносіны слоў розных семантычных і граматычных класаў у тэксце і ў лексіконе і да т. п.

4. Падабенства розных сфер лексікона супастаўляемых моў па вонкаваму выглядзе лексем і па плану зместу адпаведных слоў з улікам розных статыстычных зон, розных часцін мовы, розных семантычных групіровак і г. д., а таксама абагульненыя даныя аб падабенстве і адрозненні слоў у сістэме і ў тэксце, прадстаўленыя ў абагульненых колькасных паказчыках.

5. Натуральная граматычная класіфікацыя лексікона па часцінах мовы з улікам агульнасці фундаментальных граматычных члененняў славянскіх слоўнікаў і своеасаблівасці некаторых граматычных падтыпаў слоў.

6. Марфемна-словаўтваральная характарыстыка лексікона, у якой магчыма ўлік прадуктыўнасці розных класаў марфем і іх тыпаў, а таксама спосабаў словаўтварэння, такіх, напрыклад, як словаскладанне, кандэнсацыя і г. д., а таксама мера ўсведамляемай носьбітамі мовы звязнасці лексікона па марфемнай будове.

7. Семантычная структура лексікі ў цэлым з пункту гледжання агульных характарыстык семантычных групіровак рознага тыпу, развітасці і якаснай своеасаблівасці палісеміі, аманіміі, сінаніміі, экваніміі, антаніміі.

8. Стылістычная стратыфікацыя лексікі, суадносіны нейтральнай і стылістычна маркіраванай лексікі ў лексіконе і ў тэксце, своеасаблівасць стылістычнай маркіраванасці лексікі.

9. Асацыятыўная характарыстыка лексікі, якая ўключае асаблівасці слоўнага асацыявання ў плане яго сэнсавай стратэгіі, разнастайнасці напрамкаў асацыявання з рознымі лексічнымі стымуламі, сканцэнтраванасць або раскіданасць асацыявання («стандартнасць» асацыявання і «стандартнасць» асацыяцый, накіраваных на тэкстаўтварэнне).

10. Своеасаблівасць і агульнасць лексічнай спалучальнасці слоў і іх груп, асаблівасці індывідуальнай і групавой лексічнай спалучальнасці, здольнасць розных слоў і іх групіровак да фразеўтварэння. Лексічная спалучанасць на ўзроўні тэкста: асаблівасці сумеснай сустракальнасці слоў у межах тэкставых фрагментаў, дапушчальнасць паўтараў і сродкі іх унікнення, своеасаблівасць выкарыстання слоў-замышчальнікаў — сінонімаў і займеннікаў.

11. Вонкавая структура слова: даўжыня слова і розных тыпаў слоў у фанемах і складах, асаблівасці пачатку і канца слова, своеасаблівасць паслядоўнасцей фанем у складзе слова, абмежаванні, якія накладваюцца на такія паслядоўнасці, прасадыйная характарыстыка розных тыпаў слоў. Дастасавальна да пісьмовай формы маўлення магчымы і графічныя характарыстыкі слова, звязаныя з асобнасцю напісання слова, своеасаблівасцю пачатковых і канцовых абрысаў літар, асобных абрысаў, якія перадаюць семантычныя кампаненты слова, выкарыстанне пісьмовых абрэвіатур, ідэаграм і г. д.

Названыя тут тыпалагічныя крытэры маюць як колькасны, так і якасны характар, для іх прыёмальны ў той ці іншай меры імавернасны або няцвёрда-множнасны падыход, паколькі мова, будучы спецыфічна чалавечым сродкам зносін, валодае фундаментальнай уласцівасцю няцвёрдасці арганізацыі, якая забяспечвае магчымасць выкарыстання мовы ў новых умовах, гэта значыць творчасці пры дапамозе мовы, а такім чынам і ў мове, а разам з тым тлумачыць змяняльнасць мовы.

Множнасць і разнастайнасць з'яўляюцца лексікі, магчымаць рознабаковага падыходу да іх, неабходнасць уліку каласальнай колькасці фактаў нават у межах адной мовы, прымяненне розных метадаў аналізу лексі-

кі — усё гэта ставіць на парадак дня неабходнасць прымянення ў даследаванні лексікі наогул, а лексічнай тыпалогіі ў прыватнасці аўтаматызацыі, якая, такім чынам, разглядаецца не толькі як элемент прыкладных даследаванняў, але і як неабходная частка тэарэтычных даследаванняў у галіне мовазнаўства. У лексічнай тыпалогіі мэтазгодна бачыць не самамэту, а частку агульнатыпалагічнага вывучэння моў наогул і славянскіх у прыватнасці. Уяўляецца, што лексічная тыпалогія здольная даць істотныя элементы агульнай тыпалагічнай характарыстыкі моў.

Названыя тут параметры нельга разглядаць ні як абавязковыя, ні, тым больш, як раўназначныя кампаненты тыпалагічнага апісання славянскага слова і славянскіх лексіконаў. Гэта толькі магчымыя параметры, якія выносяцца на абмеркаванне. Іерархію гэтых паказчыкаў, іх даволі складаныя ўзаемаадносіны можна будзе ўстанавіць тады, калі ўзнікне магчымасць рознабаковай і глыбокай комплекснай тыпалагічнай характарыстыкі лексіконаў хоць бы некаторых славянскіх (ды і неславянскіх) моў. Уяўляецца, аднак, што такія мэты трэба мець на ўвазе і цяпер, вырашаючы надзённыя і чарговыя задачы лексікалагічных даследаванняў, сярод якіх важна як паглыбленне ў гісторыю лексікона, высьвятленне яго паходжання, станаўлення і развіцця, так і разгляд структуры, арганізацыі, функцыяніравання лексічнага складу мовы на пэўным этапе яго гісторыі ў сінхронным зрэзе.

Б. А. ПЛОТНИКОВ

О СООТНОШЕНИИ РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В БЕЛОРУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Категория рода представляет собой одно из наиболее характерных грамматических явлений, свойственных существительным обоих языков. Грамматический характер этой категории проявляется как в формальных показателях, так и в обязательности ее выражения существительными. С генетической точки зрения категория рода связана с семантическими особенностями существительных, в частности с отражением в значении слов биологического понятия пола, отмечаемого у одушевленных предметов, а также приписываемого сознанием древнего человека неодушевленным предметам¹.

В процессе эволюции грамматической системы семантическая связь категории рода и понятия пола сохранилась в более или менее явном виде только у части одушевленных существительных (соотносимых с именами и некоторыми животными), но потенциальное отношение к полу может в определенных ситуациях проявляться грамматическим родом практически каждого существительного. Например, у существительных, обозначающих деревья в белорусском и чешском языках, категория рода представляется сугубо грамматическим явлением, однако в поэтических произведениях, где наиболее полно реализуются смысловые возможности слов, род существительных может играть ведущую роль в создании соответствующих поэтических образов. Так, в стихотворении Я. Купалы «Явар і каліна» весеннее настроение и лирические чувства интимных человеческих отношений передаются в значительной степени за счет противопоставления мужского и женского рода существительных, которыми озаглавлено стихотворение.

В стихотворении чешского поэта В. Галека «В природе» белая береза не случайно сравнивается то с выбежавшей из стада козочкой, то с тонкой и гибкой девушкой (ср.: *Vyběhla bříza běličká, jak ze stáda ta kozička ... Vyběhla jako rapenka, tak hebká a tak tenká...*): основанием для такого сопоставления несомненно послужила грамматическая общность женского рода чешских существительных *bříza* 'береза', *kozička*, 'козочка' и *rapenka* 'девушка'.

Можно сказать, что в современных белорусском и чешском языках грамматическая категория рода представляет собой еще не совсем иссякнувшее семантическое явление, хотя в целом «биологический» аспект категории рода находится у существительных скорее «на дне» слова, тогда как «на поверхности» обнаруживаются лишь формальные особенности, проявляющиеся преимущественно во флексиях существительных, согласно которым в обоих языках выделяются в единственном числе мужской, женский и средний род.

И в чешском, и в белорусском языках подавляющее число существительных мужского рода в именительном падеже единственного числа оканчиваются на твердый или мягкий согласный (ср.: белор. *брат, двор, дзень* и т. п., чеш. *ráp, hrad, stroj* и т. п.). Кроме того, имеется группа существительных, как правило, обозначающих лиц, с окончанием в именительном падеже единственного числа *-а* (ср.: белор. *бацька, старшыня* и т. п., чеш. *předseda, starosta* и т. п.) и окончаниями *-ы, -и* (так называемые отадъективные существительные, ср.: белор. *палаўнічы, рускі* и т. п., чеш. *rgúvodčí, hajný* и т. п.). В отличие от белорусского языка в чешском к существительным мужского рода относится еще небольшая группа слов со значением лица с окончанием *-е(-ě)* в именительном падеже единственного числа (ср.: *soudce, hrabě* и т. п.).

К существительным женского рода в обоих языках относятся слова с окончанием *-а* в именительном падеже единственного числа (ср.: белор. *хата, дзядьчына* и т. п., чеш. *děra, ruка* и т. п.), а также существительные без окончаний (ср.: белор. *кроў, рэч* и т. п., чеш. *kost, raměť* и т. п.). В чешском языке в отличие от белорусского к женскому роду относится также группа существительных на *-е* (ср.: *duše, ulice, přítelkyně* и т. п.).

К существительным среднего рода в обоих языках относятся слова с окончаниями в именительном падеже единственного числа *-о, -е* (ср.: белор. *жніво, галлё, змаганне* и т. п., чеш. *pole, okno, město* и т. п.). Отличие между обоими языками в данном случае заключается в том, что в белорусском языке к существительным среднего рода относятся слова на *-а* (ср.: *крэсла, слова* и т. п.) и *-мя* (ср.: *імя, польмя* и т. п.), а в чешском языке — слова на *-і* (ср.: *stavení, umění* и т. п.). Исключение могут составлять только слова, заимствованные чешским из других языков (грамматический род у заимствованных слов не всегда определяется по перечисленным окончаниям), а также слова, имеющие в обоих языках общий род или употребляемые только во множественном числе.

Подавляющее большинство незаимствованных, славянских по происхождению и сходных по форме (однокоренных слов) существительных в обоих языках имеет одинаковый род, однако у некоторой части таких существительных отмечаются родовые различия. Белорусским существительным мужского рода могут соответствовать однокоренные чешские существительные как женского, так и среднего рода. Родовые несовпадения в этих случаях, как правило, фиксируются и в неодинаковых формальных показателях сопоставляемых существительных. Например, мужскому роду белорусских существительных противопоставляются чешские существительные женского рода (ср.: *рад — řada, мухамор — muchomůrka, агурок — okurka, светлячок — světluška, луг — louka, пройгрыш — prohřá* и др.) или среднего рода (ср.: *вугаль — uhlí, корм — krmívo, аleshнік — olšovní, загаловак — záhlaví, звер — zvíře* и др.).

Белорусским существительным женского рода соответствуют чешские существительные мужского рода (ср.: *ветка — větev, выдача — výdej, галубятня — holubník, назва — název, мурашка — mravenec, пятніца — pátek* и др.) или среднего рода (ср.: *варка — vaření, яда — jídlo, заграница — zahraničí, купальня — koupaliště, набярэжная — nábřeží, вучоба — učení* и др.). Белорусские существительные среднего рода соотносятся с чешскими существительными женского рода (ср.: *белакроўе — bělokrevnost, давер'е — důvěra, знаёмства — známost, зарава — záře, марожанае — zmrzlina, падабенства — podoba* и др.) и в редких случаях

с существительными мужского рода (ср.: *злачынства* — *zločin*, *воблака* — *oblak*, *пойла* — *pároj*).

Наибольшее число родовых различий у существительных обоих языков приходится на заимствованные слова. Причем, в этих случаях в отличие от незаимствованных существительных нередко наблюдается полное внешнее совпадение слов, которые тем не менее считаются в белорусском и чешском языках существительными разного рода. С учетом внешней формы слов можно выделить следующие основные виды соотношений заимствованных существительных, у которых в обоих языках не совпадает род.

1. Существительным мужского рода без окончаний в белорусском языке соответствуют в чешском языке существительные женского рода с окончанием *-a* (ср.: *адрес* — *adresa*, *анализ* — *analýza*, *ліманад* — *lítopada*, *дог* — *doga*, *карабін* — *karabina*, *сезон* — *sezona*, *рэзерв* — *rezerva*, *брыкет* — *briketa* и др.).

2. С существительными мужского рода без окончаний в белорусском языке соотносятся в чешском существительные женского рода с окончанием *-e* (ср.: *асананс* — *asopance*, *баланс* — *bilance*, *дэмарш* — *demarše*, *крызіс* — *krize*, *легіён* — *legie*, *фазіс* — *faze*, *экстаз* — *extáze*, *сенси* — *sense* и др.).

3. Существительным мужского рода без окончаний в белорусском соответствуют существительные среднего рода на *-um* в чешском языке (ср.: *санаторый* — *sanatorium*, *актыў* — *aktivum*, *амоній* — *amonium*, *дамініён* — *dominium*, *квант* — *kvantum*, *музей* — *muzeum*, *юбілей* — *jubileum*, *спектр* — *spektrum* и др.).

4. Существительные мужского рода без окончаний в белорусском соотносятся с существительными среднего рода с окончаниями *-o*, *-e*, *-a* в чешском языке (ср.: *фінал* — *finále*, *тэмп* — *tempo*, *торс* — *torzo*, *намінал* — *pominále*, *накцюрн* — *pokturno*, *клімат* — *klima*, *квартэт* — *kvarteto* и др.).

5. Существительные в обоих языках совпадают по форме, но в белорусском языке они относятся к мужскому роду, а в чешском к среднему (ср.: *акварыум* — *akvarium*, *вакуум* — *vakuum*, *кворум* — *kvorum*, *максімум* — *maximum*, *пленум* — *plenium*, *форум* — *forum*, *рэквіем* — *rekvievum*, *лінолеум* — *linoleum* и др.).

6. Существительные в обоих языках совпадают по форме, но в белорусском языке они относятся к мужскому роду, а в чешском к женскому (ср.: *гараж* — *garáž*, *пасаж* — *pasáž*, *манеж* — *maněž*, *пляж* — *pláž*, *сабатаж* — *sabotáž*, *танаж* — *tonáž*, *трамвай* — *tramvaj*, *трафей* — *trofej*, *рэванш* — *revanš* и др.).

7. Существительным женского рода с окончаниями *-a(-я)* соответствуют в чешском языке существительные мужского рода без окончаний (ср.: *акацыя* — *akát*, *бацыла* — *bacil*, *каністра* — *kanystr*, *люстра* — *lustr*, *марфема* — *morfém*, *рапіра* — *rapir*, *сістэма* — *system*, *эпапея* — *eporej*, *праблема* — *problém* и др.).

8. Существительные женского рода с окончаниями *-a(-я)* в белорусском языке соотносятся в чешском с существительными среднего рода на *-um* (ср.: *амбулаторыя* — *ambulatorium*, *віза* — *vizum*, *гімназія* — *gymnazium*, *калегія* — *kolegium*, *імперыя* — *imperium*, *аўдыторыя* — *auditorium* и др.).

9. С существительными женского рода с окончаниями *-a(-я)* в белорусском языке соотносятся в чешском существительные среднего рода с окончаниями *-o*, *-e* (ср.: *піжама* — *pižamo*, *рызыка* — *riziko*, *саранча* — *saranče*, *студыя* — *studio*, *тарпеда* — *torpédo* и др.).

10. Существительные совпадают по форме в обоих языках, но в белорусском они относятся к женскому роду, а в чешском к мужскому (ср.: *акварэль* — *akvarel*, *мадэль* — *model*, *пастэль* — *pastel*, *педаль* — *pedál*, *рысь* — *rys*, *фланель* — *flanel* и др.).

11. Существительные совпадают по форме в обоих языках, но в белорусском они относятся к женскому роду, а в чешском к среднему (ср.:

аксіёма — *axióma*, *альфа* — *alfa*, *астма* — *astma*, *догма* — *dogma*, *панарама* — *panoráma*, *тэма* — *téma* и др.).

12. Единичные существительные среднего рода с окончаниями *-a*, *-e* в белорусском языке соотносятся с существительными женского рода на *-e* в чешском (ср.: *дэкадэнцтва* — *dekadence*, *інтэнданцтва* — *intendance*, *каранаванне* — *kořinowace*) или с существительными мужского рода без окончаний (ср.: *консульства* — *konzulát*).

Отдельные существительные (как заимствованные, так и незаимствованные) в белорусском языке выступают в форме множественного числа, тогда как в чешском языке им соответствуют существительные определенного рода в единственном числе (ср.: *дэбаты* — *debata* женского рода, *каноплі* — *koporí* среднего рода), или наоборот (ср.: чеш. *parkety* — только множественное число и белор. *паркет* мужской род единственное число).

В белорусском и чешском языках наблюдается также небольшое число в основном незаимствованных существительных одинакового рода, с которыми в русском языке соотносятся существительные другого рода (ср.: женский род в белорусском и чешском языке и мужской род в русском языке у следующих существительных: *гусь* — *husa* — *гусь*; мужской род в белорусском и чешском языках и женский род в русском языке у существительных *летаніс* — *letopis* — *летопись*, *засек* — *zásek* — *засека*, *спех* — *spěch* — *спешка*, *млын* — *mlun* — *мельница*; женский род в белорусском и чешском языках и средний род в русском языке у существительных *няроўнасць* — *nerovnost* — *неравенство*, *непаслухмянасць* — *neroslúšnost* — *непослушание*, *меншасць* — *menšina* — *меньшинство*, *вераломнасць* — *vérolomnost* — *вероломство*; среднему роду существительных со значением детенышей в белорусском и чешском языках противопоставляются следующие существительные мужского рода в русском языке: *казляня* — *kůzle* — *козленок*, *львяня* — *lvíče* — *львенок*, *мядзведзяня* — *medvíče* — *медвежонок*).

Разнообразные виды соотношений категории рода у сравниваемых существительных свидетельствуют как о наличии общих моментов, так и об относительной автономности развития грамматических систем белорусского и чешского языков.

¹ См.: Виноградов В. В. Русский язык.— М., 1972, с. 56; Есперсен О. Философия грамматики.— М., 1958, с. 268.

А. К. КИКЛЕВИЧ

К ВОПРОСУ О НЕОБРАТИМОСТИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

(на материале русского и польского языков)

А. М. Пешковский в широко известной полемической статье «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?» указывал на характерный для сочинительной связи признак пространственной обратимости: «Производя перестановку в сочетании *сестры учительницы*, понимаемом разнопредметно, получаем два разных взаимоотношения (*сестры учительницы* и *учительницы сестры*). Производя перестановку в том же сочетании, понимаемом однопредметно (*сестры-учительницы* и *учительницы-сестры*), никакой разницы взаимоотношения не получим, потому что оно в обоих случаях остается обоюдным»¹ (согласно А. М. Пешковскому, сочинение — это равносторонний, параллельный, обоюдный, симметричный, обратимый, обоюдосторонний тип связи). Подобная точка зрения является традиционной и наиболее распространенной в теории сочинения, причем не только в русской лингвистике. «Одно из наиболее общих правил состоит, по-видимому, в том, — констатирует А. В. де Гроот, — что почти во всех языках в сочинительной группе име-

ется свободный, т. е. синтаксически нерелевантный, порядок слов»². Характерна данная точка зрения и для польского языкознания³. Итак, традиционная синтаксическая теория исходит из разграничения сочинения как обратимого, реверсивного типа связи и подчинения как необратимого, ирреверсивного типа связи.

Вместе с тем в последнее время формируется новая точка зрения, подтверждаемая фактическим материалом: это мнение об ирреверсивности сочинительной конструкции, о семантически значимом порядке расположения компонентов координативной синтагмы. «Если раньше большинство ученых считало, что сочинение единиц предполагает их равноправие и независимость друг от друга, вследствие чего они не обусловлены взаимным фиксированным положением и могут легко меняться местами, то в настоящее время эта точка зрения отвергнута, так как доказано, что члены сочинительной группы не всегда могут менять расположение по отношению друг друга»⁴. «Распространено мнение, — пишут М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрик, — что упорядочивание сочиненных членов носит произвольный, случайный характер. Однако более внимательное наблюдение над порядком слов при сочинении не подтверждает этого мнения»⁵. В пользу необратимости координативной синтагмы высказываются А. В. де Гроот⁶ и А. А. Прокопчук⁷.

Рассматривая в статье бинарные сочинительные конструкции, мы выделяем в них две синтаксические значимые позиции: позиция 1-го члена и позиция 2-го члена (иначе — первая и вторая позиции). Понятие значимой позиции мы позаимствовали у Н. Ю. Шведовой, которая, анализируя предложения типа «Внуки помогают старику» (субъект + предикат + объект), пишет, что здесь словоформы занимают позиции, «которые вне условий актуализации стабильны: первая позиция является позицией субъекта, вторая — позицией предиката, третья — позицией объекта... Сама позиция сигнализирует о том, какой семантической категорией она должна быть нормально заполнена. Таким образом, в предложении есть значения позиций, существующие в отвлечении от значений заполняющих их конкретных словоформ»⁸.

Какие же значимости закреплены в координативной бинарной синтагме за первой и второй позициями? М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрик указывают несколько семантических типов сочинительных конструкций с устойчивым порядком членов, среди них: человек — не человек (*человек и природа, человек и среда, человек и закон*), мужчина — женщина (*муж и жена, отец и мать*), старше — младше (*отцы и дети, бабушка и внук, внуки и правнуки*), более важное — менее важное (*профессора, преподаватели и студенты; коммунисты и беспартийные; нации и народности* и т. д. «Общим для всех этих случаев является то, что первая позиция предназначается для более престижного, значимого (с некоторой точки зрения) члена, и изменение порядка слов приводит или к смысловому диссонансу (*преподаватели, студенты и профессора*), или к переосмыслению сравнительной значимости объектов (*природа и человек, жена и муж*)»⁹. К подобному мнению приходит и А. А. Прокопчук¹⁰. Мы можем добавить к приведенным типам конструкций еще некоторые: мое — чужое: Однако «звезда» бразильцев Зико скептически воспринял это предложение, заявив: «Я предпочел бы поединок *«Фламенго» и «Ювентуса»* — сильнейших команд *Бразилии и Италии*» (Правда, 1982, 25 октября); предшествующее — последующее (в широком смысле), первичное — вторичное, более типичное — менее типичное; *исторический и современный; вчера и сегодня; прошлое и настоящее; детство и юность; были, есть и будут; другую, третью, четвертую; сотни и тысячи; газеты и журналы; футбол и хоккей; колхозы и совхозы; Пушкин и Маяковский; Работа в лагере труда и отдыха* — всегда испытание нравственных и физических сил подростка. Прежде всего нравственных. (Правда, 1982, 15 сентября); *tygodnie i lata; slyszat i slyszy; bylo i bedzie; lato i jesien; sześć czy siedem*; «*Ponadto zamieszkuje w Estonii Rosjanie (24,7 proc.), Ukraińcy (2,1 proc.), Białoru-*

sini (1,4 proc.), Finowie (1,4 proc.) oraz Żydzi (0,4 proc.) i Lotysze (0,2 proc.)» («Przyjaźń», 1982, N 23); «Tak wiele jest przestrzeni na morzu i na ziemi» (W. Broniewski).

В сочинительной конструкции первая позиция отдается компоненту, в том или ином отношении более значимому, приоритетному, престижному. Данная позиция как бы задает фон семантической структуры всей сочинительной конструкции, точку отсчета. Ярким подтверждением этому является порядок расположения сочиняемых антонимов. Антонимы могут быть представлены в виде семантических коррелятивных пар. Н. С. Трубецкой писал о корреляции: «По-видимому, всякая (а может быть, и не всякая?) фонологическая корреляция приобретает в языковом сознании форму противопоставления наличия какого-нибудь признака его отсутствию (или максимума какого-нибудь признака его минимуму). Таким образом, один из членов корреляции непременно оказывается «положительным», «активным», а другой — «отрицательным», «пассивным». По крайней мере, — если противопоставление бинарное»¹¹. Это асимметрическое противопоставление элементов класса на положительные и отрицательные находим также у Е. Куриловича и В. Хлебды¹².

Подобная корреляция имеет место и в семантике. Так, В. В. Иванов и В. Н. Топоров пишут о системе двоичных семантических противопоставлений в языковой культуре древних славян, главное из которых — «положительное» — «отрицательное». «Это главное противопоставление реализуется в серии более частных противопоставлений, которые можно было бы объединить в отдельные группы»¹³. Так, выделяются два вертикальных ряда коррелятивных понятий:

счастье — несчастье
жизнь — смерть
правый — левый
чет — нечет
верх — низ
небо — земля
день — ночь и т. д.

Корреляция охватывает в целом более широкий круг семантических отношений, чем антонимия. В частности, корреляция подразумевает: 1) контрарные противопоставления (собственно антонимические): а/б (*белый — черный*) и 2) контрадикторные противопоставления: а/б + в (*белый — небелый*). Существенный момент корреляции — наличие горизонтальных плюс вертикальных семантических соответствий. Именно благодаря последним оформляется «положительный» либо «отрицательный» статус того или иного коррелята.

Семантическая корреляция устанавливается между словоформами в области парадигматики. Функционирование словоформ в пределах координативной синтагмы в значительной мере отражает их парадигматические характеристики. В частности, первую позицию бинарного сочинительного ряда занимает, как правило, словоформа с положительным доминантным признаком (*счастье, жизнь, правый, день* и т. д.), а вторую позицию — словоформа с отрицательным доминантным признаком (*несчастье, смерть, левый, ночь* и т. д.). Нами были проанализированы 1028 бинарных координативных рядов в русском и 524 ряда в польском языках. Порядок следования в них положительных и отрицательных компонентов отражает таблица.

Язык	Всего	Полож. + отриц.	Отриц. + полож.
Русский	1028	847 (82,4%)	181 (17,6%)
Польский	524	421 (80,3%)	103 (19,7%)

Как показывают данные таблицы, для сочинительной связи в русском и польском языках характерно вероятностное соотношение первой позиции с положительными категориями и второй — с отрицательными. Эти данные подтверждают тезис о значимом порядке слов в координативной синтагме и об ирреверсивности сочинительной связи.

¹ Пешковский А. М. Избранные труды.— М., 1959, с. 135.

² Гроот А. В. де. Классификация групп слов.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 180—181.

³ См.: Bednareczuk L. Parataksa a hipotaksa.— Sprawozdania z posiedzeń Komisji Naukowych. Kraków, 1970, t. XIII/I, s. 56.

⁴ Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка.— М., 1981, с. 115.

⁵ Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка.— ИАН ОЛЯ, 1981, т. 40, № 4, с. 353.

⁶ См.: Гроот А. В. де. Указ соч., с. 181.

⁷ См.: Прокопчук А. А. Коммуникативно-функциональный аспект линейаризации в рядах с сочинительной связью.— В кн.: Семантика и прагматика синтаксических единиц. Калинин, 1981, с. 67.

⁸ Шведова Н. Ю. Объектная форма в субъектной позиции.— Otázky slovanské syntaxe, Brno, 1976, IV/I, s. 64.

⁹ Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Указ соч., с. 353.

¹⁰ См.: Прокопчук А. А. Указ соч., с. 65.

¹¹ Цит. по: Якобсон Р. О. Круговорот лингвистических терминов.— Фонетика, Фонология, Грамматика. М., 1971, с. 384.

¹² См.: Курилович Е. Очерки по лингвистике.— М., 1962, с. 16; Chlebda W. Oksymoron jako językowy środek poznania i odzwierciedlenia relacji pozajęzykowych (na materiale języka polskiego i rosyjskiego).— Biuletyn Slawistyczny, 1981, R. VI, s. 77.

¹³ Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы.— М., 1965, с. 64.

Я. Л. ТРЕМБОВОЛЬСКИЙ

К СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЧИНЕНИЯ ЧЕРНОРИЗЦА ХРАБРА «О ПИСМЕНЕХЪ»

На общем фоне средневековой литературы, ориентированной на выражение коллективных чувств, коллективного отношения к изображаемому, литературы, для которой чувство канона, знание и использование понятийных клише и словесных штампов являлось критерием писательского мастерства, любое произведение с чертами авторского, индивидуального самовыражения несомненно представляет особый интерес. В старославянской литературе одним из таких произведений следует считать «О писменехъ». Храбр — бесспорно замечательный представитель общеславянской культуры — привлекает внимание страстной защитой славянской письменности, своеобразной аргументацией, выработанной им тактикой спора с противниками славянской азбуки. Автора «О писменехъ» отличает тяга к сдержанному и логичному стилю, и вместе с тем в произведении постоянно проявляется свое, субъективное отношение к излагаемому — именно поэтому анализ текста «О писменехъ» позволяет судить об исторических и философских взглядах Храбра, о системе его ценностей, т. е. о его мировоззрении в контексте средневековой модели мира.

Время создания и утверждения славянской письменности (а значит и время самого Храбра) — это и переход от язычества к христианству, ключевой момент сложнейшего этапа славянской истории. Этот переход сопровождался неизбежной ломкой мирозерцания средневекового человека. И самым значительным в новой модели мира, предложенной христианством, явилось напряженное, эсхатологическое ощущение времени, его безусловности и необратимости. Сакральная история, наполненная уникальными, но непреходящими по содержанию событиями, развела понятия времени и вечности. «Содержание новозаветной веры — не вневременный миф и не вневременная религиозно-философская концепция; оно связано со стихией времени и требует внимания к времени, к «знамениям

времени»¹. Это было принципиальным расхождением с мифологизмом языческого сознания, которое, опираясь на миф и ритуал, не оперировало категориями необратимого развития и изменения, а в рамках вечно-го возвращения рассматривало скоропреходящие явления в качестве своеобразного воспроизведения первоначальной схемы². Но христианский историзм, разошедшийся по существу с метафизическими схемами мифа, не избежал их влияния. В пределах исторического времени образовался мифологический пласт, включавший в себя непреходящие по своему значению события священной истории. Правда, эти события претендовали не на то, чтобы быть вневременными, их мифологизм заключался в претензии на онтологическую исходность, на то, чтобы быть точкой отсчета, началом исторического ряда. Таким образом, сознание средневекового человека отличалось двойственностью. Его жизнь развертывалась сразу в двух временных планах, находившихся в отношении подвижного равновесия: «в плане локальной преходящей жизни и в плане общеисторических, решающих для судеб мира событий — сотворения мира, рождества, страстей Христовых»³.

Обрисовав вкратце особенности средневекового восприятия времени, обратимся непосредственно к тексту «О писменех». Основная задача, поставленная Храбром в этом произведении, однозначна: прославление славянской письменности. Но это не «чистая» апология, как, например, «Проглас» Константина Философа. Прославление славянской азбуки достигается здесь за счет посрамления ее противников, вернее, за счет логического и фактологического отвода их возражений. Характер полемики был по существу predetermined уже рассмотренным нами дуализмом средневекового мышления. По мнению сторонников греческой письменности, только она, в сравнении со славянским письмом, освящена вековой традицией и принадлежит «первым деяниям» (тем самым соответствуя сфере мифологического). Славянская письменность, как дело новое, а потому подозрительное, лишь повторяет «первые деяния» и, принадлежа исторической последовательности, скоропреходяща по своему характеру. Такова первоначальная расстановка, исходя из которой Храбр подбирал свои аргументы. Задача Храбра — перекодировка. Выиграть спор можно было, переведя греческую письменность из разряда мифологических «первых деяний» в разряд вторичных деяний исторической последовательности, совершив соответственно обратный перевод славянской письменности в сферу мифологического. Это была своего рода сверхзадача. Посмотрим, как с ней справился Храбр.

В начале произведения рассказывается о трех фазах развития славянского письма. Прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но «чертами и рѣзьями чьтѣхоу...»⁴ После крещения же славяне пытались записывать свою речь греческими и римскими письменами, но «безь оустроя», т. е. без порядка, неудачно. И наконец провиденциалистский акт создания славянской письменности Константином Философом: «потомъ же члколюбець бгъ строя вся... помиловавъ родъ словенски и посла имь стго Константина Философа...» Каждый этап предыстории создания славянской письменности и само ее создание отмечены здесь совершенно определенной авторской оценкой. Так очевидно, что с отрицательной коннотацией связано упоминание Храбра о том, что «чертами и резами» славяне пользовались, будучи язычниками: «погани соуще» (в системе инвариантной оппозиции **сакральное-несакральное** языческое несомненно замещает второй член). Следующий этап — это неудачная с точки зрения автора попытка объединить полярные противоположности: христианское и языческое. На первое указывают здесь слова «крѣстивше же ся», а на языческое — «греческами писмены», так как дальше в тексте Храбр отмечает, что греческую письменность создали язычники: «а греческа еллини погани». Кроме того попытку примирить христианское и языческое автор характеризует словами «безь оустроя», относя ее к сфере несакрального, неистинного, что дополнительно под-

тверждается антонимичными выражениями: «бгъ строяи вся» и «вся по рядоу бывають от бга» (можно считать оппозицию **упорядоченное-неупорядоченное** вариантом оппозиции **сакральное-несакральное**). Зато в рассказе о создании славянской письменности Константином Философом каждое слово свидетельствует о победе истинного, святого, праведного. Как видим, уже в начале произведения Храбр, повествуя о трех этапах создания славянской азбуки, для последнего из них вводит провиденциалистскую причину, тем самым создавая эмоциональный фон святости перед основной частью «О писменехъ» — полемикой с противниками славянской письменности. Но вот что любопытно. Когда Храбр приводит одно из возражений противников новой письменности, смысл которого в том, что дело Константина Философа несовершенно и еще дорабатывается, то Храбр, чтобы быть последовательным, должен был бы использовать чисто теологическую казуистику: раз славянская азбука — от бога, «*строаяи вся*», то как возможно, что он ее «*нѣсть оустроилъ добръ*»? Но как тонко подметил С. С. Аверинцев, «структуру можно созерцать, в истории же приходится участвовать»⁵. Храбр вынужден подчиниться логике факта и согласиться с принципом развития⁶. Его непоследовательность естественно объясняется двойственностью средневекового сознания, на которую мы уже обращали внимание. Реально-историческим доводам Храбр противопоставляет реально-исторические контрдоводы: «*и греческы також многажды соуть постраяли, Акила и Симмах. и потомъ и инши мнози*», и все это заключается очевидной житейской мудростью: «*оудобѣ бо есть послезе потворити. неже первое сотворити*». Последний пример свидетельствует о характерных особенностях мировоззрения Храбра: факты эмпирической действительности обладают у него известной автономностью и не обязательно выступают как результат «высшей воли».

Рассматривая в «О писменехъ» характер полемики с противниками славянской письменности, мы замечаем, что Храбр как опытный полемист очень последовательно, шаг за шагом добивается поставленной цели. Первый его шаг — это приведение показателей славянской азбуки к показателям греческой как высшей по иерархии. Храбр подчеркивает, что греческая азбука послужила образцом Константину Философу в создании славянской (одновременно будучи верным принципу развития он указывает, что греки, создавая азбуку, подражали еврейским письмам). Так, первая буква в греческом алфавите — «альфа», и, следуя этому примеру, «*сѣый Кирилъ сотвори первое писмо азъ*»; в греческой азбуке по хитроумным подсчетам Храбра — 38 букв, и «*тѣмъ же тому подобно и во тѣ образъ сотвори сѣый Кирилъ тридесати и осми писменъ*».

Второй шаг — это уравнивание греческой и славянской азбук как одинаково вторичных явлений. Храбр приводит аргумент сторонников так называемой трехязычной ереси: исходя из того, что, согласно Евангелию, надпись на кресте была сделана Пилатом на еврейском, греческом и латинском языках, они утверждали, что только эти языки священные, а славянские письма «*не соуть . . . от бга*». Храбр, возражая им, делает внешнюю отсылку на священные тексты: «*обаче речемъ от стхъ книгъ*», но использует сведения, почерпнутые им, видимо, из толкований на книгу Бытия византийского писателя V века Феодорита Киррского⁷. Следуя ему, Храбр утверждает, что первым языком на земле был сирийский: «*нѣсть бгъ сотворилъ жидовска языка, преже ни римска ни еллинска. но сирескъ имъ же и Адамъ гла*». Помещая в онтологически исходное положение безразличный для него в данном случае сирийский язык, Храбр уравнивает таким образом все остальные языки как одинаково вторичные и тем самым принадлежащие исторической последовательности. Для сравнения вспомним, что в 16 главе Пространного Жития Константина Константин, защищая литургию на славянском языке от приверженцев трехязычной догмы, пользовался только цитатами из Псалтыря и Евангелия⁸. Оригинально интерпретируя эти цитаты, он подводил

к мысли о праве каждого народа вести литургию на понятном для него языке, т. е. все языки признавались перед богом одинаково первичными. Храбра не могла привлечь такая аргументация, зато ему оказался нужен иерархический принцип в рассуждениях Феодорита Киррского. Храбру важно здесь именно то, что не все языки первичны, а первичен только сирийский, все же остальные языки равны как производные, как повторяющие в какой-то мере онтологически исходный язык. Этот тактический ход Храбра позволил ему вывести греческий язык из сферы мифологического.

Третий шаг — это сопоставление историй создания обеих письменностей с тем, чтобы подтвердить вторичный характер греческой с одновременным переводом в сферу мифологического славянской письменности. Для того, чтобы понять, как это удастся сделать Храбру, вспомним ряд отличий исторических представлений от мифологических. «Историческое представление является дискретным, расчленяющим временную последовательность на ряд отдельных друг от друга элементов — событий. Мифологическое мышление не знает такого расчленения»⁹. Вспомним еще раз, что в рамках христианского историзма мифологическое представляет собой совокупность «первых деяний», каждое из которых является исходным и само в себе включает нерасчленяемую последовательность. Семиотическая значимость этих отличий ощущалась Храбром, вот почему он очень подробно, в деталях показывает растянутое во времени создание греческой письменности. Он постоянно подчеркивает, что она создавалась постепенно, в течение многих лет (*«лѣта многа... по мнозехъ же лѣтехъ... и тако мнози за многа лѣта... многымъ лѣтом... мнози многи лѣты...»*), что в ее создании принимало участие семь книжников (по мнению И. В. Ягича, двоих Храбр просто придумал¹⁰), а в переводе Писания — семьдесят; в этом отрезке текста нет столь обычных для старославянского эллиптических конструкций, наоборот, много повторов, много наречий времени, указывающих на хронологическую последовательность событий. И вслед за этим — сильнейший контрапункт: всего одно лишь предположение о создании Константином Философом славянской азбуки и переводе священных книг: *«а словенская книги единъ Константинъ нарицаемый Кирилъ писмена сотворилъ и книги преложи в малѣхъ лѣтехъ»*. Подчеркивая то, что Константин Философ один создал славянскую письменность, Храбр одновременно подчеркивает ее целостный характер, что свойственно мифологическим представлениям. Как пишет А. Е. Супрун, «слово *единъ* (или *инъ*), по-видимому, употреблялось скорее для того, чтобы выделить некоторую единицу из ряда (множества) ей подобных, чем для того, чтобы этим обозначить количество»¹¹. Аналогичным образом характеризует значение единицы в текстах наиболее древнего типа В. Н. Топоров: «Единица означала, как правило, не столько первый элемент ряда..., сколько целостность, главной чертой которой выступает нерасчлененность»¹². Таким образом, вариантами оппозиции мифологическое-историческое являются противопоставления: **целостное-дискретное, единичное-множественное**. Значимость этих противопоставлений для средневекового сознания можно показать еще на одном примере. В древнерусском памятнике XIV века «Житие Стефана, епископа Пермского» мы находим историю создания Пермской азбуки, написанную под влиянием «О писменехъ»¹³. Автор «Жития Стефана...» Епифаний Премудрый, отстаивая от нареканий Пермскую азбуку, использует тот же механизм противопоставления единичного множественному. Но Стефана Пермского, создавшего без чьей-либо помощи Пермскую азбуку, он противопоставляет... Кириллу и Мефодию (!), вдвоем составившим славянскую азбуку: *«...но Кирилоу Философоу способляше многожды братъ его Мефодъ, Стефану жъ никто жъ...»*¹⁴ Любопытный пример, еще раз подтверждающий семиотическую важность аргументов Храбра на третьем шаге. Именно с их помощью Храбр переводит факт создания славянской письменности в сферу мифологического, в разряд «первых деяний». И как бы закрепляя новую расстановку, он добавляет, что потому еще

славянские письмены священны, что «стѣ бо моужѣ творилъ я естъ, а греческа еллини погани».

В заключение — четвертый шаг. Храбр указывает точную дату создания славянской письменности при невозможности указания таковой для греческой. Тем самым Храбр пытается сделать время создания славянской азбуки точкой отсчета, началом, онтологически исходным «первым деянием», что несомненно воспринималось как притязание на принадлежность сфере мифологического, сфере сакрального (ср. с точными датами «первых деяний» — сотворение мира, рождение Христа, даты эсхатологических ожиданий и др.).

Таким образом, анализ содержания «О писменехъ» в контексте средневековой модели мира позволил глубже взглянуть на характер приводимых Храбром аргументов в защиту славянской письменности, вскрыть их семиотическую и отчасти культурно-историческую подоплеку.

¹ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы.— М., 1977, с. 92.

² См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры.— М., 1972. Ср. аналогичное восприятие времени античностью: Лосев А. Ф. Критические замечания к диалогу «Тимей».— В кн.: Платон. Сочинения.— М., 1971, т. 3, ч. 1, с. 660.

³ Гуревич А. Я. Указ. соч., с. 127.

⁴ Все цитаты из «О писменехъ» даются по Соловецкому списку № 913 (XVII век) по изданию памятника К. М. Куевым: Куев К. М. Черноризец Храбр.— София, 1967, с. 326—328. Выбор позднего списка обусловлен техническими трудностями. В связи с ним же «юс малый» заменен «Я».

⁵ Аверинцев С. С. Указ. соч., с. 89.

⁶ Первым на идею развития у Храбра обратил внимание И. Дуйчев в кн.: Дуйчев И. Из старата българска книжнина.— София, 1943, ч. 1, с. 209. См. также: Велчев В. Към идейно-творческата проблематика на «Сказание о писменехъ» от черноризец Храбр.— Известия на Института за литература.— София, 1961, кн. XI, с. 5—30.

⁷ Сопоставление текстов см.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке: Исследования по русскому языку.— СПб., 1895, т. 1, с. 313; Куев К. М. Указ. соч., с. 68—70.

⁸ См.: Сказания о начале славянской письменности / Комментарии Флора Б. Н.— М., 1981, с. 134—138; Георгиев Е. Разцветът на българската литература в IX—X век.— София, 1962, с. 211—215.

⁹ Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект.— Ученые записки Тартуского государственного университета, 1978, вып. 442, с. 95.

¹⁰ Ягич И. В. Указ. соч., с. 318.

¹¹ Супрун А. Е. Славянские числительные.— Минск, 1969, с. 19.

¹² Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах.— В сб.: Структура текста. М., 1980, с. 18—19.

¹³ См.: Бодянский О. М. О времени происхождения славянских письмен.— М., 1855, с. LV—LVII; Куев К. М. Указ. соч., с. 172.

¹⁴ Бодянский О. М. Указ. соч., с. LVI.

О. Н. БЕЛЯЕВСКАЯ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМОТИВИРОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ С ОБЩИМ КОРНЕМ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное языкознание открывает новые возможности для исследования близкородственных языков. Общеизвестно, что вследствие генетического родства исследуемых языков сходство сопоставляемых языковых фактов преобладает над различиями. Применение метода, направленного на выявление имеющих различий, фоном для которых служит общее¹, позволяет установить соотношение тождественного и нетождественного на разных уровнях сопоставляемых языковых систем, что в свою очередь способствует постижению тех закономерностей, которые обуславливают самостоятельное существование и развитие близкородственных языков. Особое значение при подобном исследовании приобретает учет различительных признаков, позволяющих с неодинаковой степенью абстрагирования производить регистрацию и систематизацию фактического материала.

1. При исследовании такой распространенной части речи, как глагол, в русском и белорусском языках выявляется общий фонд немотивированных слов, характеризующихся полным или частичным совпадением по фонемному составу² и по выражаемому лексическим значением³: **веять — веяць, будить — будзіць, бурлить — бурліць, думать — думаць, колыхать — калыхаць** и др.

Наблюдения показывают, что при анализе морфемной структуры рассматриваемых глаголов нельзя опираться на какой-либо один признак (например, тождество формального выражения). С одной стороны, глаголы, совпадающие по форме, в русском и белорусском языках могут иметь как одинаковый, так и неодинаковый морфемный состав, например: **жмур-и-ть — жмур-ы-ць, лиз-а-ть — ліз-а-ць** и др.; **сказ-а-ть — с-каз-а-ць** (ср. бел. **каз-а-ць**), **вихл-я-ть — вiх-л-я-ць** (ср. бел. **вiх-а-ць-ца, вiх-л-я-ць-ца**). С другой стороны, эквивалентными по значению в русском и белорусском языках могут быть глаголы, объединяемые в структурном отношении только общностью корня. Различия в их структуре обусловлены несовпадением классовых показателей, оформляющих основу инфинитива: **спеш-и-ть — спяш-а-ць (спяш-а-ць-ца), соп-е-ть — сап-ці** и др. У глаголов же со связанными корнями переменными частями могут быть не только тематические элементы, но и приставки: **агит-ирова-ть — агiт-ава-ць, из-верг-а-ть — вы-вярг-а-ць** и др.

Рассмотрим структуру немотивированных глаголов в русском и белорусском языках, учитывая два различительных признака: 1) при наблюдаемом тождестве формального выражения — тождество морфемного состава; 2) при нетождественности формального выражения — общность корня. Характерно, что каждый из названных признаков в различной степени проявляется в пределах двух групп немотивированных глаголов: 1) со свободными корнями; 2) со связанными корнями.

Первую группу, по данным «Белорусско-русского словаря»⁴, составляют 580 лексем. В большинстве случаев основа инфинитива рассматриваемых глаголов содержит корень (К) и тематический сегмент (С). Глаголы, не содержащие в составе основы тематического сегментов, относятся к непродуктивным словоизменительным группам. Основы их оканчиваются на согласный: **лез-ть — лез-ці, пряс-ть — прас-ці** и др. При анализе морфемной структуры названных лексем выявляются следующие особенности: а) основы глаголов с суффиксами *-ти* (русск.) и *-ці* (бел.) различаются ударением: **вез-ти — вез-ці, нес-ти — нес-ці** и др. (за исключением **брес-ти — брыс-ці, ид-ти — іс-ці, полз-ти — паўз-ці, цвести — цвіс-ці**); б) глаголы на *-чь* в русском языке признаются нечленимыми⁵, в белорусском языке глаголы с суффиксом *-чы*, как правило, членимы: **беречь — бераг-чы, мочь — маг-чы** и др. В эту же подгруппу входят односложные глаголы с исходом основы на гласный звук: **бы-ть — бы-ць, да-ть — да-ць** и др.⁶ Они максимально близки по фонемному составу. О регулярности глаголов, имеющих в сопоставляемых языках структуру инфинитивной основы $K=C$, свидетельствуют следующие данные: в «Белорусско-русском словаре» насчитываются 33 соотносительные лексемы с исходом основы на согласный звук и 41 — с исходом основы на гласный.

Очень высока регулярность глаголов, имеющих структуру основы инфинитива $K+C=K+C$. Они не только эквивалентны по звучанию и значению, но и тождественны по морфемной структуре. Основы их содержат тематические сегменты *-а(-я-)* в русск. и бел.: **бурч-а-ть — бурч-а-ць, вил-я-ть — вiл-я-ць** и др. (186 пар, из них 119 — глаголы продуктивного класса); русск. *-и-*, бел. *-і(-ы-)*: **леп-и-ть — ляп-і-ць, леч-и-ть — ляч-ы-ць** и др. (144 пары — глаголы продуктивного класса); русск. *-ова(-ева-)*, бел. *-ава(-ява-)*: **бунт-ова-ть — бунт-ава-ць, во-ева-ть — ва-ява-ць** и др. (70 пар — глаголы продуктивного класса); *-ну-* в русск. и бел.: **мерк-ну-ть — мерк-ну-ць, ник-ну-ть — нік-ну-ць** и др. (30 пар, из них 6 — глаголы продуктивного класса); русск. *-е-*, бел. *-е(-э-)*: **гор-е-ть — гар-э-ць, гуд-е-ть — гудз-е-ць** и др. (25 пар, из них

б — глаголы продуктивного класса); -о- в русск. и бел.: **кол-о-ть — кал-о-ць, мол-о-ть — мал-о-ць** и др. (5 пар — глаголы непродуктивного класса).

Лексемы, различающиеся морфемным составом в русском и белорусском языках, в группе глаголов со свободными корнями обнаруживают невысокую регулярность. Часть из них (22 пары) объединяет в русском и белорусском языках только общность корня. Сопоставляемые глаголы этой подгруппы имеют структуру инфинитивной основы $K+C \neq K+C$, где $K=K$, $C \neq C$, поскольку различаются тематические элементы, оформляющие основы рассматриваемых лексем: **кряхт-е-ть — крахт-а-ць, мина-ть — мін-а-ць** и др. Тематический элемент может быть вообще не представлен в одном из сопоставляемых глаголов, вследствие чего основа этого глагола оканчивается на согласный звук: **храп-е-ть — храп-ці, тер-е-ть — цер-ці** и др. Это явление характерно только для соотносительных лексем белорусского языка. В целом же специфика рассмотренных пар заключается не только в оформлении инфинитивных основ с помощью неодинаковых классовых показателей, но и как следствие этого — в различном словоизменении глаголов, имеющих основы подобного типа в сопоставляемых языках.

Для подгруппы глаголов, имеющих структуру основы инфинитива $K+C \neq K+C$, где $K \neq K$, $C=C$ (12 пар), характерны неодинаковые связи с родственными словами, что обуславливает различие в морфемном составе русских и белорусских лексем, хотя по форме они совпадают. Так, один из сопоставляемых глаголов этой подгруппы может быть немотивированным, например: русск. **оборон-и-ть** (не соотносится по значению с глаголом **борон-и-ть**), русск. **притул-и-ть** (нет глагола **тул-и-ть**) и др., второй — мотивированным при наличии соответствующего мотивирующего слова и аналогично образованных родственных слов: **а-баран-і-ць** (ср. бел. **баран-і-ць, у-баран-і-ць**), **пры-тул-і-ць** (ср. бел. **тул-і-ць, за-тул-і-ць, у-тул-і-ць**) и др. Основа одной из сопоставляемых лексем может быть связанной, поскольку в языке функционируют родственные приставочные глаголы: русск. **по-прек-а-ть** (ср. **у-прек-а-ть**), бел. **па-кар-ы-ць** (ср. **с-кар-ы-ць**) и др., соотносительные лексемы в таких случаях имеют неприводимую основу: бел. **папрак-а-ць**, русск. **покор-и-ть** и др. Отмеченные явления в целом характерны для белорусского языка. Сохраняя связи с родственными глаголами, отдельные лексемы в белорусском языке медленнее подвергаются процессу опрощения, чем в русском.

Эта особенность, вероятно, характерна и для подгруппы глаголов, имеющих структуру основы инфинитива $K+C \neq K+C$, где $K \neq K$, $C \neq C$ (12 пар). По данным специальных словарей русского и белорусского языков, те связи с родственными словами, которые в русском языке признаны этимологическими, в отдельных лексемах белорусского языка все еще ощущаются как живые (ср., например, морфемное членение пар **окун-а-ть — а-ку-н-а-ць, вял-и-ть — вя-л-і-ць** и др.⁷). В основах сопоставляемых глаголов белорусского языка, помимо корней и тематических элементов, выделяются по соотношению с родственными словами особые морфемобразные сегменты, лишённые самостоятельных словообразовательных функций: **велич-а-ть — вел-іч-а-ць** (ср. бел. **вел-ізарн-ы, вел-іч**), **колошмат-и-ть — калашм-ац-і-ць** (ср. бел. **калашм-ан, калашм-ат-ы**) и др.

Исследование морфемной структуры немотивированных глаголов со свободными корнями в русском и белорусском языках приводит к заключению, что наиболее существенный признак в этой группе — **тождество морфемного состава** анализируемых лексем. Глаголы, совпадающие по форме, но нетождественные по морфемному составу, обнаруживают в исследуемых языках невысокую регулярность. Признак **общности корня** при нетождественности формального выражения соотносительных лексем позволяет отграничить небольшую группу эквивалентных по значению русских и белорусских глаголов.

Иначе представлена в исследуемых языках классификация глаголов, имеющих связанные корни. С помощью морфемного анализа выявлены три типа связанных основ: а) представленные сочетанием приставки и корня (**об-у-ть** — **аб-у-ць**, **о-де-ть** — **а-дзе-ць** и др.); б) в иноязычных словах — сочетанием корня и тематического элемента (**абон-ирова-ть** — **абан-ірова-ць**, **электр-изова-ть** — **электр-ызава-ць** и др.), в) сочетанием приставки, корня и тематического элемента (**от-ключ-а-ть** — **ад-ключ-а-ць**, **с-верг-а-ть** — **з-вярг-а-ць** и др.).

Из 141 лексемы, имеющей структуру инфинитивной основы типа а) и в), 28 глаголов различаются в русском и белорусском языках приставками или тематическими элементами: **из-рек-а-ть** — **вы-рак-а-ць**, **о-пер-е-ть** — **а-пер-ці** и др., 113 — тождественны по морфемному составу; из 419 слов, имеющих структуру основы инфинитива типа б), 236 содержат неодинаковые тематические элементы: **консульт-ирова-ть** — **кансульт-ава-ць**, **мод-ифицирова-ть** — **мад-ыфікава-ць** и др., 183 глагола имеют одинаковый морфемный состав. Эти данные свидетельствуют о том, что в группе сопоставляемых глаголов со связанными корнями существенно оба признака, поскольку регулярны лексемы: 1) характеризующиеся **тождеством морфемного состава**; 2) объединяемые в исследуемых языках по признаку **общности корня**.

В результате анализа морфемной структуры немотивированных глаголов, представленных в «Белорусско-русском словаре», установлено, что 1106 словарных единиц имеют общие корни в сопоставляемых языках, из них 830 соотносительных лексем тождественны по морфемному составу. Для определения степени общности русской и белорусской глагольной лексики, обладающей потенцией образования новых слов (практически это свойственно любому немотивированному глаголу), сравним полученные данные с имеющимися сведениями о количественном составе немотивированных глаголов в русском языке. Так, в «Гнездовом словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова (машинопись) зафиксировано общее количество немотивированных глаголов — исходных слов словообразовательных гнезд (2141 лексема)⁸. Русско-белорусские эквиваленты с общими корнями составляют 52 % от этого числа, а лексемы, тождественные по морфемному составу, — 39 %.

2. Семантика сопоставляемых лексем характеризуется следующими особенностями: 1) глаголы, имеющие не более двух значений, как правило, равнозначны в русском и белорусском языках: **будоражить** — 'приводить в беспорядок, волновать, возбуждать', **будоражыць** — 'узрушваць, непакоіць, узбуджаць'; **линять** — '1. теряя свою окраску, выцветать (перен.— утрачивать своеобразие, яркость, живость чего-либо), 2. сбрасывать или менять в известные периоды наружный покров (шерсть, перья, панцирь и т. п.— о животных, птицах)', **ліняць** — '1. траціць сваю першапачатковую афарбоўку, выцвітаць (перан.— страчваць сілу, выразнасць, яркасць; блякнуць), 2. скідваць ці мяняць у пэўныя перыяды свае верхняе покрыва (пра жывел, птушак)⁹'; 2) глаголы с разветвленной семантической структурой, имеющие общие стержневые значения в русском и белорусском языках, в ряде случаев отличаются их оттенками. Они способны также приобретать в исследуемых языках собственные значения. Например, у глагола **браць** (бел.) зафиксировано 21 значение, а у соответствующего ему эквивалента в русском языке — 8 значений, причем только два из них совпадают. Напротив, лексема **резать** (русс.) имеет 13 значений, а **резаць** (бел.) — 7 значений, 6 из них совпадают.

В число сопоставляемых лексем не входят глаголы, которые классифицируются как межъязыковые омонимы: **бурить** — **бурыць**, **рушить** — **рушыць** и др.¹⁰.

¹ См.: Реформатский А. О сопоставительном методе.— Русский язык в национальной школе, 1962, № 5, с. 24; Сопоставительное исследование русского и украинского языков.— Киев, 1975, с. 51.

² Различия обусловлены особенностями фонетики сопоставляемых языков, что находит отражение в орфоэпии и орфографии.

³ Семантическая структура анализируемых слов может быть как тождественной, так и частично различающейся.

⁴ См.: Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы.— М., 1962. В дальнейшем используются статистические данные из этого источника.

⁵ См.: Потиха З. А. Строение русского слова.— М., 1961, с. 303—304.

⁶ При анализе морфемной структуры подобных лексем мы придерживаемся традиционной точки зрения, рассматривая основу инфинитива как корневую без наличия классовых показателей. Косвенным доказательством нечленности основы односложных глаголов с исходом на гласный звук служит высокая регулярность различного рода парашений в словообразовательных гнездах, где эти слова являются исходными. См. иную трактовку данного вопроса в работе: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемка (проблемы и принципы описания).— М., 1977, с. 63—74.

⁷ См.: Бардович А. М., Шакун Л. М. Морфемны слоўнік беларускай мовы.— Мінск, 1975, с. 59, 110; Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка.— М., 1978, с. 61, 329; Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка.— М., 1971, с. 81, 307.

⁸ См.: Низаметдинова И. Морфемный состав инфинитива русского глагола.— Уч. зап. Ташкентского пединститута им. Низами, 1975, т. 143, с. 424.

⁹ См.: Словарь современного русского литературного языка в 17 томах — М.-Л., 1948—1965; Тлумачальны слоўнік беларускай мовы ў чатырох тамах.— Мінск, 1977—1980.

¹⁰ См.: Грабчиков С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря.— Минск, 1980, с. 25, 138.

В. А. САНИКОВИЧ

БЕЛОРУССКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СИСТЕМУ КОНСОНАНТИЗМА ОСТРОВНОГО РУССКОГО ГОВОРА

При исследовании островного русского говора, находящегося в близкородственном белорусском языковом окружении, наибольший интерес для определения степени проницаемости фонетической системы говора представляет реализация в системе консонантизма согласных (*z*), (*p*), (*č*).

Деревня Трояновка, говор русского населения которой является объектом данной статьи, расположена на северо-востоке Минской области в Борисовском районе. Наиболее яркой чертой консонантизма, отличающей указанный русский говор от говора соседей-белорусов, является взрывное образование звонкого заднеязычного (*z*). Эта черта позволяет не только резко отграничить данный русский говор от соседних белорусских, но и дифференцировать носителей двух восточнославянских языков в пределах одной деревни. Это резкое различие становится очевидным при первом же знакомстве с речью обитателей Трояновки. Данная языковая особенность обнаруживает большую устойчивость. Она проявляется в речи представителей всех поколений: старшего, среднего и младшего. Так, носители традиционного русского говора Трояновки произносят: [у газэ́т'ь, газ'н'йч'ьчка, угáр, гарóт, г'ялава́, го́р'ьт, мнóг'ь, г'йб'ьл, нóг'н, гул'áнк'и, гус'ей, гр'ас', гр'ьмат'ей, гр'ех] и т. п.

Как известно, взрывной характер образования заднеязычной фонемы (*z*) свойствен литературному русскому языку, а также севернорусскому наречию и значительной части среднерусских говоров, в отличие от говоров южного наречия, имеющих заднеязычную фонему фрикативного образования (*ɣ*)¹. Для западных среднерусских говоров изоглосса (*z*) взрывного образования, оглушаемого в (*κ*), считается основной при установлении их южной границы².

Говору русских жителей Трояновки известен и (*ɣ*) фрикативный, который звучит в словах церковно-религиозного характера, междометиях. Трояновцы произносят: [бóуу, бау́аты, блау́слав'ен'на, у́бспáд'и, у́спóт'], а также [ау́а], оу́б, уу́]. Но эти факты не изменяют систему говора, поскольку произношение (*ɣ*) встречается лишь в лексически ограниченном кругу случаев³. Фрикативный (*ɣ*) звучит также в отдельных словах иноязычного происхождения, появившихся в послеоктябрьскую эпоху, например: [у'э́ктáр]; скорее всего в период Великой Отечественной войны

говором было усвоено (с заменой (р) на (л)) слово [булѹм'нѣтр]; сюда же, возможно, следует отнести и [ѹсп'итѣл'], хотя данное слово могло быть известно и в период первой мировой войны. Кроме того, (ѷ) фрикативный звучит в отдельных, достаточно частотных русских словах, например: [кѣчаѷаркѣ, с'аѷон'н'ѣшн'ий]; сюда же относится обрусевшее и получившее русский словообразовательный облик [ѷармѹшка]. Лексема [ѷарѣлка] скорее всего усвоена из белорусского языка в характерном для него звучании. Особо стоит слово [аѷкаѷаш] 'алкоголик', несомненно являющееся новообразованием. Вероятно, появление всех этих слов в русском говоре Трояновки обязано белорусскому языку, поскольку в значительной своей части они сравнительно недавно вошли в употребление. Местноименные формы типа [ѷѣты, ѷѣтѷа] являются ярким свидетельством белорусского влияния.

Заслуживает внимания, что во всех этих словах (ѷ) фрикативный находится в положении перед гласным, а в большей половине из них — также и после гласного, т. е. в интервокальном положении. Появление нового звука, как отмечает А. Б. Пеньковский, «происходит прежде всего в наиболее слабых звеньях фонетической системы, которая открывает доступ новому звуку первоначально лишь в некоторой, наиболее приспособленной для его усвоения позиции»⁴. Такой позицией для проникновения (ѷ) фрикативного в говоре с (ѣ), по его мнению, является прежде всего и преимущественно интервокальное положение⁵.

В слабом положении звук (ѣ) в говоре чередуется с (к), например: [б'ек (от бежать), вдрук, друк, д'ѣн'ѣк, налок, л'ак (от лечь), плук, с'н'ек, тварѹк]; весьма показательно, что этот звук отмечается и в недавно проникшем из литературного языка [н'ѣрвѣпатѹлѣк]. Чередование (ѣ) — (к) в слабой позиции свойственно говорам, характеризующимся произношением (ѣ) взрывного образования. Употребление (х) в соответствии звонком заднеязычному в слабом положении известно многим северным говорам, в том числе и значительно удаленным от говоров южного наречия, которые имеют функциональную пару (ѷ) — (х). Но в северных говорах соотношение (ѷ) — (х) является лексически ограниченным, поскольку связано с кругом слов церковно-книжного происхождения⁶. В западных среднерусских говорах (ѷ), оглушаемый в (х), местами распространен в южном пограничье Псковской группы, а также в виде островов по всей территории Псковской группы⁷. Это позволяет предположить, что звучание в слабой позиции согласного (х) в трояновских словоформах [бох, парѹх, уб'ѹх (от убежать)] является результатом взаимодействия двух разных фонетических систем. Так, если произношение слова [бох] не нарушает свойственного говору лексически ограниченного соотношения (ѷ) — (х), то на звучание остальных словоформ русского говора Трояновки, очевидно, определенное воздействие оказало его белорусское окружение, которому известна лишь соотносительная пара (ѷ) — (х)⁸.

В говоре Трояновки, как и в литературном русском языке, отмечены фонемы (р) и (р'), употребление которых в целом соответствует норме литературного русского произношения. Например: [рабѹтѣла, кантракт, пастрѹил'и, зарѹл'и, рубл'ѣй, ув арм'ийу, парн'и, пры с'м'ѣрт'и, шыф'ѣр] — [гар'ат, гѹр'ѣ, б'ѣр'ажѹк, б'ис кр'аста, п'ѣр'ад'ѣлѣт', у пѣгр'аб'ѣ, над р'акѹйу, атр'ѣжыш, быстр'ѣй, гр'ѣст', др'ѣва, в'ѣр'ѣтанѹ, б'ар'ѹзѹшка, д'ѣр'ѣи, гѹр'кѣму, С'иб'ѣр', цар'] и другие.

Однако в говоре наблюдаются и отличия от литературного русского языка в сфере употребления указанных фонем. Эти отличия представляют собой неоднородную картину. Так, в соответствии (р) твердому русскому литературного языка в говоре имеет место произношение (р') в словах: [в'ѣр'х, в'ар'ѹм, чатв'ѣр'к (но [цѣркава, з'ѣркѣла, п'ѣрв'ий, с'ѣрп])]. Мягкий (р') в сочетании с предшествующим (ѣ) и последующим согласным, восходящий к старому сочетанию *tort*, был некогда обусловлен позиционно, но в настоящее время ограничен лексически и по-разному в разных говорах⁹.

Значительно более распространено в исследуемом говоре явление противоположное: отверждение мягкого по происхождению (*p'*). Твердый (*p*) в соответствии мягкому (*p'*) в речи троянцев отмечен в различных позициях: перед гласными фонемами (*э*), (*и*), например: [арэнду, з Брэста, б'арэ́т', үарэлк'и, б'аз вóч'рад'и, раб'óнк'эм, рамо́нт, з Барысьва, гастры́т, н'ь гары́, п'ары́н'ь, прыв'азла́, с'астры́ца, стры́гл'и, тры́щ'ыт'] и многие другие; один такой случай отмечен в положении на конце слова: [н'и пазо́р]. В произношении некоторых слов наблюдаются колебания. Так, наряду с [вр'ём'а] имеет место [ур'ём'а], [у д'ар'ёўн'и — у д'ар'ёўн'и, кр'ёпк'ь — кр'ёпк'ийа, над р'ёч'ы́н'кай — р'эчк'ь, пр'а́л'н — пра́д'эш, пр'а́м'ь — пра́м'ь, памр'о́м — памрэ́т', стар'ик'и́ — стары́к, тр'и — тры, тап'э́р' — т'ап'э́р'] и т. п.

Не исключено, что расширение сферы употребления (*p*) за счет (*p'*) вызвано влиянием белорусского языка, как литературного, так и говоров, поскольку последним не свойственно произношение (*p'*), оно отмечено лишь в одном из близлежащих населенных пунктов, расположенном южнее Трояновки, где (*p'*) произносится параллельно с (*p*) (ДАБМ, карта № 42). Белорусские говоры, которым известен (*p'*), столь значительно удалены от Трояновки, что говорить об их каком бы то ни было влиянии не представляется возможным¹⁰.

Впрочем, возможно, что белорусское окружение Трояновки явилось фоном, способствующим поддержанию произношения (*p*) в соответствии (*p'*) литературного русского языка, так как «в древнепсковском диалекте отсутствовали сочетания с (*p'*)»¹¹. Произношение (*p*) в соответствии (*p'*) литературного русского языка известно в некоторых современных псковских говорах, хотя такие случаи не носят характера закономерности. Оно «отмечено в бывших Островском, Новоржевском, Опочечком и Гдовском уездах, причем везде лишь спорадически, наряду с преобладающим произношением (*p*), парного по твердости и мягкости»¹².

Аффриката (*ч*) в исследуемом говоре характеризуется господством твердого произношения ее, например: [абы́чай, в'ьчары́нк'и, н'ь в'анча́л'ис', з'ькрыча́л, ча́ст', чаво́, л'ёкч'ь, ч'ялав'ёк, ч'ёр'ьс, уч'о́ра, д'аўчо́нка, чо́рствый, б'учыл'и, урачы́, ма́л'чыка, пла́чу, ачк'и́, у бо́чку, н'апро́чн'ь] и многие другие. Однако в небольшом количестве словоформ отмечен и мягкий вариант (*ч'*): [над р'ёч'ы́н'кай, к ч'о́рту, го́нч'ий, н'ич'и́во, р'ёч'и́, чало́нч'к'и́]. Чаше всего (*ч'*) отмечается при исполнении старых народных песен, т. е. произношение (*ч'*) связано с определенным жанром устного народного творчества. Сохранение прошлого в произведениях фольклора удерживает противопоставление (*ч*) — (*ч'*), которое в современном говоре исчезает, очевидно, не без влияния белорусского соседства. Окружающим Трояновку белорусским говорам неизвестно произношение (*ч'*). Лишь достаточно далеко от Трояновки, в говорах некоторых районов Брестской области, отдельных говорах Гомельской области, а также спорадически в говорах отдельных населенных пунктов Витебской и Могилевской областей (*ч'*) встречается либо вне зависимости от фонетических условий [ч'а́сто, ч'ад, ч'ерда́к, ноч', бо́ч'ка], либо в определенном фонетическом положении перед гласными (*е*) и (*и*): [ч'ёрви, но ча́ста, чаўно́к, ноч; ч'эрап, ч'и́ста, но ту́ча, р'эчка]¹³.

Возможно, что процесс отверждения (*ч*) начался в говоре еще в период, предшествовавший переселению предков современных носителей говора на территорию республики. Так, частным случаем, свидетельствующим о раннем отверждении в говоре указанной аффрикаты, может служить звучание слова [н'идал'бчка], в котором наблюдается процесс перехода (*e > o*) после мягкого согласного перед следующим твердым (*ч*).

Исконная близость консонантных систем данного русского говора, псковского по своей диалектной принадлежности на территории русского языка, и соседних белорусских говоров создает огромные трудности в определении степени белорусского воздействия на него. Однако не вызывает сомнения, что это воздействие проявилось прежде всего в консер-

вацни гавором Трояновки русскіх дыялектных явлений, свойственных и соседним белорусским гаворам, и даже некоторой интенсификации этих явлений, захвативших новые лексические единицы во время пребывания этого псковского гавора на белорусской земле.

¹ См.: Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии.— М., 1949, с. 136—137.

² См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров.— М., 1970, с. 396.

³ См.: Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой.— М., 1965, с. 72.

⁴ Пеньковскій А. Б. О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов (в связи с вытеснением севернорусского (z) (y) в южнорусском окружении).— В сб.: Очерки по фонетике севернорусских говоров.— М., 1967, с. 203.

⁵ Там же, с. 203.

⁶ См.: Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, с. 72.

⁷ См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, с. 396.

⁸ См.: Нарысы па беларускай дыялекталогіі.— Мінск, 1973, с. 134.

⁹ См.: Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова.— М., 1973, с. 91—92.

¹⁰ Произношение (p') в белорусских гаворах наблюдается в северо-восточной части Витебской, восточной части Могилевской, южной части Гомельской и юго-западной части Брестской областей (см.: Нарысы па беларускай дыялекталогіі, с. 127).

¹¹ Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии северной Руси.— М., 1968, с. 169.

¹² Кандаурова Т. Н. К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке псковского Пролога 1383 г.).— В сб.: Труды Института языкознания АН СССР, 1957, т. 8, с. 265.

¹³ См.: Нарысы па беларускай дыялекталогіі, с. 133.

І. Я. ЛЕПЕШАЎ

СІНАНІМІЧНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ І ІХ СТЫЛІСТЫЧНАЯ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫЯ

Перш чым гаварыць пра спецыфіку стылістычнай дыферэнцыяцыі сінанімічных фразеалагізмаў, неабходна коратка спыніцца на звязаным з гэтым пытанні аб размежаванні фразеалагічнай сінаніміі і варыянтнасці, хоць, як не раз адзначалася ў літаратуры, межы паміж імі досыць хістка і рухомыя. Фразеалагізмы-сінонімы маюць тоеснае або гранічна блізкае значэнне, часцей за ўсё аднолькавую ці падобную сінтаксічную спалучальнасць, суадносяцца з адной і той жа часцінай мовы, але «ад-рознваюцца адзін ад другога або адценнямі значэння, або стылістычнай афарбоўкай, або тым і другім адначасова»¹. Напрыклад, фразеалагізмы *выходзіць у людзі* і *выбівацца ў людзі* маюць адрозненні сэнсавага і стылістычнага характару. Першы абазначае 'дабівацца высокага станавішча ў жыцці, у грамадстве', а ў сэнсавай структуры другога фразеалагізма ёсць яшчэ семы 'з вялікімі цяжкасцямі', 'пасля доўгіх намаганняў'. Фразеалагізму *выбівацца ў людзі* звычайна ўласціва афарбоўка непашаны, ім выказваюцца адмоўныя адносіны да каго-небудзь, а фразеалагізмам *выходзіць у людзі* становіцца характарызаваць асобу, што відаць хоць бы з такіх прыкладаў: *Глядзі ты — і гэты хлюст выбіўся ў людзі (М. Лобан. На парозе будучыні); Нарадавацца не магла з Васіля: дабіўся свайго, дабіўся, чаго хацеў, — у людзі, лічы, выйшаў; сам выйшаў і сям'ю ўсю выцяг!* (І. Мележ. Подых навалыніцы).

Што да варыянтаў, то гэта агульнамоўныя разнавіднасці фразеалагізма, якія адрозніваюцца пэўнай структурнай зменнасцю плана выражэння пры нязменнасці плана зместу: *выводзіць на чыстую ваду — выводзіць на свежую ваду, ніць кроў — смактаць кроў, чорт ведае — чорт знае*. Як відаць з прыведзеных азначэнняў, паміж сінанімамі і варыянтамі ёсць шмат агульнага, а таму іх даволі часта змешваюць. Так, у «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» (т. 1) пададзены як варыянты аднаго фразеалагізма *браць за горла* і *браць за жарбы, бокам вылезці і вомагам вылезці, бог (чорт, пярун, ліха, халера) ведае* і інш. Думаецца, што гэта не варыянты. Ёсць некалькі моўных паказчыкаў

варыянтнасці і сінаніміі, якія дазваляюць адрозніць адну з’яву ад другой.

1. Крытэрыем адрознення фразеалагізмаў-варыянтаў ад фразеалагічных сінонімаў з’яўляецца непарушнасць унутранай формы фразеалагізма з пераменным складам кампанентаў. Напрыклад, у дзвюх разнавіднасцях фразеалагізма *папасці пальцам у неба і трапіць пальцам у неба* нязменна захоўваецца першапачатковы, этымалагічны вобраз, таму гэта варыянты аднаго фразеалагізма. Зусім іншае назіраем пры супастаўленні выразаў *браць за горла і браць за жабры*. Хоць яны маюць аднолькавае значэнне 'прымушаць паступіць так, як хочацца каму-небудзь', але кожнаму з іх уласціва свая непаўторная ўнутраная форма. Фразеалагізм *бокам выйсці (вылезці)* агульны для ўсходнеславянскіх моў, са сваёй вобразнай асновай, а фразеалагізм *вомегам вылезці* — уласна беларускі, унутраная форма якога мае непасрэдную сувязь з *вомегам* — другой назвай балігалову².

2. Экспрэсіўна-ацэначная афарбоўка варыянтаў аднаго фразеалагізма заўсёды аднолькавая. З тоесным адценнем неадабрэння функцыянуюць, напрыклад, варыянты *дурыць галаву, тлуміць галаву, марочыць галаву*. Вельмі часта і сінанімічныя фразеалагізмы маюць аднатыпную стылістычную афарбоўку, але сустракаюцца і неаднародныя ў гэтых адносінах сінонімы. Пры параўнанні, напрыклад, фразеалагізмаў-сінонімаў *лезці на ражон і перці на ражон* відаць, што паміж імі няма экспрэсіўна-ацэначнай тоеснасці, што фразеалагізм *перці на ражон* надзелены большым канататыўным патэнцыялам, больш зніжанай афарбоўкай, чым фразеалагізм *лезці на ражон*. Большая доля адмоўнай ацэнкі ў фразеалагізме *перці на ражон* ствараецца, відаць, за кошт прастамоўнага на ўзроўні слова кампанента *перці*, які захоўвае сваю стылеўтаральную функцыю. Дарэчы, фразеалагізм *перці на ражон* і генетычна значна ранейшы, чым *лезці на ражон*: гэта запазычанне з царкоўнаславянскай мовы.

3. Варыянты аднаго і таго ж фразеалагізма заўсёды аднатыпныя па функцыянальнай замацаванасці за пэўным стылем. Напрыклад, варыянты *гнуць спіну і гнуць горб, з галавы да ног і з галавы да пят* — размоўныя, *кукіш з маслам і дуля з маслам* — прастамоўныя, *закрываць вочы і заплюшчваць вочы* — функцыянальна не замацаваныя. Фразеалагічныя сінонімы могуць быць функцыянальна аднатыпнымі і неаднатыпнымі. Так, фразеалагізмы аднаго сінанімічнага рада *адзін на адзін, з вока на вока, сам-насам* аднатыпныя, функцыянальна не замацаваныя, а ў сінанімічным радзе *ўсё роўна, усё адно, адзін чорт, адна трасца* першы фразеалагізм функцыянальна не замацаваны, другі — размоўны, а трэці і чацвёрты — прастамоўныя. Раней названы фразеалагізм *лезці на ражон* — размоўны, а *перці на ражон* — прастамоўны.

Фразеалагізмы-сінонімы *бог нясе* (каго) і *чорт нясе* (каго) непадобныя па многіх паказчыках. Яны перадаюць неаднолькавую, процілеглую рэакцыю на нечаканы прыход каго-небудзь і адрозніваюцца сваёй экспрэсіўна-ацэначнай і функцыянальна-стылявой афарбоўкай. Сэнсавая структура фразеалагізма *бог нясе* ўскладнена афарбоўкай здзіўлення, недаўмення, спачування, станоўчых адносін да нечаканага госця, у той час як кампанентам фразеалагізма *чорт нясе* з’яўляецца афарбоўка незадавальнення, прыкрасці, злосці, адмоўных адносін да каго-небудзь. Першы фразеалагізм размоўны, а другі — прастамоўны. Яны стылістычна несумяшчальныя і не дапускаюць узаемазамяняльнасці. Так, у дзвюх неаднолькавых сітуацыях, апісаных у рамане М. Лынькова «Векапомныя дні», толькі і можна ў адной ужыць фразеалагізм *бог нясе*, а ў другой — *чорт нясе*. Сымон, фармальна гітлераўскі стараста, а фактычна партызанскі сувязны, сустрэўшы паліцэйскіх-карнікаў, якія ехалі «некуды па сур’ёзнай справе» і па дарозе завярнулі да яго, каб «душу абagrэць з марозу», пытаецца: «Куды гэта вас *бог нясе*?» А праз некалькі радкоў жонка Сымона гаворыць пра гэтых жа няпрошаных гасцей, але ўжо не ў вочы, а за вочы: «Пачакай хіба, яны хутка [нап’юц-

ца]. Даведаешся, можа, куды іх *чорт нясе*». Параўн. супастаўленне двух фразеалагізмаў, аб'яднаных у зеўгматычную канструкцыю і таксама несумяшчальных: *Махахей кляновым лістом пераляцеў цераз жэрдкі, схапіў гармонік і, угінаючыся, пабег да хаты: апярэдзіць таго, хто ідзе, схавачь гармонік, а потым сустрэць, каго бог ці чорт нашле* (В. К а з ь к о. Неруш).

4. Варыянты аднаго фразеалагізма не адрозніваюцца паміж сабой якімі-небудзь сэнсавымі ці стылістычнымі адценнямі, таму ад фразеалагізмаў, «ахопленых з'явай варыянтнасці, патрабуецца поўная ўзаемазамяняльнасць у любых кантэкстах»³. Фразеалагізмы-сінонімы таксама могуць замяняць адзін аднаго, але толькі пры ўмове, калі яны стылістычна сумяшчальныя. Возьмем такі сінанімічны рад: *хто ведае* (разм.), *бог ведае* (разм.), *алах ведае* (разм., найчасцей жарт.), *чорт ведае* (праст.), *ліха ведае* (праст.), *пярун ведае* (праст.), *хвароба ведае* (праст.). Першыя тры фразеалагізмы хоць і функцыянальна адна тыпныя, але адрозніваюцца экспрэсіўна-эмацыянальнымі адценнямі і далёка не заўсёды ўзаемазамяняльныя. Напрыклад, у наступным кантэксте нельга замяніць фразеалагізм *хто ведае* ніводным з сінанімічнага рада: *Але хто ведае, ці не залежыць шчаслівы іх лёс ад таго, як памрэ на гэтай дароце дваццацідвухгадовы камандзір узвода лейтэнант Іванойўскі?* (В. Б ы к а ў. Дажджы да святання).

5. Калі мнагазначны фразеалагізм мае пераменны склад кампанентаў ва ўсіх сваіх значэннях, то перад намі з'ява варыянтнасці. Калі ж у адных значэннях фразеалагізм здольны вар'іравацца, а ў другіх замена аднаго кампанента другім не адбываецца, то мы маем справу не з варыянтнасцю, а з сінаніміяй. Прыкладам варыянтнасці можа быць фразеалагізм *гнуць спіну* (*горб*), у якім назоўнікавы кампанент свабодна замяняецца ў абодвух значэннях ('мардаваць сябе працай', 'працаваць на каго-небудзь'): *не пойдзе спіну гнуць* (Я. К о л а с), *усё жыццё гнуць горб* (У. Д а м а ш э в і ч); *гнулі спіны на фабрыкантаў* (С. Г р а х о ў с к і), *гнулі горб на кулакоў* (К. К р а п і в а). Прыкладам сінаніміі з'яўляюцца фразеалагізмы *разявіць рот* і *раскрыць рот*: першы мае 6 значэнняў ('сказаць што-небудзь, паведаміць', 'не згадзіцца, рэзка запрэчыць', 'крайне здзівіцца', 'быць крайне няўважлівым', 'заяваўшыся, перастаць рабіць што-небудзь', 'выявіць прагнасць, хцівае жаданне'), а другі толькі два, ідэнтычныя з першымі двума значэннямі фразеалагізма *разявіць рот*. У гэтых двух значэннях фразеалагізмы звязаны паміж сабой сінанімічнымі адносінамі.

Такім чынам, размежаванне варыянтаў і сінонімаў, звязанае ў першую чаргу з праблемай тоенасці і рознасці фразеалагізмаў, набывае істотнае значэнне і для фразеалагічнай стылістыкі, асабліва калі гаворка вядзецца пра стылістычную дыферэнцыяцыю сінанімічных фразеалагізмаў. Пераважнай большасці фразеалагізмаў-сінонімаў уласціва стылістычнае адзінства, маналітнасць, і гэтым яны адрозніваюцца ад лексічных сінонімаў, якія найчасцей характарызуюцца стылістычным расслаеннем. У сінанімічны рад слоў звычайна ўваходзяць адзінкі, неаднолькавыя з экспрэсіўна-ацэначнага боку і па функцыянальна-стылявой прыналежнасці; узначальвае такі сінанімічны рад слова (дамінанта) з нулявой афарбоўкай: *адлегласць* (нейтр.)—*дыстанцыя* (кніжн.); *недахоп* (нейтр.)—*дэфект* (кніжн.); *твар* (нейтр.)—*морда* (праст.); *ашукаць* (нейтр.)—*абдурыць* (разм.)—*абалваніць* (праст.); *галава* (нейтр.)—*мазгаўня* (праст.).

Дамінантай сінанімічнага рада фразеалагізмаў, відаць, толькі ў адным выпадку выступае стылістычна нейтральны выраз — *усё роўна*, бо «стылістычныя нулі» ў фразеалогіі вельмі рэдкія. Першым у радзе фразеалагічных сінонімаў становіцца найбольш ужывальны фразеалагізм. Так, з фразеалагізмаў-сінонімаў *ад* (*усёй*) *душы*, *ад шчырага сэрца*, *ад* (*усяго*) *сэрца*, *ад чыстага сэрца*, *з адкрытай душой* часцей за ўсё выкарыстоўваецца першы фразеалагізм. Усе яны аб'яднаны значэннем 'з усёй шчырасцю, сардэчнасцю, адкрытасцю', надзелены ўзмацняльным

адценнем, маюць аднолькавую экспрэсіўна-ацэначную афарбоўку і функцыянальную незамацаванасць за пэўным стылем. Гранічна блізкія ў сэнсавых адносінах, а таксама стылістычна аднародныя і такія функцыянальна не замацаваныя фразеалагізмы, як, напрыклад, *падаваць голас, даваць знаць; праўдамі і няпраўдамі, любой цаной*. Аднолькавую афарбоўку неадабрэння і ўжывальнасць у гутарковым стылі маюць сінанімічныя фразеалагізмы *біць лынды, біць бібікі, біць байды*, а таксама (у адным са сваіх значэнняў) *сабакам сена касіць*. Яшчэ стылістычна аднатыпныя сінанімічныя рады размоўных фразеалагізмаў: *кляваць носам, акунёў вудзіць, табаку важыць; асіна плача, вяроўка плача; хоць гаць гаці, хоць адбайляй, і г. д.* Стылістычнае адзінства ўласціва, напрыклад, такім кніжным фразеалагізмам: *альфа і амега, краевугольны камень; да апошняй кроплі крыві, да апошняга дыхання, не на жыццё, а на смерць; косць ад косці, плоць ад плоці, кроў ад крыві; пажынаць лаўры, пажынаць плады*. Аднародныя ў стылістычных адносінах і шмат якія прастамоўныя фразеалагізмы-сінонімы: *бокам выйсці (вылезці), вомегам вылезці; галава і два вухі, галава садовая, медны лоб; ёлкі зялёныя, ёлкі-палкі, чорт вазьмі*.

Зразумела, не заўсёды фразеалагізмы, аб'яднаныя ў адзін сінанімічны рад, характарызуюцца стылістычнай аднароднасцю. Напрыклад, фразеалагізм *рана ці позна* функцыянальна не замацаваны, а яго сінонім *не цяпер, дык у чацвер* — размоўны; *як ніць даць і як двойчы два* (у адным са значэнняў) — размоўныя, а *як бог свят* (у адным са значэнняў) — прастамоўны. Фразеалагізмы, аб'яднаныя значэннем 'вельмі блізка, не так далёка, на нязначнай адлегласці ад каго-, чаго-небудзь' таксама неаднолькавыя па стылявой прыналежнасці: *перад вачамі, не за гарамі, у двух кроках, пад рукой* — не замацаваныя за пэўным стылем, *пад бокам, рукой падаць* — размоўныя, *пад носам* — прастамоўны. Яшчэ большае расслаенне знаходзім у сінанімічным радзе, аб'яднаным семай 'памерці', якая ў кожным фразеалагізме ўскладняецца рознымі сэнсавымі і стылістычнымі адценнямі, звязанымі з неаднолькавымі ўнутранымі формамі выказаў: *заснуць вечным сном* — кніжны, *злажыць галаву, знайсці магілу* — функцыянальна не замацаваныя, *аддаць богу душу, загавець душою, да Абрама на піва трапіць, адправіцца на той свет, злажыць косці, галавой налажыць* — размоўныя, *даць дуба, выпрастаць ногі, аддаць канцы* — прастамоўныя.

На заканчэнне трэба адзначыць, што аб'ектыўныя, падмацаваныя адпаведнымі колькаснымі паказчыкамі сцвярджэнні і вывады аб перавазе стылістычнай аднароднасці сярод сінанімічных фразеалагізмаў могуць быць зроблены толькі пры наяўнасці хоць бы адносна поўнага фразеалагічнага слоўніка, а таксама слоўніка фразеалагічных сінонімаў. Думаецца, аднак, што і стылістычны аналіз шматлікіх прыведзеных і не прыведзеных тут фразеалагізмаў таксама важкі аргумент.

¹ Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов.— М., 1978, с. 116.

² Гл.: Лепешаў І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў.— Мінск, 1981, с. 31—32.

³ Жуков В. П. Указ. работа, с. 103.

І. Л. БУРАК

КАНКРЭТЫЗАЦЫЯ ЗЛУЧНІКА І У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Вялікую ролю ў структурнай арганізацыі звязнага тэксту адыгрываюць фармальныя сродкі сувязі, сярод якіх найбольш актыўнымі з'яўляюцца злучнікі і іх функцыянальныя аналагі. Злучнікі — гэта адзін са сродкаў выражэння абагульненых сэнсавых-сіntaxічных адносін паміж рознымі выказваннямі і іх часткамі. Узятая асобна, злучнікі не маюць

самастойнага сэнсу, і толькі ў кантэксце яны набываюць пэўнае лексічнае і граматычнае значэнне.

Злучнікі звычайна падзяляюць на семантычныя і сінтаксічныя. Да семантычных адносяць злучнікі, якія не толькі звязваюць асобныя часткі сказа, але і выконваюць пэўную сэнсавую нагрузку (такіх злучнікаў у мове пераважная большасць). Сінтаксічнымі ж з'яўляюцца злучнікі, якія ўжываюцца толькі ў якасці фармальных сродкаў сувязі і не маюць пэўнай сэнсавай нагрузки (такіх злучнікаў нямнога, сярод іх знаходзіцца і злучнік *і*). Злучнік *і*, выступаючы ў функцыі «чыстай скрэпы», выражае агульную ідэю наяўнасці адносін, сувязі паміж рознымі кампанентамі тэксту;¹ ён сведчыць аб сінтаксічнай раўнапраўнасці гэтых кампанентаў, іх аднафункцыянальнасці, адносна поўнай пазіцыйнай раўназначнасці. Канкрэтныя ж значэнні, патэнцыянальным носьбітам якіх можа быць злучнік *і*, не дыферэнцыраваны, яны залежаць не ад самога злучніка, а вызначаюцца будовай, сэнсам і функцыяй тых кампанентаў, якія ён аб'ядноўвае ў тэксце. Заўважана, што асноўнымі значэннямі злучніка *і* ў сучаснай беларускай мове з'яўляюцца спалучальнае, паралічальна-размеркавальнае, супраціўнае, выніковае і далучальнае, якое мае шмат разнавіднасцей.

Пры **спалучальным** значэнні звычайна аб'ядноўваюцца непрэдыкатыўныя або прэдыкатыўныя ці камунікатыўныя адзінкі, паміж якімі выражаюцца адносіны адначасовасці або паслядоўнасці. Асноўная роля ў выражэнні гэтых адносін належыць трывальна-часавым суадносінам выказнікаў, якія ўваходзяць у склад аб'яднаных адзінак і паказваюць час і характар адначасовага або паслядоўнага існавання розных з'яў і падзей. Пры адносінах адначасовасці выказнікі ўжываюцца ў адным і тым жа часавым плане: *Шчабечуць і ціўкаюць птушкі* (Я. Брыль) — цяперашні час. *Свяціла сонца, і павяваў лагодны ветрык* (К. Чорны) — прашлы час. *Расквітнеюць сады. І пакрыюцца маладымі ўсходамі калгасныя палі* (Я. Колас) — будучы час. Трывальныя суадносіны выказнікаў паказваюць ступень супадзення з'яў і падзей у часе: пры аднолькавых трываннях супадзенне поўнае, пры неаднолькавых — частковае: *Трапяталі матылькі і гулі мошкі* (Ц. Гартны) — трыванні аднолькавыя (незакончаныя), супадзенне поўнае. *Шумелі дрэвы і пачуліся галасы* (К. Чорны) — трыванні розныя, супадзенне частковае: у адзін з момантаў працягла працякаўшага дзеяння ўзнікла новае, працяглае дзеянне; супадалі яны толькі ў пэўны момант, а затым адно закончылася, а другое працягвала існаваць. Адносіны адначасовасці нярэдка ўдакладняюцца спалучэннямі *ў той (гэты) час, у той (гэты) момант, у тую (гэтую) хвіліну*, якія размяшчаюцца непасрэдна пасля злучніка і: *Мікола слухай і ў той жа час не пераставай касіць* (К. Чорны). *Узляцела ракета, і ў тую ж хвіліну прагучалі стрэлы* (С. Баранавых). *Хлопец неяк міжвольна войкнуў, і ў гэты час стары каваль заўважыў яго* (А. Кулакоўскі). *Дзверы ў ратушы зачыніліся, і ў той жа момант з двух бакоў грывнулі паліцыянты з карабінаў у наветра* (К. Чорны).

Пры адносінах паслядоўнасці выказнікі часцей за ўсё маюць розныя трывальна-часавыя планы, дзякуючы чаму характар гэтых адносін праяўляецца найбольш выразна: *Маці спынілася і глядзіць на вуліцу* (З. Бядуля) — прашлы і цяперашні час, закончанае і незакончанае трыванне. *Цвітуць сады, і хутка ў лузе кветкі зашумяць* (П. Глебکا) — цяперашні і будучы час, незакончанае і закончанае трыванне. Калі выказнікі ўжываюцца ў адным і тым жа часавым плане і маюць аднолькавыя дзеяслоўныя трыванні, тады паслядоўнасць вызначаецца лексічным значэннем гэтых выказнікаў і іх парадкам у тэксце, напрыклад: *Адчыняюцца дзверы, і ўваходзіць бацька* (З. Бядуля). *Вясновая вада сышла, і паплавы абсыхалі* (К. Чорны). *Заўтра ўручаць дыплом, і Насця стане аграномам* (Звязда). Адносіны паслядоўнасці ў плане аднаго і таго часу могуць канкрэтызавацца прыслоўямі *потым, затым, пасля*, якія размяшчаюцца непасрэдна за злучнікам і: *Ішоў*

дождж і потым перастаў (К. Чорны). Мужчыны садзяцца, і затым пачынаецца размова (П. Галавач). Усё майчыць. І пасля даносяцца невыразныя гукі (Ц. Гартны). Для ўскладнення адносін паслядоўнасці ўмоўна-выніковым адценнем пасля злучніка і размяшчаецца прыслоўе тады, а заключальным адценнем — мадальнае слова нарэшце: Сымон зняў шапку і тады прысеў да стала (З. Бядуля). Дзесьці забрахалі сабакі, і нарэшце стала ціха (Я. Колас).

У тых выпадках, калі ў складзе адзінак, якія звязваюцца пры дапамозе злучніка і, няма суадносных выказнікаў, звычайна выражаюцца адносіны сумеснасці, напрыклад: Радасна і шумна шалясцяць асіны (А. Куляшоў). Зярнят і сейбітаў чакала пад сонцам ранішнім зямля (М. Калачынскі). Лагодны шум трысця і лёду гулкі скрогат (А. Вялюгін). Ціхі сад. І ваколца (К. Кірыенка).

Адносіны адначасовасці або паслядоўнасці ці сумеснасці могуць выражацца не толькі паміж дзвюма, але і большай колькасцю розных адзінак. У такім разе злучнік і звычайна ўжываецца або перад заключнай адзінкай, або перад большай часткай іх (акрамя зыходнай адзінкі): Лавіў наш дзядзька нератамі, і венцэрамі, і сачкамі... (Я. Колас). Я пазбыўся трывог, на душы супакой, і паволі знікае сумотнасць (П. Трус). Але калі гэты злучнік ставіцца перад кожнай з аб'яднаных адзінак (у тым ліку і перад зыходнай), то ён атрымлівае новае значэнне — афармляе пералічальна-размеркавальныя адносіны паміж імі: Расці прыняліся і клён, і рабіна (П. Броўка). І коні ржалі, і людзі крычалі, і вылі ваўкі ў лесе (А. Куляшоў). І вецер шуміць. І сонца свеціць. І птушкі спяваюць (Б. Мікуліч).

Злучнік і рэдка мае супраціўнае значэнне. Для яго канкрэтызацыі звычайна ўжываецца мадальнае слова наадварот, якое размяшчаецца пасля злучніка. Гэтым сродкам сувязі могуць аб'ядноўвацца непрыдыкатыўныя або прэдыкатыўныя ці камунікатыўныя адзінкі ў тэксе, напрыклад: Дзед смяўся і, наадварот, не злаваў (С. Баранавых). З павышэннем тэмпературы чыгун расшыраецца, і, наадварот, з паніжэннем ён сціскаецца (Звязда). Калі працуеш, то лёгка і вучыцца. І, наадварот, калі вучышся — многа лягчэй ідзе работа (Чырвоная змена). Супраціўныя адносіны паміж такімі адзінкамі могуць ускладняцца абмежавальным і замяшчальным адценнямі. Пры абмежавальным адценні за злучнікам і размяшчаецца часціца толькі, а пры замяшчальным — спалучэнне назоўніка або займенніка ў форме роднага склону з прыназоўнікам замест, напрыклад: Госці слухалі і толькі зрэдку ўстаўлялі сваё слова (Я. Колас). Зарастаюць старыя сцежкі і замест іх пракладаюцца прасторныя новыя дарогі (М. Лынькоў). Стаяла цішыня. І толькі нейкія птушкі зрэдку парушалі яе (З. Бядуля).

Іншы раз супрацьпастаўленне рэалізуецца ў форме неадпаведнасці таго, пра што паведамляецца ў аб'яднаных адзінках; яна вызначаецца на аснове лексічнага значэння гэтых адзінак, напрыклад: Лабановіч хацеў заснуць і не мог (Я. Колас). Усе ляцелі к поўнай місе, і ніводныя не елі (Я. Купала). Дзед любіў усякую работу. І яму не было дзе працаваць (М. Лынькоў). Неадпаведнасць можа канкрэтызавацца спалучэннем тым не менш, размешчаным за злучнікам і: Маці крыху недамагала і тым не менш не сядзела ў хаце (П. Галавач). Сам развязаў справу, і тым не менш на сэрцы не было спакою (К. Чорны). Як відаць, адносіны неадпаведнасці могуць суправаджацца дадатковым прычынна-выніковым адценнем.

Пры выніковым значэнні злучніка і аб'ядноўваюцца непрыдыкатыўныя або прэдыкатыўныя ці камунікатыўныя адзінкі, паміж якімі выражаюцца прычынна-выніковыя або ўмоўна-выніковыя адносіны. Асноўная роля ў выражэнні гэтых адносін належыць лексічнаму значэнню слоў, якія ўваходзяць у склад аб'яднаных адзінак і звычайна выконваюць ролю выказнікаў, а таксама інтанацыі і парадку слоў. Вядома, што інтанацыя, парадак слоў і формы ладу дзеясловаў — выказнікаў слу-

жаць тымі сродкамі, якія даюць магчымасць размяжоўваць прычынна—выніковыя і ўмоўна-выніковыя адносіны. Параўн: *Галіны дрэў цёрліся адна аб другую і скрыпелі* (К. Чорны) — прычынна-выніковыя адносіны, прамы парадак слоў, інтанацыя прычыннага абгрунтавання адной адзінкі і выніку другой адзінкі. *Зірнуў тады дзед на злоўленага ментуза — і ледзь не самлеў* (М. Лынькоў) — умоўна-выніковыя адносіны, адваротны парадак слоў, інтанацыя абумоўленай матывіроўкі адной адзінкі і выніку другой адзінкі. *Формы ладу дзеясловаў — выказнікаў* (абвеснага — для прычынна-выніковых і ўмоўнага або загаднага — для ўмоўна-выніковых адносін) асабліва выразна рэалізуюцца пры аб'яднанні прэдыкатыўных і камунікатыўных адзінак у тэксе, напрыклад: *Жонка ціха так міргае, і Лукаш адразу звяў* (Я. Колас). *Давайце прагуляемся па святочнай вуліцы, і адразу палепшыцца настрой* (К. Чорны). *Човен нізка апусціўся ў ваду. І кожны рух хлопцаў стаў небяспечным* (Я. Маўр).

Прычынна-выніковыя адносіны могуць канкрэтызавацца прыслоўямі *тamu, загэтым, адтаго*, якія размяшчаюцца непасрэдна за злучнікам і, напрыклад: *Лісце на бярозе трапяталася і таму шумела* (Т. Хадкевіч). *Адусюль з'язджаліся на кірмаш сяляне, і загэтым заўсёды тут было шумна і людна* (К. Чорны). *Па небе паўзлі хмары, хавалі месяц, і адтаго на зямлі плылі чорныя цені* (П. Галавач). Гэтыя прыслоўі служаць важным сродкам, у якім змешчана і належным чынам падкрэслена абагульненае ўказанне на прычыннае значэнне папярэдняй адзінкі. Умяшчаючы ўвесь змест гэтай адзінкі і ўводзячы яго ў другую адзінку, якая мае выніковае значэнне, яны ўскладняюць гэта значэнне, трансфармуюць саму адзінку, надаючы ёй характар дадатковага паведамлення, ад чаго яна мае падставу кваліфікавацца як далучальная.

Пры далучальным значэнні злучніка і аб'ядноўваюцца непрэдыкатыўныя або паўпрэдыкатыўныя ці прэдыкатыўныя, а таксама камунікатыўныя адзінкі, паміж якімі могуць выражацца самыя разнастайныя віды далучальных адносін. Для дыферэнцыяцыі гэтых адносін у сучаснай беларускай мове пры злучніку і звычайна ўжываюцца адпаведныя дапаможныя сродкі. Так, напрыклад, часціцы *нават* і *асабліва* служаць для афармлення далучальна-вылучальных адносін паміж рознымі адзінкамі: *Хлопец быў высокі і нават прыгожы* (Я. Колас). *Сонцу радуюцца ўсе, і асабліва птушкі* (З. Бядуля). *Дрэвы нібы ў здранцвенні маўкліва стаялі ля будынкаў, і нават старая асіна бездапаможна апусціла сваё заўсёды неспакойнае лісце* (А. Стаховіч). *Не чуваць галасоў у вёсцы. І асабліва ціха ў лесе* (Я. Маўр).

Часціца *то* дапамагае афармляць далучальна-абмежавальныя адносіны: *Мацей толькі першы раз выйшаў на поле і то быў хворы* (Цётка). *На пачэсным гэтым месцы садзіўся госць — і то не кожан* (Я. Колас). *Агонь толькі ў адной хаце, і то, відаць праз акно, пасцель сцелюць* (К. Крапіва). *У каня шмат сілы. І то ён часта стамляецца* (Б. Мікуліч).

Пры дапамозе часціцы *вось* і яе размоўных варыянтаў *вот, от* афармляюцца далучальна-выніковыя адносіны (звычайна паміж прэдыкатыўнымі або камунікатыўнымі адзінкамі), напрыклад: *Ночы знікае цень. І вось ідзе, загледзеўшыся ў мару, у будучыню* (М. Танк). *Устае сяло на трубны гук, спяшыць к жывёліне сваёй, і вот раздаўся рык і грук кароў, авечак і свіней* (Я. Купала). *У ельнік, здаецца, нельга было ўбіцца. І от адтуль за фурманкамі ўвесь час назіраў чалавек* (К. Чорны).

Пры нечаканым або раптоўным выніку ўжываецца прыслоўе *раптам*: *Там жа чалавек, і раптам чужы* (Т. Хадкевіч). *У вёсцы панавала цішыня. І раптам у канцы вуліцы пачулася песня* (С. Баранавых). *Сядзеў, майчаў, спусціўшы вочы, і раптам смех яго затрос, аж захадзіў кірпаты нос; сядзіць на печы і рагоча* (Я. Колас).

Прыслоўе *наогул* ужываецца для афармлення падагульнення пры далучальна-заклучальных адносінах паміж рознымі адзінкамі, напры-

клад: *Сцёнку дужа хочацца пабачыцца з Аленкаю і наогул пабыць дома* (Я. Колас). *Старожка Ганна часамі заходзіць для сякіх-такіх паслуг, і наогул яе не цяжка сустрэць і пагаманіць з ёю* (Я. Колас). *На цагельню партызаны заходзілі і заязджалі, але не стаялі тут. У пасёлку маглі быць і ворагі. І наогул ці мала якая нечаканасць можа здарыцца* (У. Паўлаў). Для афармлення падагульнення ўжываецца таксама мадальнае слова *значыць*: *Многія віды флоры знаходзяцца пад пагрозай знішчэння, і, значыць, належаць ахове ў заканадаўчым парадку* (Звязда). *Труслівы чалавек зайсёды чаго-небудзь баіцца, і, значыць, у цяжкую хвіліну ён можа пайсці на здраду* (М. Лынькоў).

Анафарычныя займеннікі *гэта, тое* служаць для афармлення далучальна-азначальных адносін паміж рознымі адзінкамі, напрыклад: *Сымон плакаў і гэтага не прыкмятаў* (А. Чарнышэвіч). *Закрычала нейкая птушка, і ў тым крыку адчуваецца неспакой* (ЛіМ). *Вуліца была пустая. І гэта здзівіла Мікіту* (П. Галавач). Такія адносінны ўскладняюцца акалічнасным адценнем, калі непасрэдна за злучнікам размяшчаецца анафарычнае прыслоўе *так* (*гэтак*): *Стражнікі падхапілі зняволенага пад пахі і гэтак павалаклі ў калідор* (Б. Сачанка). *Калі адно знаходзіў, дык другое патрэбна ўжо было шукаць. І так пайвека ў шэрым неспакоі прыйшлося шчасце здабываць* (А. Астрэйка). Для канкрэтызацыі далучальна-дапаўняльных адносін пераважна паміж прэдыкатыўнымі або камунікатыўнымі адзінкамі ўжываецца спалучэнне *акрамя таго, апроча таго*: *Далі Вольцы прэміроўку за лён, і, апроча таго, ёй належала процантная надбайка пры аплаце працадзён натураю* (А. Кулакоўскі). *Рыбы ў возеры мала. І, акрамя таго, не хочацца яе лавіць* (М. Машара).

Безумоўна, розныя дадатковыя сродкі па-рознаму цягаюць да злучніка. Некаторыя часціцы, мадальныя словы, прыслоўі, асобныя спалучэнні могуць не толькі канкрэтызаваць значэнне злучніка, але і самі нярэдка прымаюць на сябе яго функцыю. Напрыклад, у канструкцыях: *На дварэ было цёпла, нават парна* (Ц. Гартны). *Добра быць аднаму ў дарозе, асабліва тады, калі надвор'е спрыяе табе, а на сэрцы спакойна* (Я. Колас). *Усюды ціха, толькі патрэскае агонь* (К. Чорны). *Была нядзеля, значыцца, дзень вольны* (У. Карпаў). *Яны маўчалі, таму час цягнуўся марудна* (А. Асіпенка). *Яркая паласа святла шуганула з адчыненых дзвярэй. Потым на малочнабелай віднаце паявіўся цень* (А. Асіпенка) — часціцы *нават, асабліва, толькі*, мадальнае слова *значыцца*, прыслоўі *таму, потым* выступаюць у функцыі злучніка. Пры ўжыванні злучніка і з такімі і іншымі дапаможнымі сродкамі ўтвараюцца адносна свабодныя спалучэнні, якія часта працягваюць схільнасць да ўстойлівасці і лёгка пераходзяць у састаўныя злучнікі (напрыклад, *і то, і таму*). Сярод вучоных няма пакуль адзінага погляду наконт таго, што ўтвараецца ў выніку спалучэння злучніка з удакладняючымі яго значэнне рознымі словамі. Часцей за ўсё падобныя спалучэнні адносяць да злучнікаў аналітычнай структуры, для якіх характэрна «тэндэнцыя да размеркавання функцый паміж састаўнымі элементамі»². Не выпадкова ў такіх злучніках асноўным кваліфікатарам семантыка-сіntaxічных адносін з'яўляецца другі элемент, а першы элемент (ці ўласна злучнік і) захоўвае за сабой ролю «чыстай скрэпы»³ (напрыклад, *і значыць, і потым, і тады*). У іншых выпадках функцыі паміж састаўнымі элементамі размеркаваны недастаткова строга, паколькі семантычны кваліфікатар толькі вар'іруе, удакладняе ці дублюе значэнне апорнага злучніка (напрыклад, *і вось, і толькі, і тым не менш*). Некаторыя даследчыкі лічаць, што спалучэнні тыпу *і таму, і значыць, і вось* складаюцца са злучніка і і слова, якое удакладняе яго значэнне⁴. Іншы раз выказваецца думка, што ўжыванне разнастайных гібрыдных слоў пры невытворных злучніках для большай іх дыферэнцыяцыі прыводзіць да ўтварэння складаных⁵ або састаўных⁶ злучнікаў.

З аналізу відаць, што папаўненне класа злучнікаў з'яўляецца актыўным працэсам у развіцці граматычнага ладу сучаснай беларус-

кай мовы. Гэты працэс адбываецца ў выніку пераходу ў разрад злучнікаў асобных спалучэнняў злучніка з удакладняючымі яго словамі. Некаторыя спалучэнні яшчэ знаходзяцца ў пераходным становішчы на шляху да злучнікаў, і гэтым тлумачыцца аднясенне іх рознымі даследчыкамі да састаўных злучнікаў або да спалучэння злучніка з удакладняючым яго словам (у «Русской грамматике» — 1980 такія словы названы лексічнымі канкрэтызатарамі).

¹ Гл.: Грамматика современного русского литературного языка.— М., 1970, с. 664, 667; Проспект «Русской грамматики». — М., 1972, с. 124—125; Русская грамматика.— М., 1980, т. 1, с. 713—720.

² Проспект «Русской грамматики». — М., 1972, с. 124.

³ Там же.

⁴ Гл.: Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке.— Смоленск, 1975, с. 58; Прияткина А. Ф. Об отличии союза от других связующих слов.— Русский язык в школе, 1977, № 4, с. 105—106.

⁵ Серебряная Ф. И. К вопросу о формировании сложных сочинительных союзов на базе непрямых.— Исследования по современному русскому языку, 1970, с. 227.

⁶ Рогожникова Р. П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания.— М., 1974, с. 11.

Л. Г. ЯЦКЕВИЧ

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ СЛОВА

Вопрос о семантическом тождестве слова в современном языковедении дискуссионный. Известны две попытки, противоположные по своему направлению, но единые в стремлении снять эту проблему. С одной стороны, в рамках исторической лексикологии имела место крайняя точка зрения на явление омонимии — теоретически отрицалась омонимия, возникшая в результате распада полисемии слова. Принципиальных сторонников этого взгляда сейчас немного, но в лексикографической практике такой подход нередко сохраняется, так как факт распада полисемии не всегда фиксируется словарями. С другой стороны, в структурном и прикладном языковедении получила распространение противоположная точка зрения — отрицалась полисемия; неоднозначность слова в любом случае интерпретировалась как омонимия. Исследователям казалось, что для координации между естественными и искусственными языками необходимо свойство искусственного, контекстно свободного языка распространить на естественный.

Наиболее плодотворным является такое описание лексической омонимии и полисемии, в котором эти явления рассматриваются на фоне лексико-семантической и грамматической систем конкретного языка и доказываются их внутриязыковая качественная неоднородность. Так трактуется этот вопрос в работах А. И. Смирницкого, В. В. Виноградова, О. С. Ахмановой, Д. Н. Шмелева. Поскольку и при омонимии, и при полисемии речь идет о неоднозначности слов, ведущим является семантический критерий: омонимия предполагает совершенно различные значения, полисемия — определенную семантическую общность. Понимая зыбкость и необъективность семантического критерия, сформулированного в таком общем виде, многие исследователи стремились учитывать формальные показатели, сопутствующие омонимии. Но эти же показатели в ряде случаев было возможно использовать и при характеристике полисемии слова, поэтому оказалось, что считать их дифференциальными нельзя.

Возможен другой путь преодоления необъективности семантического критерия — уточнить и конкретизировать понятие семантической близости. Д. Н. Шмелев внес значительный вклад в решение этой проблемы. Вместо теории «общего значения» слова, которая не выдерживает кри-

тики и поэтому непригодна для характеристики полисемии слова, он предлагает учитывать такое свойство многозначного слова, как семантическое единство, которое проявляется в наличии определенных парадигматических отношений между отдельными значениями, а также диффузности, т. е. во взаимопроникновении отдельных значений, которые противопоставлены не абсолютно, а в определенных позициях¹. Все указанные свойства отличают лексическую полисемию от омонимии. Однако следует уточнить, что эти показатели хорошо применимы к непроизводным словам, которые рассматриваются Д. Н. Шмелевым в качестве иллюстраций (*земля, пятно, свет, простой* и др.), но эти показатели часто нельзя применить к производным словам, семантическая структура которых характеризуется иными видами смысловых отношений. На это обращает внимание сам автор, когда рассматривает особый вид неоднозначности слов типа *времянка* и приходит к выводу, что в данном случае следует говорить о семантической общности, создаваемой словообразовательной формой слова².

Наблюдение над полисемией производных слов различных словообразовательных типов показало, что слов типа *времянка*, т. е. с параллельно сосуществующими значениями, не связанными между собой отношениями производности ни в синхронии, ни в диахронии, в русском языке много. Сравните разные значения в следующих словах: *пустышка* (разг.) — 'всякий полый пустой предмет, резиновая соска для грудных детей', перен. — о человеке, лишенном всякого внутреннего содержания, легкомысленном, пустом³; *наушник* — 'часть теплой шапки, закрывающая ухо, а также футляр из теплой материи, надеваемый на ухо', 'надеваемый на уши прибор для слушания', 'человек, который наушничает, доносит'; *бескровный* — 'лишенный крови или очень бедный кровью', 'очень бледный (бескровные губы)', 'совершаемый, достигаемый без кровопролития (бескровная победа)'.

О закономерном характере возникновения параллельной многозначности у производных существительных пишет О. Г. Ревзина⁴, О. П. Ермакова⁵ и другие исследователи. Можно добавить, что такая же закономерность характеризует и полисемию прилагательных, мотивированных существительными и глаголами. Так, совершенно не взаимообусловлены лексически разные значения одного слова у следующих прилагательных: *ручной* — 'предназначенный, приспособленный для рук (ручные часы, полотенце)', 'производимый руками, не автоматически, приводимый в действие руками (ручная работа, ручное оружие, ручная граната, ручная швейная машина)', 'прирученный, привыкший к человеку (ручной медведь)'; *заливной* — 'заливаемый в половодье (заливной дуг)', 'о кушанье: залитый студенистым наваром (заливной поросенок)'.

Учитывая все это, целесообразно, на наш взгляд, наряду с такими типологическими видами полисемии, как радиальная и цепочечная многозначность⁶, выделить параллельную многозначность слова. Радиальная и цепочечная полисемия предполагает иерархичность семантической структуры слова, выводимость, производность его значений. И в том, и в другом случае мы имеем дело с лексической многозначностью слова, так как его семантическое варьирование происходит на лексическом уровне и не связано со словообразовательной структурой. Параллельная же полисемия — это словообразовательная многозначность слова, так как она обусловлена семантическим варьированием элементов словообразовательного образца (термин Н. А. Янко-Триницкой) или его применения — «сопутствующих лексических значений»⁷, или тем и другим. Соответственно можно выделить несколько разновидностей параллельной словообразовательной многозначности слова.

1. У производных слов возникает отраженная многозначность, обусловленная семантическим варьированием производящей основы. Например, параллельно сосуществуют значения слова *стоянка* — 'остановка во время движения (стоянка поезда)' и 'место поселения первобытного человека (стоянка каменного века)', соотносительные с разными значе-

ниями мотивирующего слова *стоять* — 'не двигаться, бездействовать' и 'иметь местопребывание, жить'. Сюда относится также указанное выше слово «пустышка».

2. Параллельная полисемия производного слова может быть связана с семантическим варьированием словообразовательного значения, характерного для данного словообразовательного образца. Сравните: *ястребиный* (ястребиный взгляд, нос); *русалочий* — 'принадлежащий русалке, относящийся к ней (русалочьи руки, крики)' и 'зеленоватый по цвету (о глазах); холодный и манящий (о взгляде; книжн.)'.

3. Параллельная полисемия производного слова вызывается варьированием логико-предметной отнесенности словообразовательного образца, т. е. полисемией «сопутствующих лексических значений»: *гладыш* — 'насекомое из семейства водяных клопов (зоол.)', 'гладкий камешек (обл.)', 'полненький, сытый (обл., ласкат., преимущественно о ребенке)'; *кофейница* — 'коробка для хранения кофе', 'ручная мельница для размола кофе'; *кошатник* — 'тот, кто промышляет ловлей кошек', 'любитель кошек'; *глазок*⁸ — 'отверстие в чем-нибудь (напр., в двери тюремной камеры) для надзора, наблюдения', 'почка, срезанная с растения для прививки', 'небольшое углубление с почками на поверхности картофельного клубня', 'пигментное пятно у некоторых одноклеточных организмов и медуз' (спец.). Варьирование логико-предметной отнесенности словообразовательного образца создает словообразовательную, а не лексическую полисемию, так как выявляет вариантность мотивирующих возможностей однозначной производящей основы, т. е. вариантность образования слова, а не вариантность его употребления как целостной воспроизводимой единицы.

В заключение попытаемся классифицировать и терминологически определить явление параллельной словообразовательной многозначности. Нередко его рассматривают как словообразовательную омонимию⁹, видимо, на том основании, что слова, подобные рассмотренным выше, не относятся ни к так называемым морфологическим (нет варьирования состава морфем), ни к лексико-семантическим вариантам слова (нет семантического варьирования слова в целом как лексической единицы). Тем не менее в данных производных словах наблюдается семантическое тождество, базирующееся на семантическом тождестве производящей основы (даже в случае ее многозначности, так как это не противоречит ее семантическому единству) и структурном тождестве словообразовательного образца. Учитывая все это, на наш взгляд, целесообразно наряду с морфологическими и лексико-семантическими выделять словообразовательно-семантические варианты одного слова.

¹ См.: Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики.— М., 1973. с. 70, 80.

² Там же, с. 72.

³ Толкование значений дается по кн.: Ожегов С. И. Словарь русского языка.— М., 1963.

⁴ См.: Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках.— М., 1969, с. 63.

⁵ См.: Ермакова О. П. Противопоставление разных типов производных по признаку открытости-закрытости семантической структуры.— В сб.: Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка. Тула, 1976.

⁶ См.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка.— М., 1974, с. 182.

⁷ См.: Янко-Триницкая Н. А. Закономерность связей словообразовательно-го и лексического значений в производных словах.— В сб.: Развитие современного русского языка. М., 1963, с. 85.

⁸ О наличии словообразовательной мотивированности у таких слов см.: Янко-Триницкая Н. А. Членимость слов типа *ножка*, *ручка*.— В сб.: Развитие современного русского языка.— М., 1972; Словообразование: Членимость слова.— М., 1975, с. 175.

⁹ См.: Ахманова О. С. Словарь синонимов русского языка.— М., 1974, с. 6.

ВОЗМОЖНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НЕЗАКОНЧЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НП)

Разговорная речь, будучи основной формой непосредственного общения, — явление сложное и многогранное как по форме, так и по содержанию. Эта сложность целого, однако, не противоречит тенденции к простоте и ясности отдельных его частей. Речь — инструмент общения, и она должна быть простой, удобной и экономичной во всех отношениях. Поэтому в речи часто наблюдаются неполные конструкции, а иногда и незаконченные предложения. Их присутствие обусловлено также резким возрастанием роли экстралингвистических факторов.

Предложение — сложная лингвистическая единица, обладающая планом содержания и планом выражения. Так же, как формальная схема предложения представляет собой набор компонентов, находящихся в определенных синтаксических отношениях друг с другом и со всем предложением, смысловая структура предложения может быть представлена как совокупность смысловых компонентов, находящихся во взаимодействии друг с другом и с содержанием всего предложения. Формальная и семантическая структуры предложения предстают как две стороны одного единства, нераздельные потому, что грамматическая связь элементов обусловлена их смысловой связью, а смысловая существует постольку, поскольку она выражена формально. Семантика предложения является собой как бы результат использования материальной синтаксической структуры. Связь формальной и содержательной структур предложения подчеркивается огромным значением интонации, которая является полноправным компонентом модели предложения. Интонация как будто входит в план выражения наряду с формально-грамматическим строением и схемой линейно-динамической организации. Однако в то же время не вызывает сомнения большая смысловая нагрузка, которую несет интонация.

Совокупность формальной, семантической и интонационной структур предложения составляет его модель, которая характеризуется рядом структурно-функциональных признаков, свойственных только данной модели и отличающих ее от других. Модель обычно бывает представлена рядом модификаций, которые сохраняют ее основные структурно-функциональные свойства, но в то же время приобретают дополнительные свойства. Это как бы «подмодель», отдельный вид основной модели. В речевом потоке появляются многочисленные и разнообразные конкретные реализации модели и ее модификаций, которые сохраняют свойства модели и дополнительные свойства модификаций. Эти реализации неустойчивы и индивидуальны, и количество их неисчислимо. На структуру речевых единиц оказывают самое непосредственное влияние эмоциональность речи, отношение субъекта высказывания к своим словам, речевая ситуация, другие особенности диалогической речи.

Исходя из выявленной внутренней организации предложения как сложнейшей синтаксической единицы, можно предложить в качестве критерия классификации НП в системе предложения степень актуализации его структурно-логической модели. Полное предложение характеризуется полнотой и завершенностью речевой реализации структурно-логической модели. Неполному предложению свойственна неполная речевая реализация структурно-логической модели. Это значит, что в тексте пропущен какой-либо компонент модели предложения. Однако в случае неполного предложения собеседник не ощущает информативной недостаточности, так как недостающий член полностью компенсируется контекстом или ситуацией. Здесь неполная реализация модели носит регулярный характер, подчиняется законам языковой экономии, потому что в речи избыточная информация нередко затрудняет общение.

НП свойственна прерванность, незавершенность реализации струк-

турно-логической модели, так как не все позиции модели заполнены соответствующими словоформами в силу действия внешних или внутренних факторов. Модель предложения не получает полной реализации по причинам неязыкового характера. Можно дать следующее определение НП: это предложение с незаконченной, прерванной реализацией его структурно-логической модели в силу действия каких-либо внешних или внутренних обстоятельств речевого акта¹.

Все три типа предложения — полное, неполное и незаконченное — строятся по одной модели и представляют ее различные речевые реализации. В отличие от неполного предложения, где неполнота реализации носит регулярный характер и закреплена языковой нормой, прерванность НП часто носит случайный, произвольный характер, особенно в случаях внешней прерванности и представляет собой отступление от нормы языка. НП могут оставаться прерванными и в смысловом отношении, и собеседник иногда лишь приблизительно догадывается о невысказанной мысли, а часто воспринимает ее неверно, что исключается в случае предложений неполных. Но можно ли в таком случае вообще считать НП предложением как коммуникативной единицей? Очевидно, не всегда.

Часто формальной недостаточности НП сопутствует смысловая недостаточность. В ряде случаев широкий контекст, ситуация речевого общения, общность апперцепции участников речевого акта способствуют восприятию смысла НП. Но некоторые высказывания восстановить невозможно. Очевидно, имеет значение степень информативности выраженной части предложения. В силу случайности, непреднамеренности обрыва (внешняя прерванность) структура выраженной части НП имеет тоже случайный характер. Количество синтаксической, лексической и ситуационной информации, заключенной в недосказанной части, находится в прямой зависимости от возможности реставрации НП. Для восприятия смысла могут иметь значение паралингвистические факторы. Часто недостающая часть предложения компенсируется действием или жестом говорящего. Например:

— А если тебе куда-нибудь надо поехать...— Гиви Иванович достал ключи от машины и опустил их в нагрудный карман Валико.— Только не превышай скорость... (В. С. Токарева, Р. Л. Габриадзе, Г. Н. Данелия)

В данном случае собеседнику не нужно мысленно восстанавливать НП, поскольку смысл высказывания воспринимается им полностью, а возможность непонимания исключается. Очень часто смысл жеста или действия говорящего дублируется интонацией недосказанной части. Особо следует выделить те случаи, когда вся информация передается посредством интонации. Эти НП не могут быть закончены, но в этом и нет необходимости, так как интонация несет полную информативную нагрузку.

— Что же вы, Альбиночка, с нашей Викторинной не посоветовались? Всегда советуетесь, а тут... Она же вас так любит. (С. Михалков)

— S'il n'y avait que saint Paul... (A. Salacrou)

— Ici ou ailleurs... (J.-P. Sartre)

Интонация передает не только смысл высказывания, но и наиболее адекватно выражает различные чувства говорящего: недоумение, сожаление, безразличие. Часто интонации удается то, что трудно выразить лексическими и грамматическими средствами. Можно утверждать, что интонация является едва ли не самым могучим средством выражения содержания высказывания.

На восприятие смысла НП оказывает также влияние степень информативности недосказанной части. Решающую роль играют ситуация речевого действия, синтаксическая структура реализованной части НП, лексика недосказанной речи и степень ее «фразеологизованности». Огромная роль ситуации в восприятии НП иллюстрируется следующими примерами:

- Кошелев, Кошелев... Да если б я... (В. Розов)
- Vous pensez que les autres n'oseront pas revenir tout de suite... autour de... pres... (A. Salacrou)

В первом из приведенных примеров ни синтаксис, ни лексика не раскрывают значения недостающей части. Восстановить смысл предложения помогает только ситуация, в которой протекает общение. В отрыве от ситуации возможны варианты смысла и синтаксических структур.

Во втором примере синтаксическая структура недосказанной части вполне достаточна, чтобы с полной вероятностью предсказать недостающий член предложения (косвенное дополнение), однако вне ситуации варианты его лексического значения могут быть самыми различными, тогда как в данной ситуации значение недостающего члена определяется однозначно — *cadavre*. Данный пример служит также иллюстрацией роли синтаксиса недосказанной части в восприятии НП.

Очень часто преобладающее значение имеет лексика реализованной части. Она в значительной мере определяет не только семантику недостающей части, но и ее синтаксическую структуру.

- On se met en blanc pour se marier, en noir pour... (A. Salacrou)

Лексические антонимы *blanc* — *noir* позволяют предположить противопоставление *se marier* — *mourir* (антонимия *se marier* — *divorcer* исключается ситуацией). Не будь столь однозначно определено лексическое значение недостающего слова, можно было бы предположить варианты синтаксических конструкций недостающей части. В данном случае лексика однозначно определяет синтаксис НП.

В случаях обрыва фразеологизмов реставрация НП не встречает особых трудностей.

- Все дается с трудом. Я тогда для Марка Александровича тоже бегал, бегал... Ну, раз вы просили... *Я уж, как говорится, в лепешку...* Ваше имя!.. О... (В. Розов)

Этому типу восприятия НП часто сопутствует намеренный обрыв высказывания в силу его безусловной понятности для собеседника. Наиболее распространенные фразеологизмы знают все, а поэтому нет необходимости заканчивать предложение, подавляется основной стимул речевого общения — передача информации — и процесс порождения прерывается. Приведенные примеры иллюстрируют достаточную степень информативности недосказанной части, которая и определяет возможность смысловосприятия НП. Однако часто передача информации становится невозможной из-за информативной недостаточности реализованной части НП. Например:

- Зна, сколько раз я тебе буду говорить! Прежде чем войти, надо постучать.
- Я только хотела сказать...
- Пожалуйста, выйди за дверь и постучи.
- *Но я...*
- Постучи, постучи, это не трудно. (В. Розов)

В данном случае невозможно однозначно определить ни синтаксическую, ни семантическую структуры недостающей части. Ситуация речевого действия не проясняет смысл высказывания, а интонация оборванной реплики не определяет интонационную структуру всего несостоявшегося высказывания. Следовательно, НП теряет статус предложения как коммуникативной единицы, так как ни один из компонентов его модели не выражен достаточно полно.

Реставрация НП невозможна и в том случае, когда синтаксическая структура недосказанной части чрезвычайно запутана, что вызывает нарушение логичности и смысловую четкость высказывания. А нечеткая смысловая установка при формулировке текста, в свою очередь, способствует еще большей запутанности синтаксической конструкции. Воз-

никают самоперебивы, и процесс порождения текста прекращается. В данном случае предложение не состоялось.

— І калі на тое пайшло, калі хочаш у сутнасці разабрацца, дык не таму бывала ад таго, а зусім наадварот — ад таго і бывала, што... вабчэ і ў часнасці... Паняў? Не-е, не раскумекаць табе ета. (А. Макаенак)

Говорящий «теряет власть» над высказыванием. Продукт речи чрезмерной сложностью «побеждает» своего производителя, и последнему остается только в растерянности замолчать.

Итак, возможность восприятия НП зависит от степени информативности недосказанной части, которая, в свою очередь, определяется сложным взаимодействием лексики синтаксиса и ситуации речевого общения. Информация может передаваться также посредством интонации, которая, являясь составной частью структурно-логической модели предложения, несет полную смысловую нагрузку даже в случае синтаксической и лексической недостаточности реализованной части. Интонация является наиболее важным звеном в смысловосприятии НП, поскольку передает содержание высказывания и чувства говорящего наиболее адекватным образом. Передаче информации могут также способствовать некоторые действия или жесты говорящего. Объективным фактором, затрудняющим общение, является чрезмерная сложность синтаксической конструкции.

Таким образом, статус НП как предложения определяется возможностью или невозможностью его восприятия. Если восприятие возможно, НП является коммуникативной единицей. Оборванные реплики предложениями считать нельзя.

¹ О причинах прерванности см.: В а я х и н а А. В. Незаконченные предложения в диалогической речи: Мотивы прерванности.—Вестн. Беларускага ун-та. Сер. 4, філал., журн., пед., псіхал., 1981, № 3, с. 56.

МУХАМЕД АБДЕЛЬХАЛИМ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Русские глаголы движения и перемещения в пространстве функционируют в различных стилях речи: в языке газеты, языке художественной литературы и т. п. Функционируя в различных стилях речи, они как бы выходят из ЛСГ 'движение', сохраняя общую идею движения как развития и употребляются (как правило, в переносном значении) в разного типа клише (*идет большая руда*), стилистически маркированных выражениях, которые могут входить в язык-норму (*провести опыт, идет спектакль*), устойчивых синтаксических конструкциях (*что-то входит во что-то*) и т. п. Именно в силу такого лингвистического «поведения» многие глаголы движения в русском языке являются многозначными, толковые словари русского языка отмечают большое количество значений у многих беспрефиксных и даже префиксальных глаголов движения (у глагола *идти* около 30, *вести* около 10, *вести* 5 и т. п.). По этой же причине глаголы этой ЛСГ активно участвуют в образовании фразеологизмов.

Целью данной статьи является рассмотрение функционирования глаголов движения и перемещения в пространстве в лингвистическом тексте как разновидности научного текста. Нами проанализированы шесть номеров журнала «Вопросы языкознания» за 1981 год, за исключением разделов «Рецензии» и «Научная жизнь». Как оказалось, глаголы движения и перемещения в пространстве употреблены здесь более 270 раз, не считая лингвистических примеров. Только глагол *подходить* употреблен один раз в прямом номинативном значении: Они неохотно *подхо-*

дили к русским становищам, когда нужно было платить ясак (ВЯ — 4, 77), остальные глаголы употребляются исключительно в переносном значении. Это объясняется самим характером текста, в котором практически не употребляются глаголы движения в основном значении, за исключением примеров и специальных текстов о глаголах движения.

Всего в рассматриваемых лингвистических текстах употреблено около 40 глаголов движения и перемещения в пространстве: беспрефиксных только четыре (*вести, идти, нести, носить*), остальные — префиксальные образования от пар *вести — водить, идти — ходить, нести — носить*. Другие глаголы движения и перемещения в пространстве нами не обнаружены¹. По частоте употребления глаголы распределились следующим образом: *идти* (61 раз), *входить* (31), *исходить* (29), *приводить* (18), *войти, подходить* (по 12 раз), *выходить* (11), *восходить* (8), *привести, проходить* (по 8), *нести, переходить* (по 7), *вести, выйти* (по 5), *вводить, вывести, отнести, перейти, приходиться, уходить* (по 4), *дойти* (3), *ввести, зйти, носить, относить, подводить, подойти, сходить* (по 2), *вводиться, внести, вносить, вывести, заходить, отходить, прийти, принести, приходиться, пойти, пройти* (по 1 разу).

Фразеологизированных сочетаний с глаголами движения в лингвистических текстах, как и вообще в научных, очень мало, их только пять: Превращение признаков в язык *прошло* по меньшей мере *семь* основных ступеней (ВЯ — 1, 19); *несут на себе печать* заимствования... (ВЯ — 6, 116) и др. Несколько чаще употребляются глаголы движения в переносном значении, обычном для языка-нормы: В это *государство* *входили* *области* современной Словакии по течению реки Моравы (ВЯ — 4, 91) и т. п. Подобного типа употреблений в рассматриваемых текстах 15. Подавляющее большинство извлеченных нами примеров относится к переносному употреблению глаголов движения в научном стиле речи. Чаще всего таким образом функционируют глаголы *идти* (58 раз), *исходить* (26), *приводить* (10), *входить, выходить* (по 9 раз): В описании слов и словосочетаний можно *исходить из того, что...* (ВЯ — 4, 29); указанные процессы *приводят* к формированию общего лексико-фразеологического фонда (ВЯ — 4, 6).

Часто выражения, свойственные научному (и книжному) стилю речи, получают чисто лингвистическое наполнение. Часть таких выражений стала типичной для лингвистического текста. Такие типично лингвистические конструкции и выражения в нашем материале образуют 16 глаголов движения: *входить* (17 раз), *приводить* (8), *войти* (7), *восходить, проходить* (по 6 раз), *вводить, перейти* (по 4), *выходить, нести, переходить* (по 3), *выводить, отнести* (по 2), *вводиться, вносить, дойти, подходить* (по 1 разу). Эти глаголы представляют особый интерес, так как образуют терминологические синтаксические конструкции или терминологические выражения (участвуют в процессе номинации в лингвистическом тексте).

По отношению ко всем лингвистическим уровням используется синтаксическая терминологическая конструкция *что-то восходит к чему-то*: конечно, не все значения одних и тех же слов *восходят к праславянскому времени* (ВЯ — 5, 16); *слова* не одинаковы по значению, но *восходят к одному и тому же индоевропейскому корню* (ВЯ — 4, 39—40). В рассмотренной конструкции глагол *восходить* имеет конструктивно обусловленное значение 'иметь своим началом, исходным пунктом что-либо, вести свое происхождение от кого-, чего-либо'². Но несмотря на то, что это значение характерно и для других стилей речи, в лингвистическом тексте конструкция закрепились и получила терминологическую окраску.

В лингвистических текстах, описывающих различные языковые процессы, используется синтаксическая конструкция *что-то входит во что-либо* (*выходит из чего-либо*), в которой глагол имеет конструктивно обусловленное значение 'включиться в состав чего-л., стать составной частью чего-л.'³: *они вошли и входят в литературный язык из город-*

ского просторечия (ВЯ — 6, 43); в последние годы споры о том, *входит* или *не входит просторечие в литературный язык*, затихли (ВЯ—3,81); в силу указанной безэквивалентности данные слова давно и прочно *вошли в русский словарь* (ВЯ — 6, 81). В лингвистических текстах встречается и антонимичная конструкция с глаголами *выйти, выходить*. Употребляется в лингвистическом тексте и конструкция *что-то приводит к чему-то: воздействие* национального языка (интерференция) *приводит к возникновению* национальных вариантов русского литературного языка (ВЯ — 4, 81); *все это приводит* к существенным отклонениям в фонетическом составе некоторых слов (ВЯ — 1, 144).

При описании исторических процессов, происходящих в языке, используется конструкция *что-то перешло (переходит)* во что-то: неполные *паронимы* постепенно и уверенно *переходят* в полные (ВЯ — 2, 59); могут ли слабые элементы *устной речи перейти в письменную* (ВЯ — 6, 116); *имена по мужу* утратились или полностью *перешли в категорию имен существительных* (ВЯ — 5, 117).

Кроме небольшого количества описанных синтаксических конструкций, в лингвистических текстах используются следующие терминологические выражения (в нашем материале их 14) с глаголами движения: *нести в себе признак чего; следует отнести такие черты (чего); вводится в речь; (слово или другая единица языка) вносит в речь; до нас дошло (любые единицы языка); выходит из употребления; переходит из одного стиля в другой; (любой лингвистический процесс) проходит интенсивно; вводить материал (имеется в виду только лингвистический материал); вводить прямую (косвенную) речь; входить в состав (чего), приводить пример (из), приводить в качестве примера; проходит процесс (чего).*

Подводя итоги, можно отметить, что 16 глаголов движения: *вводить, вводится, вносить, войти, восходить, входить, выводить, выходить, дойти, нести, отнести, перейти, переходить, подходить, приводить, проходить*, функционируя в лингвистическом тексте, участвуют в создании терминологических лингвистических конструкций и выражений. Около 40 глаголов движения (*вести, идти, нести, носить* и префиксальные образования от пар *вести — водить, идти — ходить, нести — носить*) с разной активностью функционируют в лингвистическом тексте — подстиле научного стиля.

¹ Согласно данным толковых словарей, некоторые глаголы движения рассматриваемой ЛСГ имеют мало значений: *брести* одно значение, *бродить* — два.

² См.: Словарь русского языка. — М., 1981, т. 1.

³ Там же.

А. И. АЛЕХИНА

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИИ

Система отношений во фразеологии обладает специфической формой выражения. Подчинение этих отношений общим закономерностям парадигматики и синтагматики, однако, еще не раскрывает их специфики. В качестве специфического признака может быть принята структура как особый тип связей элементов и формы выражения, на основе которых возможно выявление существенных черт функционирования и развития фразеологической системы языка. Структура есть упорядоченность элементов в системе, т. е. выражение необходимой связи элементов со стороны формы и является таким образом законом системы. Процесс познания закона осуществляется путем раскрытия существенных сторон того или иного явления, поскольку, как отмечал В. И. Ленин, — это «одна из ступеней познания человеком *единства и связи, взаимозависимости и цельности* мирового процесса»¹

Фразеологическая система может быть определена как совокупность фразеологических единиц и их структурных отношений, образующих устойчивое, единое и функциональное целое. Поскольку в системном подходе в центре внимания стоит вопрос о взаимодействии, взаимовлиянии структурной организации предмета или явления, то для выявления сущности фразеологической системы определяются такие аспекты или стороны, которые отразили бы качественную специфику структуры системы и характеризовались бы соотношением элементов аспекта и его структуры. Так структура внутриэлементных отношений может быть исследована в лексико-грамматическом и структурно-семантическом аспектах, сущность которых заключается в выявлении внутренне дифференцированной совокупности фразеологических единиц в зависимости от роли их компонентов, выраженных теми или иными лексико-семантическими вариантами слов и характером их структурной организации.

Структура внутрисистемных отношений фразеологической системы может рассматриваться в семантико-фразеологическом и семантическом аспектах как внутрисистемно дифференцированной совокупности фразеологических единиц в зависимости от их структуры и значения, т. е. различий по своим категориальным признакам и семантическим свойствам. Структура же интерессистемных отношений вытекает из структуры внутриэлементных и внутрисистемных отношений и представляет собой определенный способ взаимодействия между элементами системы и системой языка в целом, выполнения фразеологическими единицами какой-либо функции, необходимой для поддержания существования фразеологии как лингвистической дисциплины. Соответственно структура интерессистемных отношений может быть представлена в функционально-семантическом и семантико-стилистическом аспектах.

Из всех типов структуры отношений внутриэлементные отношения являются главными, так как они определяют систему. Изучение их в лексико-грамматическом и структурно-семантическом аспектах можно было бы представить следующим образом. В основе внутренних отношений слова — соположение морфем, и это ведет к словообразовательной синтагматике. Эти отношения непреходящи. Функция отождествления и различения как выражение внешних отношений осуществляется в цепочке «слово — слово» и приводит к лексической синтагматике, которая неоднородна и создает «новые значимости», т. е. фразообразовательную синтагматику. Таким образом, внешние отношения слова становятся внутренними отношениями фразеологической единицы. Создается определенный каркас будущей единицы в виде грамматической модели, переходящей во фразеологические серии, состоящие из глагольных, субстантивных, адъективных, адвербиальных и препозициональных моделей. Тождественность признака слова в парадигматике, где глагол выражает действие, существительное — предмет и т. д., не переходит на одну отдельную фразеологическую единицу, а передается всей массе единиц соответственно, что в свою очередь создает упорядоченность единиц в системе. Однако процесс этот не является однородным. Прежде всего обращает на себя внимание состояние моделированности-немоделированности внутреннего контекста фразеологических единиц, обусловленное действиями признаков фразеологической мотивированности по характеру и способу выражения. Благодаря этому устанавливаются связь и взаимодействие между словами в результате семантического переноса значения, ведущего к полному или частичному переосмыслению компонентов фразеологизма. Устойчивость такой специфики внутриэлементных отношений фразеологической системы проявляется в ряде вариативных показателей внутреннего контекста при условии, что инвариантами являются основные типы микроустойчивости во фразеологии, по А. В. Кунину².

К вариативным показателям можно отнести: а) **нетождественность значения фразеологизма со словом**, обусловленную тем, что его внутренний контекст характеризуется наряду со словом тождеством логиче-

ского содержания понятий и при выборе единиц в синтагматической цепочке является пределом синонимического варьирования в обозначении того или иного явления. В этой связи внутренний контекст как инвариант информации фразеологизма стремится к состоянию тождества в выражении значения, но так как синонимическое варьирование реализуется различными языковыми средствами, он не достигает его, а приобретает лишь некоторую семантическую общность значения. Эта нетождественность формы и содержания в сравнении со словом позволяет контексту фразеологизма приобретать черты функциональной самостоятельности и независимости, а устойчивость его употребления будет выше, если другие инвариантные параметры устойчивости при всех количественных изменениях не будут переходить границы этой качественной определенности — нетождественности фразеологизма со словом; б) **моделированность-немоделированность** фразеологических единиц, подтверждаемую самим состоянием внутренней структуры фразеологической системы, которая может быть представлена моделями глагола и существительного, существительного минус глагол, глагола минус существительное, плюс-минус обязательное/необязательное распространение другими элементами. Фразеологическая модель отличается от типовой модели свободного словосочетания тем, что она характеризует не отдельное явление во всех его связях и отношениях, а благодаря своим структурным особенностям является моделью с общим значением лица-нелица, действия, признака, обстоятельственности и т. д.; в) **морфологическую природу грамматических моделей**, обусловленную жесткими правилами морфологической валентности частей речи во фразеологии. Морфологическая природа модели обуславливает структуру фразеологических серий и их функционально-семантическую классификацию на парадигматические классы; г) **зависимость семантики структурно-семантической модели от фразеологической сочетаемости и мотивированности и роли опорного слова в каждом отдельном случае ее образования**, апробируемую благодаря ступенчатому характеру образования внутреннего контекста фразеологизма: 1) грамматической модели; 2) структурно-семантической модели. На каждой из них идет отбор слов, стыковка их прямого и контекстуального значений, обуславливающих лексическую устойчивость.

Исследование структуры внутриэлементных отношений в лексико-грамматическом аспекте убеждает нас в реальности явления моделированности во фразеологии и определенных системных закономерностях его образования, которые усматриваются в общем структурном контуре его выражения: глагол плюс существительное, существительное минус глагол, глагол минус существительное, плюс-минус все остальные части речи в каждом структурном типе моделей. Такие общие структурные формулы являются предельными (минимальными) моделями, границы которых устанавливаются благодаря всевозможным связям между самыми различными словами. Однако каждый из трех типов моделей представляет собой структуру моделей-немоделей в виде смысловой развертки своего рода глубинных семантических отношений уже внутри каждого класса. Эти модели в каждом своем подтипе, начиная, например, от ядра плюс существительное, развертывают свою семантическую структуру, наращивая семантические отношения с каждым типом моделированно-немоделированных образований фразеологических единиц. Так, *draw blank* — это только действие: «потерпеть неудачу», в то время как *set one's back against the wall*: «быть готовым отчаянно сопротивляться в трудном положении», т. е. это не только действие, но и его характеристика. Именно такие фразеологизмы и образуют слой немоделированных структур. Кроме того, в структуре внутриэлементных отношений наблюдаются также фразеологические серии. Анализ таких серий показывает, что они представляют собой внутреннюю упорядоченность составляющих фразеологическую систему единиц, имеющих моделированную структуру, в основе которых — морфологическая валентность и соче-

таемость той или иной части речи слова. Каждый класс таких моделей представляет собой структурное множество, объединенное одним общим элементом: глаголом, существительным, прилагательным, наречием, предлогом. Например, модели с константным глаголом: *clear the table*, *clear the decks*, *clear the air*, etc.; с константным прилагательным: *the narrow bed (or cell)*, *narrow circumstances*, *narrow escape*, etc.; с константным существительным: *way above*, *way ahead*, *way back*, *way behind*, etc.; с константным наречием: *under the sly*, *under the weather*, *under the sun*, etc.; с константным предлогом: *by long chinks*, *by long odds*, etc. Однако и фразеологические серии не являются однородными. Данные исследования фактического материала указывают не только на фразеологическую серийность, но и на несерийность. При этом фразеологическая серийность, как правило, моделированной структуры, типа *cock of the loft*, *cock of the roost*, *cock of the walk* может характеризоваться общими и частичными семантическими признаками. Моделированные структуры могут не образовывать серий типа *dead duck*, *lame duck*, *queer duck*, *sitting duck*. Можно сказать, что для фразеологического состава языка характерна также несерийность и немоделированность. Например, *all my eye and Bertie Martin*; *betwixt and between*; *Gretna Green marriage*; *hardly out of swaddling clothes*, etc. Поэтому структуру внутриэлементных отношений можно суммировать следующим образом: моделированность-немоделированность, серийность-несерийность как общая формула системы, которая, в свою очередь, является структурой-инвариантом по отношению к специфике ее выражения: вариантной структуре. Систематизация таких данных исследования в лексико-грамматическом и структурно-семантическом аспектах позволяет не только упорядочить имеющиеся знания о фразеологическом составе языка, но и получить новые. К числу данных такого рода относятся типы грамматических моделей фразеологических единиц, фразеологическая серийность-моделированность, несерийность-моделированность, несерийность-немоделированность. Все это может стать основой фразеологического образования, так как на опыте проверяются не отдельные, изолированные факты, а весь фразеологический состав в целом.

Что же касается структуры внутрисистемных отношений, то можно сказать, что она также характеризуется особой организацией. Ее основные аспекты — семантико-фразеологический и семантический — являются выражением ее структуры. В свою очередь, аспекты выражают некоторые существенные закономерности всей системы. Это прежде всего свойство сохранять устойчивость признаков внутриэлементных отношений независимо от каких-либо преобразований таких, как отнесенность к парадигматическому классу единиц, лексико-фразеологической семантической группе, а от нее к фразеологической семантической группе, способность относиться к той или иной семантической категории (гипо-гиперонимии, синонимии, антонимии, омонимии и полисемии). В этой связи можно сказать, что взаимозависимость аспектов внутриэлементных и внутрисистемных отношений уходит корнями в глубинные процессы лексической и грамматической семантики, ведущей к резким изменениям структурных слоев языка, не укладывающихся зачастую в рамки системных закономерностей. Так, например, моделированным образованиям лексико-грамматического и структурно-семантического аспектов противопоставляются фразеологические парадигмы семантико-фразеологического аспекта, являющиеся немоделированными, неоднородными структурами со своими типами семантических связей. Другими словами, структура внутрисистемных отношений предстает в ином качестве: состояния моделированности-немоделированности соответствующей фразеологической структуры в виде фразеологических гнезд, рядов и единичных образований. Речь идет об очень богатой гамме структурно-семантических связей фразеологизмов в общем контуре семантического картографирования языка. Здесь «спрос» на фразеологию порождает «предложение», представляя в ее распоряжение все имеющиеся ресурсы языка и

упорядочивая таким образом характер ее фразообразовательной структуры. Соответственно, изучение структуры интерсистемных отношений в функционально-семантическом и семантико-стилистическом аспектах включает исследование нормативности и окказиональности связей фразеологических единиц и их структурного выражения, т. е. фразеологических средств языка на выходе их в синтагматику или речевое употребление. Представляется, что основу функционально-семантического и семантико-стилистического аспектов составляет парадигматико-синтагматический валёр фразеологизма, включающий в себя его семантический и стилистический потенциал в парадигматике и функцию в синтагматике. Это значит, что в контексте та или иная единица выступает как определенная часть речи в соответствии со своим значением, морфологическими и синтаксическими свойствами. В то же время фразеологическая единица является членом предложения и тем самым выражает свое отношение к его структуре как коммуникативной единице. Из этого следует, что сущность интерсистемных связей реализуется на стыке парадигматики и синтагматики, взаимодействие которых, как известно, не лишено некоторой антиномии.

В заключение можно сказать, что внутриэлементные, внутрисистемные и интерсистемные отношения как части системы находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Их исследованию в целом отвечает системный подход, позволяющий рассматривать такие отношения в новых аспектах и параметрах. В отличие от традиционных направлений, идущих от фразеологической единицы к системным закономерностям, предметом и целью настоящей работы стала сама фразеологическая система, взятая как целостность и представляющая собой не только действительную языковую реальность, но и несущую в себе источники системосообразности, закономерности функционирования и развития.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 135.

² См.: Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания.— М., 1972, с. 6—8.

Новые книги Издательства БГУ имени В. И. Ленина

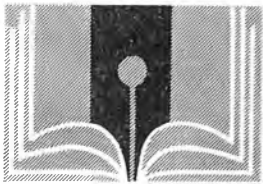
Сборник упражнений и текстов по переводу с немецкого языка на русский: Учеб. пособие для гуманит. фак. вузов / О. М. Галай, Р. Б. Гармаш, Т. Н. Гребнева и др.— 152 с.— Рус. и нем. яз.— 40 к.

Пособие для студентов факультетов журналистики, исторического и филологического. Упражнения построены на оригинальных материалах из произведений классиков немецкой литературы, современных прогрессивных писателей, периодической печати.

Савельева Т. М. Психологические вопросы овладения русским языком.— 112 с.— Рус. яз.— 1 р.

Работа посвящена проблемам совершенствования школьного образования, поискам способов преодоления разрыва между учебными программами и уровнем современных научных знаний. Главная задача исследования — выяснение условий, при которых приемы лингвистического анализа становятся доступными детям младшего школьного возраста.

Адресована психологам, научным сотрудникам, методистам и учителям-практикам.

Н. Н. ТОЛСТИК

ОСВЕЩЕНИЕ ОБЛАСТНОЙ ПЕЧАТЬЮ БЕЛОРУССИИ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ КАЧЕСТВЕННОГО РОСТА ПАРТОРГАНИЗАЦИЙ

Комплекс проблем, которые необходимо решить партии на нынешнем этапе, четко определен ее XXVI съездом и постановлением ЦК КПСС от 28 сентября 1976 года «О работе партийных организаций Киргизии по приему в партию и воспитанию кандидатов в члены КПСС». Съезд указал на необходимость повышения требовательности к каждому, кто носит звание коммуниста или претендует на него. «Именно такая высокая требовательность обеспечивает монолитное единство КПСС, ее способность возглавлять советское общество, уверенно вести советский народ по пути к коммунизму», — отметил в Отчетном докладе ЦК партии товарищ Л. И. Брежнев¹. Постановлением Центрального Комитета КПСС обратило внимание партийных организаций и комитетов на то, что, сознательно регулируя рост партийных рядов, необходимо учитывать классовый характер КПСС, изменения в социальной структуре населения, специфику каждого региона, особенности конкретных коллективов трудящихся, а также задачи усиления партийного влияния на важнейших участках коммунистического строительства. Парторганизации обязывались проявлять глубокую заинтересованность в том, чтобы в партийном пополнении были широко представлены молодежь и женщины. Постановлением также намечена широкая программа совершенствования системы индивидуального отбора и приема в партию, прохождения кандидатского стажа.

Именно эти, важнейшие в данный момент и на перспективу, направления качественного роста рядов коммунистов должны стать современным объектом публицистического отображения, а значит и воздействия периодической печати КПСС как литературной части общепартийного дела.

Не имея возможности в рамках журнальной статьи проанализировать разработку всех аспектов обширной и многогранной темы качественного совершенствования партийных рядов, автор сконцентрировал исследование на освещении в областных газетах Белоруссии последних семи лет проблем регулирования социальных, половозрастных, образовательных изменений в составе парторганизаций, а также на отображении процесса дальнейшей интернационализации партийных сил. Обращение же автора к практике печатных органов обкомов КПБ вызвано тем, что сфера их публицистического воздействия включает в себя городские, районные и первичные парторганизации, т. е. те звенья партийной структуры, в которых непосредственно реализуются все качественные изменения в рядах коммунистов.

Важнейшим средством качественного совершенствования парторганизаций является пополнение их свежими силами. Прием в КПСС осуществляется на широкой демократической основе. В формировании партийных рядов участвуют практически все коммунисты. Учитывается также мнение общественных организаций, беспартийных трудящихся о личных и деловых качествах вступающих. Поэтому все большее значение приобре-

тает пропаганда через печать научных принципов членства в КПСС, пополнения ее рядов. Редакции областных газет республики пока в полной мере не осознали важности такого социального заказа. За последние семь лет этому кардинальному вопросу партийного строительства не было посвящено на их страницах ни одной теоретической или пропагандистской статьи. Однако изъян в значительной мере компенсируется высокой степенью теоретической насыщенности многих публикаций, освещающих практику регулирования качественного состава рядов коммунистов.

Материалы такого рода в абсолютном большинстве газет пронизывает мысль о том, что главным условием качественного роста парторганизаций является усиление в них рабочего ядра. На конкретных примерах газеты показали, что установившаяся тенденция увеличения удельного веса рабочих в пополнении парторганизаций расширяет сферу, повышает эффективность партийного влияния на развитие материального производства. Но сделав упор на социально-производственный аспект, редакционные коллективы упустили из виду тот факт, что на этапе зрелого социализма рабочий класс остается не только ведущей экономической, но и политической силой советского общества, его идейно-нравственным законодателем. Ни в одной публикации обозреваемого периода не была прослежена связь между укреплением рабочего ядра парторганизации и повышением ее, а также трудового коллектива нравственно-политического потенциала, уровня сознательности, дисциплины и т. д. И этот недостаток — из числа самых значительных в разработке областными газетами всей внутрипартийной проблематики.

Исследуя социальную базу роста парторганизаций, печатные органы обкомов КПБ учитывают ее динамичный характер, зависящий от изменений в экономике, классовой структуре, духовной жизни нашей страны. И если социальный состав КПСС отражает социальную структуру современного советского общества в целом, то при регулировании роста рядов в конкретных парторганизациях необходимо, как уже отмечалось выше, исходить из особенностей и задач данного региона или трудового коллектива, степени охвата партийным влиянием различных участков народного хозяйства и культуры. Пропаганда этого важнейшего требования современного партийного строительства активно ведется со страниц областной печати республики. Тем самым газеты вооружают парторганизации, кадры на местах верной методологией регулирования роста рядов коммунистов. На многочисленных примерах раскрыты производственные и организационные последствия совершенствования социального состава коммунистов.

Многие качественные параметры парторганизации диалектически взаимосвязаны между собой. Ценно то, что в ряде публикаций областные газеты отображают эту связь в действии, комплексном единстве, тем самым стремясь не допустить в своей практике искусственного обособления отдельных граней партийной жизни, чего постоянно требует КПСС от своих периодических изданий.

К примеру, «Гродненская правда» напечатала много материалов о приеме в КПСС молодежи. В этих материалах газета раскрывала значение молодежного пополнения рядов КПСС как фактора обеспечения преемственности поколений коммунистов, сохранения и развития большевистских традиций, усиления партийного влияния в комсомоле, среди несоюзной молодежи. Одновременно газета убеждала, что процесс омоложения партийных рядов непосредственно связан с ростом интеллектуального потенциала парторганизаций, с совершенствованием их качественного состава по такому важнейшему показателю, как уровень образованности коммунистов².

В публицистическом исследовании сложных, диалектически взаимосвязанных явлений, происходящих в качественном составе парторганизаций, областные газеты широко и плодотворно используют дедуктивный метод познания. Часто масштабные и многогранные процессы партийного строительства на их страницах персонифицируются, и всеобщие закономерности членства в марксистско-ленинской партии периода развитого социализма находят воплощение в конкретной человеческой биографии. Движение публицистической мысли вниз по вертикали партийной структуры вплоть до ее первоосновы — личности коммуниста — в разработке темы качественного роста парторганизаций не только творчески оправдано, но и необходимо. Именно на личностном уровне происходит

формирование рядов КПСС. Поэтому в публикациях о личностном аспекте улучшения качественного состава партийных рядов нельзя эффективно выполнять, говоря словами В. И. Ленина, «необходимую работу пропаганды, агитации, организации»³, не выделяя в индивидуальных чертах конкретного коммуниста социальных признаков.

Упор на социальный, возрастной и образовательный аспекты формирования состава парторганизаций — характерная черта публикаций областной белорусской периодики на тему качественного роста партийных сил. Но вне их внимания оказались существенные изменения в национальном составе парторганизаций. Важной особенностью развития Компартии Белоруссии в настоящее время является, с одной стороны, постоянное расширение ее национального состава, с другой — неуклонное повышение в партийном пополнении удельного веса лиц коренной национальности⁴. Явление это характерно и для компартий других союзных республик. Такие формы в период зрелого социализма приобрел процесс дальнейшей материализации в организационном строении КПСС принципа интернационализма. Пройдя мимо этого явления, особенно заметного в районах крупных новостроек, не раскрыв его через судьбы коммунистов, областные газеты обеднили не только свою внутривнутрипартийную проблематику, но и систему интернационального воспитания трудящихся публицистическими средствами. Как известно, с продвижением советского народа к коммунизму «ленинские принципы внутривнутрипартийной жизни все полнее воплощаются в социальных отношениях зрелого социалистического общества в целом, в привычных нормах социального поведения людей»⁵.

Серьезные тематические пробелы допущены областной периодикой и при рассмотрении причинно-следственных явлений, происходящих в качественном составе парторганизаций. К примеру, брестская «Заря» в числе последствий преимущественного приема в партию рабочих и колхозников верно назвала содействие укреплению союза рабочего класса и крестьянства, успешному осуществлению аграрной политики КПСС⁶. Эта тема, несомненно, заслуживала конкретной и детальной публицистической разработки. Но ни отдельной аналитической публикации, ни даже факта, который бы показывал результаты материализации важного теоретического положения в процессе партийной работы, не появилось за последние семь лет не только в «Заре», но и в других областных газетах республики. А «назывной», «перечислительный» подход к явлениям современности без их анализа не в состоянии обеспечить высокую эффективность выступлений средств массовой информации и пропаганды в обстановке неуклонного духовного прогресса советского общества.

В газетных выступлениях о проблемах качественного роста парторганизаций должны раскрываться не только все стороны и последствия этого процесса, но и работа регулятивного механизма, непосредственно формирующего оптимальный состав партийных рядов. Этому аспекту партийной жизни посвящены многие публикации областных газет. Причем значение такого рода материалов выходит за рамки конкретного объема публицистического отображения. Средства массовой информации и пропаганды обладают системообразующим свойством. И анализируя практику формирования состава коммунистов в одной из парторганизаций, что-то в этом деле одобряя или отвергая, газета, тем самым, либо санкционирует массовость подобных действий, либо предостерегает от них партийные подразделения, влияя, таким образом, не только на одно структурное звено, но и на качественное развитие партийных сил своего региона в целом. Областным газетам важно воздействовать не только на регулятивную деятельность первичных парторганизаций, но и на практику более масштабных формирований — городских и районных партийных организаций и комитетов. Их роль в качественном совершенствовании рядов коммунистов чрезвычайно велика. На уровне горкома или райкома партии окончательно решается вопрос о приеме в КПСС. Под контролем и непосредственным руководством этих комитетов формируется качественный состав первичных парторганизаций.

Обычно о различных сторонах деятельности горкомов и райкомов КПБ рассказывают со страниц областных газет партийные работники соответствующего звена. Многие из их статей выделяются высокой компетентностью, глубоким анализом практики, конструктивностью предложений и выводов. Однако нельзя не видеть, что в значительной части публикаций отсутствие навыков публицистического анализа, недостаточная

самокритичность авторов сводят их газетные выступления к поверхностному самоотчету, перечислению достижений и проблем вместо их исследования. Ситуацию с исследованием стиля и методов работы городских, районных парторганизаций и комитетов усугубляет чрезвычайно редкое обращение профессиональных журналистов к проблемам такого масштаба. Из штатных сотрудников белорусских областных газет системно разрабатывают тему деятельности горкомов и райкомов КПБ лишь журналисты «Магілёўскай праўды». Их участие способствует усилению аналитических тенденций публикаций, разнообразит жанрово-стилистическую палитру, что влечет за собой усиление эффективности влияния газеты на стиль и методы работы партийных комитетов⁷.

Есть отдельные достижения в разработке темы качественного роста парторганизаций и у других областных газет Белоруссии. Так, высоким научным уровнем выделяются публикации брестской «Зари». Для «Гомельской праўды» характерно стремление к системному разговору с читателем, чему способствовал цикл материалов под рубрикой «Партийная жизнь: новое пополнение», открытой после XXVI съезда КПСС. «Гродненская правда» всесторонне раскрывает диалектику взаимоотношений поколений коммунистов в процессе омоложения партийных рядов. В творческой практике «Мінскай праўды» плодотворен подход к проблемам укрепления состава коммунистов с позиции первичной парторганизации — организационной основы КПСС. Но одновременно существуют и серьезные недостатки, снижающие эффективность, нарушающие комплексность воздействия газет на качественную сферу формирования партийных сил. Эпизодически, бессистемно освещается важнейшее направление внутрипартийной деятельности «Віцебскім рабочым». «Гродненская правда» упустила из поля зрения вопросы совершенствования социального, «Гомельская праўда» — возрастного составов, «Заря» — образовательного уровня парторганизаций.

Развивать творческие достижения в соответствии с изменениями в содержании и специфике внутрипартийных отношений, устранять как общие, так и присущие отдельным изданиям недостатки, значило бы для областных газет Белоруссии подниматься в разработке темы до высокого уровня воздействия на качественный рост рядов КПСС.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 68.

² См.: Гродненская правда, 1981, 1 июля.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 99.

⁴ См.: Бобков В. А. Качественный рост партии и организация партийных сил.— Минск, 1977, с. 40, 50—52.

⁵ Егоров А. Коммунистическая партия в условиях развитого социализма.— Коммунист, 1976, № 15, с. 62.

⁶ См.: Заря, 1978, 23 марта.

⁷ См.: Звезда, 1982, 28 липня.

А. Ф. МЯСНИКОВ

ВОБРАЗ ПЕРАДАВІКА САЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ ВІТВОРЧАСЦІ НА СТАРОНКАХ РЭСПУБЛІКАНСКІХ ГАЗЕТ

Рабочы чалавек сёння не той, якім быў ён дваццаць ці нават пятнаццаць гадоў назад. Глыбіня ведаў і шырыня кругагляду, высокая свядомасць і творчы падыход да працы — вось што ў першую чаргу вызначаюць цяпер ткачыху і сельскага механізатара, будаўніка і жывёлавода, прадстаўніка любой іншай прафесіі. І пісаць пра яго — значыць імкнуцца ў абавязковым парадку паказаць дыялектычнае адзінства гэтых якасцей, іх канцэнтраванае выражэнне. Журналіст-нарысіст у наш час — сапраўдны даследчык характару, спраў, руху думак і пачуццяў свайго героя. Але ці заўсёды ўдаецца гэта? Звернемся да канкрэтных публикацый рэспубліканскіх газет.

«Перадавік спаборніцтва... Які ён? Людзей цікавіць не толькі перадавы вопыт, але і маральнае аблічча, характар перадавіка, яго погляды, адносіны да жыцця наогул — бо ў канчатковым выніку менавіта гэтыя рысы складаюць аснову ўсялякага працоўнага подзвігу...» Гэтыя словы — урэзка да нарыса журналісткі І. Міцкевіч «Ёсць у жыцці галоўныя сло-

вы»¹. Выразна і ўмела, з веданнем справы падае І. Міцкевіч чытачу сацыяльны партрэт героя. Удала выкарыстоўвае яна мову і манеру Яна Місюка. Здаецца на першы погляд, нібыта думкі і меркаванні героя супадаюць з пазіцыямі журналісткі. Але гэта знешняе супадзенне. Хутчэй за ўсё, гэта рэдкае ўменне І. Міцкевіч падпарадкаваць сябе, свае пачуцці меркаванням Місюка для таго, каб выразней і паўней паказаць яго чытачам, каб заклікаць іх раўняцца ў жыцці, у штодзённых справах на Яна Феліксавіча — лаўрэата Дзяржаўнай прэміі СССР, кавалера ордэна Леніна. Ён — хлебароб будучыні, заўтрашняга дня. «Лічы, усе яго акадэміі — родныя палі, — піша аўтар. — А які высокі ўзровень свядомасці, шырыня кругазору, усведамленне адказнасці. Глыбокая ўнутраная інтэлігентнасць праглядаецца ў ім, як толькі размова заходзіць аб хлебаробскай справе. Яго справе. Тут ён сапраўдны акадэмік. І якія машыны лепшыя, і на якім полі што зручней сеяць-вырошчваць, і дзе што пішучь новенькае па аграгэхніцы... Куды падзелася яго ўяўная праставацасць! Мова стала выразнай, упэўненай, жэсты сабранымі, тэрміналогія — інжынера».

Звычайна аўтараў нарысаў і замалёвак папракаюць за злоўжыванне лічбамі і фактамі з біяграфій герояў. І. Міцкевіч удала пазбягае гэтага недахопу. Яна прыводзіць толькі асобныя звесткі з біяграфіі Місюка — не ўсё запар, а толькі тыя, што сталі этапнымі ў яго жыцці.

Негаропка, але вельмі ўпэўнена вядзе свайго героя па жыццёвай дарозе і журналіст А. Кучынскі ў параўнальна невялікай замалёўцы «Сакрэты майстэрства»². Чытаеш яе, і выразна бачыш тыя вялікія сацыяльныя змены, якія адбыліся ў апошні час ва ўсім укладзе жыцця чалавека-працаўніка.

М. О. Іваноўскі — апаратчык Лідскага лакафарбавага завода. Звыш дзесяці гадоў ён працуе тут. Работа, на першы погляд, простая, аднастайная. Але, справядліва заўважае аўтар, сучасная хімічная вытворчасць не перціць лёгкіх, бяздумных адносін рабочага да сваёй справы. Ад яго патрабуюцца глыбокія веды, дакладны разлік, гранічная акуратнасць. Усім гэтым у дасканаласці валодае М. Іваноўскі. Адсюль і высокія паказчыкі ў працы. За дзесятую пяцігодку Мікалай Осіпавіч выканаў дзесяць гадавых заданняў. Цяпер на прадпрыемстве працуюць 145 чалавек, якія па прыкладу перадавіка перайшлі на ўшчыльнены рэжым работы.

Не расказвае, а вобразна паказвае журналіст, як пад уздзеяннем сацыялістычнага спаборніцтва ў характары чалавека, ва ўсім калектыве адбываюцца вялікія змены. А вось як заканчвае аўтар сваю замалёўку: «Калі ў Лідзе праходзіў злёт ударнікаў камуністычнай працы, Мікалаю Осіпавічу даверылі несці сцяг горада. З таго дня прайшло ўжо нямаля часу, а пачуццё ў яго такое, быццам гэты сцяг і цяпер у яго руках. Таму і крочыць ён ад адной вышыні да другой».

Развагі і параўнанні, назіранні і аналітычныя вывады ў нарысах і замалёўках пра перадавікоў і наватараў вытворчасці сёння на старонках рэспубліканскіх газет не навінка. Наадварот, без іх героі атрымліваюцца аднатыпныя, невыразныя, як кажуць, сумныя. Незадоўга да пачатку работы XXVI з'езда КПСС удало, на нашу думку, рубрыку адкрыла газета «Советская Белоруссия» — «З партыйным білетам ля сэрца». Няма ла цікавых публікацый убачылі свет на старонках выдання. Але не абыйшлося і без такіх, у якіх сустракаліся накладкі, няўдалыя параўнанні, а часам наогул адсутнічала актыўная аўтарская пазіцыя, без якой цяпер газетныя выступленні наўрад ці б'юць у цэль.

На Брэсцкім электрамеханічным заводзе імя XXV з'езда КПСС Уладзімір Іванавіч Філіпенкаў чалавек знакаміты. Ардэнаносец, дэлегат XXIX з'езда Кампартыі Беларусі, ён заўсёды сярод тых, каго ставяць ў прыклад іншым, на каго трымаюць раўненне таварышы па працы. Яшчэ ў канцы дзевятай пяцігодкі, калі на прадпрыемстве толькі пачынаўся пераход на вазуўскую сістэму арганізацыі і аплаты працы, Уладзімір Іванавіч узначаліў адну з першых брыгад. Аказанае яму давер'е камуніст Філіпенкаў апраўдаў з гонарам.

Такім чынам, кандыдатуру для нарыса рэдакцыя «Советской Белоруссии» знайшла ўдалую. Перад аўтарам паўставаў вялікі выбар фактаў і эпізодаў, буйных і дробных штрыхоў з жыцця і працоўнай дзейнасці самога брыгадзіра і яго падначаленых. Але нарыс «Шлях да прызнання»³ так і не высвеціў чытачу гаспадарліваць героя, яго прафесіянальную актыўнасць, нецярпімасць да недахопаў, перажыткаў мінулага.

Уменне даць правільную, адпаведную сітуацыі ацэнку, расфарбоўку фактам і з'явам вельмі неабходна пры рабоце над нарысам ці замалёўкай пра чалавека працы. «Думка даламагае ацаніць, разважыць, правесці аналіз і сінтэз, а пачуцці асвятляюць усё навакольнае глыбокай чалавечнасцю, страсцю, усхваляванасцю, душэўным парывам, — падкрэсліваў вядомы даследчык беларускай журналістыкі доктар філалагічных навук прафесар Б. В. Стральцоў. — Галоўны сакрэт творчасці нарысіста і заключаецца ў здольнасці з'яднаць думкі і пачуцці ў адно цэлае, пераплавіць іх у аднародны сплаў»⁴. Нарысу ж «Шлях да прызнання» якраз і не стае гэтага з'яднання, аднароднасці.

У нашай краіне кожны чалавек, як кажуць, на відавоку. Да перадавікоў жа і наватараў сацыялістычнай вытворчасці ўвага асаблівая, падвояная. Праўда, дзе-нідзе празмерная апека прыводзіць да стварэння для лепшых працаўнікоў цяплічных умоў работы. Бясспрэчна адно: акрамя шкоды — і ў першую чаргу маральных выдаткаў — гэта нічога не прыносіць. Нараджаюцца скаргі, незадаволенасць людзей, тых шчырых і сумленных калег «перадавіка», якія пастаянна знаходзяцца побач з ім, бачаць і разумеюць гэтыя перагібы. Шкада, што ніводная з рэспубліканскіх газет ні разу не выступіла з артыкулам, прысвечаным гэтым праблемам рэчаіснасці. Правільнасць ацэнак і крытэрыяў, аб'ектыўны падыход да распрацоўкі ўмоў саборніцтва і вызначэння пераможцаў яго у штодзённым жыцці вытворчых калектываў — гэта павінна быць на першым плане. І без пільнай увагі журналістаў тут, вядома ж, не абыйсцця.

Усхваляванасць тону, удала знойдзеныя супастаўленні яшчэ не заўсёды ўласцівы публікацыям пра людзей працы, якія змяшчаюцца на старонках рэспубліканскіх газет. У «Звяздзе», напрыклад, тэхніка і тэхналагічныя працэсы, апісанья надзвычай падрабязна і занадта спецыфічнымі тэрмінамі, яшчэ вельмі часта засланяюць чалавека — галоўную дзеючую асобу нашага часу. На старонках жа «Советской Белоруссии» не-не ды і сустрэнеш белетрызаванне, апісальніцтва, біяграфічнасць.

Штодзённа «бачыць» радавога працаўніка з яго неспакойным і шчырым сэрцам, залатымі рукамі, безумоўна, няпроста. Аднак — неабходна. Асабліва складана рабіць гэта цяпер, калі ў наша жыццё і рэчаіснасць няспынна ўваходзіць навукова-тэхнічны прагрэс; навінкі навукі і перадавой практыкі ўсё больш і больш аблягчаюць працу чалавека. І тым большая адказнасць, сур'ёзнасць, дасведчанасць патрабуюцца ад журналістаў — летапісцаў гісторыі нашай сучаснасці.

¹ Сельская газета, 1981, 7 июня.

² Звязда. 1980, 23 снежня.

³ Советская Белоруссия, 1981, 25 января.

⁴ Стральцоў Б. В. Дзесятая пяцігодка ў беларускім нарысе. — Мінск, 1980, с. 12.

Педагогіка, псіхалогія

Е. К. НОВИК

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1922—1931)

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала возможность формирования в Белоруссии национальных педагогических кадров высшей квалификации. Начало высшему педагогическому образованию в республике положил педагогический факультет Белорусского государственного университета. Организованный осенью 1922 года, он первоначально функционировал в составе четырех отделений: социально-исторического, литературно-лингвистического, физико-математического и естественного. В 1929 году открылось педолого-педагогическое отделение для подготовки преподавателей педагогических дисциплин и работников органов народного образования, в 1930 году — политико-просветительное отделение для подготовки специалистов учреждений культуры города и деревни. Число студентов на факультете возросло с 780 человек в 1922/1923 до 1160 в 1928/1929 учебном году¹.

Предметом особой заботы администрации и профессорско-преподавательского персонала факультета, его партийной и общественных организаций было определение содержания высшего педагогического образования, улучшение учебно-воспитательного процесса, повышение качества подготовки специалистов. Важную роль в этом играли учебный план и учебные программы факультета, их разработка и дальнейшее совершенствование.

В написанных В. И. Лениным и опубликованных в «Правде» 5 февраля 1921 года «Директивах ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса» указывалось на необходимость разработки и утверждения коллегией и наркомом программ учебных заведений основных типов, а затем курсов, лекций, чтений, собеседований, практических занятий². Выполняя ленинские указания, НКП РСФСР сделал попытку внести некоторое единообразие в учебную работу педвузов. В феврале 1922 года научно-педагогическая секция Государственного ученого совета утвердила и разослала на места примерный учебный план пединститутов и педфаков университетов. В примечании к плану говорилось о том, что он может быть использован как основа для разработки учебных планов в зависимости от местных условий и наличия преподавателей³. На деле это усилило пестроту учебных планов педвузов.

На основе примерного учебного плана ГУСа был разработан учебный план педфака Белгосуниверситета на 1922/1923 академический год. Для студентов первого и второго курсов всех отделений читались генетическая социология, исторический материализм, история социализма, логика и методология наук, история мировоззрений, психология, педагогика и белорусский язык. Кроме того, студенты всех отделений были обязаны изучать один из иностранных языков: английский, французский, немецкий. Изучение латинского языка было обязательным только для историков и линг-

вистов. Польский и греческий языки изучались факультативно⁴. В учебном плане педфака хорошо были представлены общественно-политические, специальные и педагогические дисциплины. Вместе с тем перечень некоторых учебных предметов в значительной мере определялся не потребностями подготовки высококвалифицированных учительских кадров, а научными интересами сотрудников факультета, наличием соответствующих специалистов.

В связи с новыми программами для школ первой и второй ступени в 1923 году был поставлен вопрос о реорганизации педагогических учебных заведений с целью приближения их к школе, к жизни, к политико-просветительной работе. В конце года на основе постановления НКП БССР при Главпрофобре была создана специальная комиссия для разработки учебных планов и программ педагогических учебных заведений. В состав этой комиссии вошли профессор В. И. Пичета, Н. М. Никольский, С. Я. Вольфсон, С. З. Каценбоген, Д. А. Жаринов, И. И. Замотин, И. С. Пятосин, а также представители ЦБ КП(б)Б, Главсоцвоса, профсоюза работников просвещения и студенчества. Первое заседание комиссии состоялось 27 февраля 1924 года. В материалах комиссии подчеркивалось, что выпускники педагогического факультета Белгосунiversитета должны иметь достаточную марксистскую подготовку, широкое научное образование, целостное материалистическое мировоззрение, владеть методом диалектического материализма и уметь практически применять его в общественной жизни⁵. Научно-методологический комитет, созданный при Наркомпросе БССР 17 апреля 1924 года, утвердил представленный комиссией новый учебный план педагогического факультета. Этим учебным планом большое внимание уделялось изучению исторического материализма, который становился теперь обязательным предметом не только для студентов первого, но и второго курсов. Для студентов второго курса вводились основы ленинизма, а для студентов четвертого курса — научная организация труда. Значительно больше внимания уделялось изучению педагогических дисциплин. Студенты всех отделений должны были прослушать курс родного языка, а также курс истории белорусской литературы⁶. Достоинством учебного плана 1924 года было усиление внимания к социально-экономическим и педагогическим дисциплинам, к проблемам научной организации труда, к вопросам истории и культуры белорусского народа.

Внедрявшийся в это время Наркомпросом БССР в практику учебно-воспитательной работы бригадно-лабораторный метод встречал довольно настороженное отношение со стороны руководства и профессорско-преподавательского состава Белгосунiversитета. Так, в отчете за 1924/1925 учебный год отмечалось, что преобладающими формами организации учебных занятий в университете, в том числе и на педагогическом факультете, оставались лекции, семинарские занятия. И лишь частично применялся бригадно-лабораторный метод преподавания⁷. До 1923 года педагогическая практика была обязательной только для студентов четвертого курса. Затем предпринимались некоторые попытки проводить педагогическую практику со второго курса. Что касается производственной практики, то никаких конкретных указаний, как и где ее проводить, педвузы не имели, связи с предприятиями только нащупывались, и, чаще всего, такая практика выражалась в проведении общественно полезной работы преподавателями и студентами. К концу восстановительного периода в связи с внедрением в практику школьной работы бригадно-лабораторного метода студентам педвузов стали поручать самостоятельное изучение школ, детских садов, культурно-просветительных учреждений. Это, несомненно, оживляло педпрактику, приобщало студентов к жизни. Вместе с тем одностороннее увлечение заданиями и вопросниками превращало студента не столько в исследователя, сколько в обследователя, превращало исследование в простой подбор ответов на вопросы анкеты, без анализа фактов, цифр, явлений⁸. В связи с этим в последующие годы студентам стали давать такие задания, которые требовали не только изучения педагогической среды, но и ее изменения, улучшения.

Дальнейшее совершенствование учебно-воспитательного процесса предусматривали постановления ЦК ВКП(б) «О подготовке преподавателей для педагогических учебных заведений» (1927), «О подготовке преподавателей в педвузах и педтехникумах и переподготовке учителей» (1929)⁹, а также решения июльского (1928) Пленума ЦК ВКП(б) «Об улучшении подготовки новых специалистов» и ноябрьского (1929) Пленума ЦК ВКП(б) «О кад-

рах народного хозяйства»¹⁰. В соответствии с этими решениями перестраивались учебные планы и программы, устранялась многопредметность преподавания на педагогическом факультете. Новым учебным планом 1929/1930 учебного года на педфаке предусматривались промышленная, агрономическая и школьная практика, которая занимала до 30 % учебного времени. На некоторых отделениях факультета были введены производственные дисциплины. Так, на физико-математическом отделении студенты изучали техническое черчение, теплотехнику, электротехнику, машиностроение, радиотехнику и технологию металлов. На каждую из этих дисциплин отводилось по 60 часов¹¹. Введение производственных дисциплин и производственной практики студентов способствовало улучшению профессионально-педагогической подготовки будущих учителей для осуществления ими политехнического обучения в общеобразовательной школе. Отсутствие же научно обоснованной системы в этой работе, недостаток технически оснащенных баз производственной практики, одностороннее понимание сущности политехнизации школы привели к сокращению числа часов на общетеоретические и педагогические дисциплины, к организации такой практики, при которой студенты были вынуждены выполнять производственные операции, не имевшие прямого отношения к учебному процессу и их будущей специальности. Решительные меры Коммунистической партии и Советского правительства позволили в последующие годы ликвидировать эти недостатки и повысить научно-теоретический уровень подготовки педагогических кадров.

Много внимания уделялось развертыванию политико-воспитательной работы на факультете. Решающая роль в воспитании коммунистической идейной убежденности отводилась учебным предметам и прежде всего дисциплинам общественно-политического цикла. На факультете работали ленинские кружки и кружки политграмоты, студенты вовлекались в проведение массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения, что способствовало усилению связи обучения с практикой социалистического строительства, внедрению коммунистической идеологии в студенческую среду. В 1925 году состоялся первый выпуск студентов педагогического факультета. Его окончил 110 человек, из них 68 — социально-историческое отделение, 29 — литературно-лингвистическое и 13 человек — естественное отделение¹². Всего педагогический факультет Белгос-университета подготовил около 1700 учителей высшей квалификации¹³. В соответствии с решением СНК БССР от 7 июля 1931 года¹⁴ на базе социально-исторического, литературно-лингвистического и педолого-педагогического отделений факультета был создан самостоятельный Высший педагогический институт (ныне Минский пединститут имени А. М. Горького). Физико-математическое и естественное отделения остались в составе Белорусского государственного университета.

¹ См.: Минский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А. М. Горького (1922—1972).— Минск, 1974, с. 20.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 320.

³ См.: Васильев К. И. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1918—1932 гг.).— Воронеж, 1966, с. 65.

⁴ См.: Белорусский государственный университет в 1922/23 учебном году.— Минск, 1923, с. 17—19.

⁵ ЦДАОР БССР, ф. 42, оп. 1, д. 1198, л. 18; ф. 205, оп. 1, д. 802, л. 24.

⁶ См.: Белорусская Советская Социалистическая Республика: Отчет правительства VII Всебелорусскому съезду Советов.— Минск, 1925, с. 280.

⁷ ЦДАОР БССР, ф. 205, оп. 1, д. 178, л. 24; д. 179, л. 60.

⁸ См.: Васильев К. И. Указ. работа, с. 77—80.

⁹ См.: КИСС о культуре, просвещении и науке: Сб. документов.— М., 1963, с. 338—339, 340—341.

¹⁰ См.: КИСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1970, т. 4, с. 114—115, 336—337.

¹¹ См.: Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина.— Минск, 1962, с. 26—27.

¹² См.: Шапава Л. М. Першы выпуск. Педфак БДУ.— Чырвоны сцяг, 1925, № 5—6.

¹³ Минский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А. М. Горького (1922—1972), с. 30.

¹⁴ СЗ БССР, 1931, № 32, пост. 215.

О ДВУХ ТИПАХ ВНУШАЕМОСТИ

Внушение, являясь элементом общения, выступает как способ взаимовлияния людей в определенной общности, группе. Характерная особенность внушения — влияние на психику и поведение человека незаметно для него самого. «Бесконтрольно проникнув в психику человека, — пишет И. Е. Шварц, — внушение реализуется в виде поступков, стремлений, мотивов и установок»¹. Практически невозможно назвать иное психологическое явление, имеющее столь широкое распространение в обществе, как внушение. Тем не менее, в советской психологии интенсивное его исследование с позиций современного уровня знания после 30-летнего перерыва началось лишь 10 — 15 лет назад.

Внушение предполагает внушаемость. И если в сфере изучения феномена внушения работает целый ряд известных психологов, то изучением явлений внушаемости занимается очень мало ученых².

Особенно удручающая картина сложилась с методиками определения степени внушаемости. В арсенале психологов и сегодня доминируют методики, ничем принципиально не отличающиеся от описанных еще в 1913 году Г. М. Уипплом³. Не останавливаясь детально на анализе этих методик, отметим лишь, что принцип их действия построен в основном на создании провоцирующей испытуемого ситуации: будь то навязывание внушаемому мнения о длине отрезков; поиск мнимых запахов в пробирках; припоминание предметов, якобы изображенных на картинках; написание слов, практически навязанных испытуемому внушающим; использование так называемых «детерминирующих тенденций», представляющих не что иное, как фиксированную установку и т. п.⁴ В общем, задается определенный вид деятельности и экспериментатор пытается сбить испытуемого с правильного пути. Если внушаемый не поддается воздействию внушающего, то он плохо внушаем, в противном же случае — легко внушаем.

Нам кажется важным подчеркнуть, что при помощи этого рода методик проверяется именно предрасположенность субъекта к провоцированию, и рассчитаны они на понижение самооценки и ряда других параметров личности, а это все в комплексе и представляет предрасположенность к «негативному внушению», т. е. к внушению, имеющему своей целью провоцирование личности, создание у нее состояния неуверенности в своих силах. Безусловно, устойчивость личности к провоцированию — это очень важный показатель внушаемости. Но нам кажется справедливым вопрос — отражают ли данные методики степень внушаемости в целом? Ведь в свете изложенного можно внушаемость проверять и другим методом, а именно: задав испытуемому какой-либо вид деятельности, экспериментатор внушает ему уверенность в своих силах, повышает его эмоциональный тонус, повышает самооценку испытуемого до оптимального уровня и затем проверяет эффективность выполненного задания. Сравнив его с показателем, полученным до внушения, мы и получим разницу (это многократно подтверждено) между двумя показателями — до и после внушения, что тоже будет характеризовать степень внушаемости субъекта. Но внушаемости какой? «Позитивной», т. е. предрасположенности к действию внушения, имеющего своей целью активизацию деятельности личности за счет мобилизации ее внутренних ресурсов с целью раскрепощения личности от тормозящих ее состояний. Можно ли говорить о тождественности «позитивной» и «негативной» внушаемости? На наш взгляд — ни в коей мере. Об этом же говорят и данные наших экспериментов. Казалось бы, факт нетождественности «позитивной» и «негативной» внушаемости очевиден, но в литературе он пока не получил освещения.

Для подтверждения выдвинутого тезиса мы разработали собственную методику, позволяющую определять как степень «позитивной», так и степень «негативной» внушаемости. Наша методика предусматривает регистрацию количественных параметров степени внушаемости испытуемых и ранжирование с помощью их на соответствующие типы (гиперсуггестивный, суггестивный и гипосуггестивный) как для «позитивной», так и для «негативной» внушаемости. Исходный принцип нашей методики взят из рефлексологического метода определения степени внушаемости, созданного А. Р. Лурья⁵. Этот метод выдержал проверку временем и на сегодняшний день является по существу единственным, позволяющим измерить степень

вербализованного внушения и выразить ее в довольно точных количественных показателях. Методика основана на использовании измерителя последовательных реакций (ИПР-01), с помощью которого можно измерить временные характеристики второсигнальных реакций типа С-С (словесная реакция на словесный раздражитель). Целью исследования явилось изменение степени влияния «позитивного» и «негативного» внушения на мыслительную деятельность. В качестве простейшего вида мыслительной активности нами были взяты операции с таблицей умножения, которые у большинства взрослых людей закреплены в форме устойчивого динамического стереотипа и не представляют особой сложности.

Перед началом эксперимента испытуемому предлагалось припомнить таблицу умножения с целью оживления ее в памяти. Затем испытуемый удобно усаживался в кресло и держал перед губами микрофон, подключенный к гнезду входа датчика реакций «Слово» прибора. Далее экспериментатор ставил испытуемому конкретную задачу: ответить правильно и как можно быстрее на предлагаемый вопрос из таблицы умножения. Вопрос произносился экспериментатором также в микрофон, подключенный к гнезду «Сигнал экспериментатора» — «Слово» ИПР. Переключатель «Род работы» ставился в положение «Лат. период, интервал 2», Тумблер «Н-К» ставился в положение «К». После произнесения вопроса экспериментатором автоматически включался счетчик времени, при этом тумблер «Н-К» ставился в положение «Н». Сразу же после начала ответа испытуемого отсчет времени прекращался. Таким образом фиксировалась длительность мыслительной деятельности испытуемого по припоминанию таблицы умножения. По указанной выше методике у испытуемого снималось 20—25 срезов (каждый раз испытуемым производилось действие по таблице умножения). Время мыслительных операций фиксировалось в протоколе. В нем же регистрировались все впечатления, возникающие у испытуемого по ходу первого этапа эксперимента.

На втором этапе эксперимента, который начинался через 5—10 минут после первого, экспериментатор внушал испытуемому состояние усталости, расслабленности, закрепощенности, сонливости, неуверенности в своих силах. Внушение проводилось в течение 5—10 минут при помощи традиционных формул. По окончании внушения с испытуемым повторно проводился эксперимент по схеме первого этапа. Последовательность предъявления заданий при этом полностью повторяла последовательность их предъявления на первом этапе исследования. Время мыслительных операций фиксировалось в протоколе — в графе, расположенной рядом с графой показателей первого контрольного этапа. При этом тщательно регистрировались впечатления и замечания испытуемого, возникшие под влиянием «негативного» внушения. После 3—5 срезов «негативное внушение» каждый раз повторялось с целью подкрепления внушающего воздействия. По окончании второго этапа эксперимента испытуемому предлагалось ответить на вопросы опросника Кэттелла. Затем ему предоставлялся отдых в течение 10 минут.

На третьем этапе экспериментатор стимулировал испытуемого к тем же операциям умножения, которые предлагались ему на первом и втором этапах. Затем внушаемому в течение 5—10 минут внушалось состояние бодрости, раскрепощенности, уверенности в своих силах при помощи традиционных формул внушения. По окончании внушения проводился эксперимент по схеме предыдущих двух его этапов. Задания предъявлялись строго в той же последовательности. Время ответов и впечатления испытуемых, вызванные «позитивным внушением», фиксировались в протоколе. После 3—5 срезов внушение всякий раз подкреплялось, сопровождаясь похвалой в случае удачной попытки. После завершения основной части эксперимента испытуемые подвергались традиционным пробам на внушаемость.

При обработке данных эксперимента с целью избавления от некоторых побочных эффектов для полученного ряда цифровых значений вычислялась медиана (среднее арифметическое). Показатели, появившиеся вследствие отвлечения внимания, в расчет не принимались (они всегда заметно отличались от показателей правильно проведенного опыта).

Степень внушаемости определялась по следующей формуле:

$$B = \frac{(B_k - B_n) \cdot 100}{B_k},$$

где V — степень внушаемости в %; V_k — средняя скорость репродуктивных процессов на контрольном этапе эксперимента в тысячных долях секунды; V_v — средняя скорость репродуктивных процессов под влиянием дифференцированного внушения. Для интерпретации количественных показателей, полученных при помощи данной методики, нами была разработана шкала рангов внушаемости (как для «позитивной», так и для «негативной» внушаемости) сообразно широкоизвестному делению ее на гиперсуггестивный, суггестивный и гипосуггестивный типы. Мы не выделяем асуггестивного (не внушаемого) типа, так как, по нашему твердому убеждению, лиц, совершенно не внушаемых, практически не существует (имеются в виду люди со здоровой психикой).

Для «позитивной внушаемости» предлагается следующая шкала: лица, показатели деятельности которых под влиянием «позитивного внушения» повышаются до 5 %, относятся к гипопозсуггестивным (трудно позитивно внушаемым), от 5 до 10 % — к позсуггестивным (средне позитивно внушаемым), свыше 10 % — к гиперпозсуггестивным (легко позитивно внушаемым). Для «негативной внушаемости» лица, показатели деятельности которых под влиянием «негативного внушения» понижаются до 5 %, относятся к гипонегсуггестивным (трудно негативно внушаемым), от 5 до 10 % — к негсуггестивным (средне негативно внушаемым), свыше 10 — к гипернегсуггестивным (легко негативно внушаемым). Мы считаем необходимым введение новой терминологии для обозначения различных типов внушаемости с целью подчеркивания качественной неадекватности сторон внушаемости, определяемых «позитивным» и «негативным» внушением.

Предлагаемая нами методика носит универсальный характер, ибо позволяет определить количественные показатели обоих видов внушаемости. При необходимости же исследования определенного вида внушения исследователь может воспользоваться той частью методики, которая соответствует его целям. С помощью этой методики под руководством доцента Р. И. Водейко нами проведено экспериментальное исследование «позитивной» и «негативной» внушаемости. В обследовании приняло участие более 300 человек младшего школьного, подросткового и юношеского возраста, студенты и аспиранты Белгосуниверситета имени В. И. Ленина. Данные экспериментов подтвердили верность обоснованного нами тезиса о нетождественности «позитивной» и «негативной» внушаемости. Весьма наглядно проявилась следующая закономерность: чем выше «позитивная» внушаемость, тем ниже внушаемость «негативная». Так, если у испытуемого А. В. показатель «негативной внушаемости» был равен — 12,8 %, то показатель «позитивной внушаемости» составил только 4, у испытуемого В. В. соответственно — 13,9 и 1,4 %, а у испытуемого С. В. показатель «негативной внушаемости» составил — 4, а «позитивной» 16 %.

Сравнительный анализ данных, полученных при помощи нашей методики определения степени «негативной» внушаемости, и данных традиционных методик, примененных к одним и тем же испытуемым, показал тождественность полученных с их помощью результатов, что объясняется, по-видимому, общностью конечной задачи — провоцирования личности и проверки ее устойчивости к этому провоцированию. Изучение же при помощи данного раздела нашей методики возрастной динамики внушаемости подтвердило закономерности, описанные В. А. Бакеевым⁶ и другими авторами, что также подтверждает верность нашего подхода.

Особое внимание в нашем исследовании уделялось изучению явления «позитивной внушаемости» — явления, которое до этого времени в научной литературе не упоминалось. В экспериментах по исследованию особенностей «позитивной внушаемости» приняло участие более 100 человек, которые наряду с пробами на внушаемость обследовались также и с помощью тестов Кэттелла. Анализ полученных результатов показал строгую прямую связь уровня интеллекта с «позитивной внушаемостью» и, наоборот, строгую обратную связь уровня интеллекта с «негативной внушаемостью». Для лиц высоко позитивно внушаемых характерен также высокий уровень объективной самооценки, независимость от негативного влияния группы, высокий уровень творческого потенциала. Данные, полученные нами в экспериментах, позволяют более аргументированно подойти к проблеме вычленения в механизме внушаемости двух его образующих — «позитивной» и «негативной», что наряду с предположением о позитивной и негативной установках как механизмах их функционирования, представляет платформу для дальнейшего развития исследований в этом направлении.

Утверждение о позитивной и негативной установках как механизме функционирования дифференцированного внушения имеет под собой объективную основу. Практика показывает, что первые «результативные» слова, обращенные к ребенку, либо что-то запрещают, либо что-то поощряют. Это факт общепризнанный. Практически весь ранний период социализации ребенка проходит под влиянием либо положительной (похвала, ласка, поощрение), либо отрицательной стимуляции (наказание, запрет, игнорирование) поведения. Эта стимуляция осуществляется в данном возрасте только посредством внушения. Неоднократное повторение положительной и отрицательной стимуляции и служит базой для возникновения позитивной и негативной установок, предполагающих определенную предрасположенность психики к реагированию соответствующим образом на положительный или отрицательный стимул, т. е. на «позитивное» или «негативное» внушение.

Итак, «позитивная внушаемость» — это предрасположенность к позитивному саморегулированию деятельности личности под влиянием полусознательных или неосознаваемых окружающих факторов. «Негативная» же внушаемость — это предрасположенность к негативному саморегулированию деятельности личности под влиянием полусознательных или неосознаваемых окружающих факторов. Иначе говоря, «позитивная внушаемость» — это предрасположенность к действию «позитивного внушения», а «негативная внушаемость» — предрасположенность к действию «негативного внушения». Единство этих двух сторон внушаемости не механическое, а диалектическое. В чистом виде ни «позитивная», ни «негативная» внушаемость не существуют и вычленению не подлежат. Мы подчеркиваем именно момент диалектичности этого единства. Можно лишь констатировать относительное преобладание той или иной стороны у определенных людей или их динамическое равновесие. Они вариативны в зависимости от факторов среды, времени, эмоционального состояния и т. д. Но, как показали наши эксперименты, в целом можно проследить предрасположенность к тому или иному типу внушения, выступающую в виде тенденции. И учет этой тенденции, этой склонности психики нам представляется весьма продуктивным в плане реализации поставленных задач. Ведь в зависимости от преобладания той или иной тенденции возможно заблаговременно планировать использование в практических целях наиболее продуктивного для данной личности типа внушения.

¹ Шварц И. Е. Внушение в педагогическом процессе.— Пермь, 1971, с. 6.

² См.: Бакеев В. А. Влияние мнения неорганизованной группы и сложившегося коллектива на проявление внушаемости личности.— Вопросы психологии, 1971, №4.

³ См.: Уиппл Г. М. Руководство к исследованию физической и психической деятельности детей школьного возраста.— М., 1913, задания 41—45.

⁴ См.: там же, задания 41—45; Шварц И. Е. Внушение в педагогическом процессе, с. 114—115; Бакеев В. А. Влияние мнения неорганизованной группы... с. 91—93.

⁵ См.: Турья А. Р. Рефлексологический метод в исследовании внушаемости.— Вопросы психофизиологии, рефлексологии и гигиены труда, сб. № 1. Казань, 1923, с. 43.

⁶ Бакеев В. А. Влияние мнения неорганизованной группы... с. 93—94.

Р. И. ВОДЕЙКО, Р. Н. ВАЛИЕВА

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ УМСТВЕННОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Значительный интерес современная психология проявляет к проблеме восприятия времени. Эта проблема актуальна в связи с решением многих задач, связанных с различными направлениями деятельности, включая и деятельность космонавта. Именно сейчас, когда наука стала непосредственной производительной силой, на повестку дня встал вопрос о возможности регулировать восприятие времени людьми.

Восприятие времени включается в качестве важного компонента в различные производственные процессы, продуктивность которых в значительной степени зависит от правильного отражения длительности, последовательности, быстроты действующих раздражителей. Отсроченные во времени реакции, ведущие к снижению производительности труда, можно наблюдать у представителей самых разнообразных специальностей: в машиностроении — это разнообразные виды станочных специальностей, в ме-

таллургии — горновые, сталевары, вагранщики, в текстильной промышленности — ткачихи, прядильщицы, в химии — аппаратчики... Причем, «овладение временной структурой производственной операции является своеобразным «индикатором» высокой квалификации рабочего»¹.

Тенденция к механизации и автоматизации производства приводит к увеличению так называемых «наблюдательских профессий». Возрастает значение контроля за автоматически действующими механизмами. Длительное сохранение готовности к своевременному реагированию, требующее постоянного напряжения зрительного и слухового анализаторов, нередко приводит к их утомлению. Об этом свидетельствуют факты «рассеянности» электромонтеров, дежурных у распределительных щитов, наблюдающих за показаниями нескольких приборов. «Вследствие своеобразной негативной адаптации дежурный хотя и смотрит на щит, но не всегда замечает изменение в положении стрелок»².

Но и в тех случаях, когда необходимо придать работе равномерный характер и уменьшить естественные колебания рабочего темпа и ритма, чувство времени играет не меньшую роль. Даже у вполне квалифицированного работника в самом начале дня процесс работы характеризуется некоторой неслаженностью, неритмичностью, меньшей производительностью. Для достижения максимальной производительности необходим так называемый «период вработывания». Отсюда и возникает проблема сведения этого «периода вработывания» к минимуму.

В докладе А. К. Перфильева на V Всесоюзном съезде психологов содержатся экспериментальные данные об эффективности работы оператора при одновременном предъявлении по зрительному и слуховому каналам взаимно дополняющей информации. При этом время идентификации сложных акустических сигналов сокращается в три раза при увеличении точности идентификации на 13,3 %³.

Замечено, что процесс интеллектуальной работы протекает более эффективно при воздействии разнообразных слабых раздражителей, чем при абсолютной, мертвой тишине. Некоторые дополнительные раздражители, нарушающие монотонность, повышают общий тонус организма. Не слишком сильные дополнительные раздражители усиливают основные. Таким раздражителем может быть музыка. Влияние музыки испытывается и ощущается в той или иной мере каждым в виде стимулирующего, раздражающего или успокаивающего воздействия. Экспериментальное исследование В. Н. Мясичева и А. Л. Готсдинера определило влияние музыки на висцеральные процессы человека (деятельность сердца, дыхание, пульс). Оказалось, что музыка различных стилей (классической и ультрасовременная) вызывает различные реакции органической чувствительности⁴. Музыка оказывает комплексное воздействие на человека. Воздействуя на его эмоции и органическую чувствительность, оказывая в качестве дополнительного раздражителя воздействие на трудовую деятельность, музыка должна влиять и на субъективную оценку человеком времени. Такова наша рабочая гипотеза.

Целью нашего экспериментального исследования было: изучение влияния на восприятие времени умственной и физической работы непрерывного характера (чтения «интересной» и «неинтересной» литературы, работы с динамографом); музыки различных стилей (классической и поп-музыки); музыки в сочетании с различными видами деятельности; влияния музыки на процессы словесной и оперативной оценки времени; влияния эмоций, связанных с определенным видом деятельности и с определенной музыкой, на восприятие времени; влияния предшествующего опыта (занятий музыкой, танцами, спортом), «стратегии поведения» (приемов отсчета времени); типологических особенностей личности на восприятие времени (проверка гипотезы Эренвальда о существовании различных типов восприятия времени). В эксперименте использовались приборы: секундомер, четырехдорожный магнитофон «Комета-203», динамограф. На первой и третьей дорожке магнитофонной пленки была записана классическая музыка, на второй и четвертой — поп-музыка.

Эксперимент состоял из пяти серий. Каждая из них включала два этапа. В первой серии мы определяли субъективную оценку испытуемых: а) «пустого», незаполненного работой интервала времени (первый этап); б) «заполненного» умственной или физической работой интервала времени (второй этап). Во второй и третьей сериях проводилось то же, что и в первой серии, но в сочетании с музыкой различных стилей: классической и

поп-музыкой. Причем, во второй и третьей сериях испытуемые должны были оценивать временные промежутки, когда воздействие музыки прекращалось. В четвертой же и пятой сериях оценка временных промежутков проводилась в момент действия на испытуемых классической и поп-музыки. Четвертая и пятая серии проводились через неделю после первых трех серий в одно и то же время.

Во время эксперимента испытуемые пользовались методом оперативной (воспроизведение) и словесной оценки времени. Перед началом эксперимента давалась установка на восприятие некоторых интервалов времени. Испытуемым в начале каждого этапа демонстрировался эталонный промежуток времени (60 сек), ограниченный щелканьем головки секундомера. Во второй, третьей, четвертой и пятой сериях демонстрация сопровождалась синхронным включением и выключением магнитофона. После демонстрации «эталона» времени испытуемый с помощью секундомера воспроизводил «свой образ» этого интервала, а затем словесно оценивал его. Количество пробных замеров было равно трем. В четвертой и пятой сериях оперативная и словесная оценка времени осуществлялись при включении и выключении магнитофона с одновременным включением и выключением секундомера. Во время эксперимента проводился контроль за субъективной оценкой времени испытуемым (при этом исключалась возможность воспользоваться приборами измерения времени). В конце эксперимента осуществлялся опрос испытуемых с целью выяснения влияния эмоций, приемов отсчета времени, используемых ими («стратегия поведения»), а также предшествующего опыта (занятия музыкой, спортом, танцами) на восприятие времени. В эксперименте приняли участие 40 испытуемых (студенты I—III курсов): 20 девушек и 20 юношей. Возраст испытуемых 18—20 лет. Полученные в результате экспериментов данные были обработаны с помощью методов вариационной статистики.

Результаты экспериментального исследования показали: 1) во всех случаях наблюдается переоценка относительно «пустых» интервалов времени (одна минута у испытуемых субъективно длилась 2—3 минуты); 2) деятельность в целом способствовала более адекватной оценке времени; 3) при оценке интервалов, заполненных умственной работой, наблюдалась тенденция к их словесной недооценке (во всех случаях) и недовоспроизведению (50 %), причем, умственная деятельность, связанная с положительными эмоциями (чтение «интересной» литературы), вызывала большую недооценку (и словесную и оперативную); 4) оценка продолжительности физической работы близка к оценке относительно «пустых» интервалов времени в тех случаях, когда в качестве вспомогательного средства при оценке времени испытуемые использовали мысленный счет или представление движения стрелки по циферблату; 5) музыка вообще, а поп-музыка в особенности ускоряет субъективное переживание времени; 6) поп-музыка значительно уменьшает оценку интервала времени, связанного с выполнением физической работы (сжатие ручки динамографа) и чтением «интересной литературы», в этих случаях у всех испытуемых наблюдалась недооценка; 7) у испытуемых, которые занимались музыкой, танцами, спортом, фотографией, наблюдалась значительная точность в оценке объективного времени (16 чел.). Полученные результаты говорят о том, что музыка (это касается поп-музыки в первую очередь) ускоряет нервные процессы, а следовательно, ускоряет изменение возбужденных участков материи мозга, что влияет на восприятие объективного времени, так как это восприятие зависит не только от объективного времени действия раздражителя, но и от времени действия отражающей его материальной системы—мозга. Различное воздействие на восприятие времени оказывают эмоции (положительные или отрицательные), связанные с чтением «интересной» или «неинтересной» литературы. Время, заполненное отрицательными эмоциями, воспринимается как медленно текущее, а положительными—как текущее быстро. По принципу оценки времени можно выделить три группы испытуемых, соответствующих классификации Эренвальда: 1) недооценивающие объективные промежутки времени—тахихроники (23 человека); 2) переоценивающие объективные промежутки времени—брадихроники (13 человек); 3) испытуемые, достигшие значительной точности в оценке объективных промежутков времени (4 человека)⁵.

Субъективная оценка времени в значительной мере базируется на использовании человеком разнообразных приемов отсчета времени, выработанных в процессе повседневной практики. Опрос испытуемых показал, что

в качестве меры времени используются: 1) счет секунд (на протяжении относительно «пустого» интервала времени и при выполнении физической работы) — 16 испытуемых (40 %); 2) объем выполненной работы (умственной и физической) — 16 испытуемых (40 %); 3) восстанавливаемое в памяти движение стрелок хронометрических приборов, представление о движении секундной стрелки по циферблату часов или секундомера — 4 испытуемых (10 %); 4) музыкальная фраза — 12 испытуемых (30 %); 5) моторный аккомпанемент (покачивание головой, ногой в такт музыке) — 11 испытуемых (27,5 %). Многие из испытуемых оценивали продолжительность времени интуитивно. В этом случае они обычно руководствовались лишь побуждением реагировать определенным образом, сопровождавшим мысль «Время», «Пора», но это побуждение не было логически обоснованным. У них оценка временных интервалов, заполненных выполнением какой-либо деятельности, подчинялась закономерностям восприятия времени, отмеченным выше.

Полученные данные свидетельствуют о том, что человек может использовать в качестве своеобразного времяизмерительного механизма определенные формы обобщения прошлого опыта. Следовательно, оценка объективного времени зависит от уровня активации психических процессов человека. Чем в большей мере в его деятельности будут активно включаться психические процессы самого высокого уровня, тем большая вероятность недооценки объективных промежутков времени. И наоборот, чем меньше психические акты активизируются в процессе деятельности, тем в большей степени переоцениваются человеком объективные временные интервалы. Исходя из данной теории активации, принятой в психофизиологии, можно объяснить характер оценки испытуемыми временных интервалов. Преобладание уровня активации связано с недооценкой временных параметров, преобладание уровня инактивизации — с их переоценкой.

Если взять за критерий отношение испытуемых к музыке, то их можно разделить на три группы: 1) испытуемые, у которых как классическая, так и поп-музыка вызывает положительные эмоции (20 человек), 2) испытуемые, которые отдают предпочтение классической музыке (12 человек), 3) испытуемые, которые отдают предпочтение поп-музыке (8 человек). Замечено, что для испытуемых 2-й группы (30 %) субъективно укорачиваются интервалы, в которых звучит классическая музыка (т. е. в процессе восприятия они недооценивают объективные промежутки времени), а для испытуемых 3-й группы (20 %) наблюдается субъективное сокращение интервалов, в которых звучит поп-музыка. Испытуемые же 1-й группы подчиняются общей закономерности в основном без отклонений, т. е. недооценивают объективное время, заполненное как классической, так и поп-музыкой. Анализ результатов эксперимента показал также, что относительно пустые интервалы (т. е. не заполненные деятельностью) субъективно укорачиваются при воздействии музыки, причем в большей степени — при воздействии поп-музыки. Было замечено, что оценка интервалов, заполненных музыкой (как классической, так и поп-музыкой), достигала большей адекватности, когда она проходила без непосредственного воздействия музыки, т. е. путем оперативного воспроизведения указанного интервала в памяти сразу же после его восприятия. В других случаях, когда оценка времени происходила при воздействии музыки, музыка из субдоминантного раздражителя, вероятно, превращалась в доминантный, и оценка времени становилась менее точной.

Мы нашли, что наибольший уровень значимости (P), т. е. наибольшую достоверность, имеют различия между словесной и оперативной оценками времени у испытуемых, выполняющих физическую работу при действии поп-музыки. Уровень значимости в этом случае был равен 0,001 (0,1 %), т. е. только в 0,1 % случаев в данном выводе возможна ошибка. Относительно высокий уровень значимости ($P=0,2$) был найден при определении различий между оперативной и словесной оценками «пустого» интервала времени, незаполненного музыкой, а также интервала времени, заполненного одновременно физической работой и музыкой в том случае, когда оценка этого интервала производилась при действии классической и поп-музыки. Высокий уровень значимости (0,001) имели различия в оценке «музыкальных» интервалов, с одной стороны, и в оценке относительно «пустого» отрезка времени, с другой: 1) в оценке интервала, не заполненного музыкой, и в оценке интервала времени, в течение которого звучала поп-музыка (оперативная и словесная оценка); 2) в оценке интервала, не

заполненного музыкой, и в оценке интервала времени, на протяжении которого звучала классическая музыка, когда оценка осуществлялась «под музыку» того же характера (словесная оценка); 3) в оценке интервала, не заполненного музыкой, и в оценке времени звучания поп-музыки в том случае, когда оценка осуществлялась «под музыку» данного характера. Такой же уровень значимости (0,001) имели различия, наблюдавшиеся при оценке «пустого» времени и времени чтения «неинтересной литературы» в сочетании с поп-музыкой (словесная оценка), производившейся при действии на испытуемых музыки этого же характера. Уровень значимости 0,001 имели различия между оценкой относительно «пустого» интервала и интервала времени, заполненного чтением «интересной литературы», между оценкой «пустого» интервала и времени выполнения физической работы (без музыки, оперативная и словесная оценка времени), а также между оценкой «пустого» интервала и интервала времени, в течение которого испытуемый выполнял физическую работу под классическую музыку (словесная оценка).

Довольно высокий уровень значимости (0,01) имели различия между оценкой относительно «пустого» интервала и времени выполнения физической работы «под классическую музыку» при оперативной оценке времени, а также между оценкой указанных интервалов в том случае, когда не только физическая работа, но и словесная оценка времени ее выполнения производились в момент воздействия на испытуемого как классической, так и поп-музыки. Этот же уровень значимости имели различия между оценкой «немузыкальных» и «музыкальных» отрезков времени в следующих случаях: 1) при оперативной оценке относительно «пустого» интервала времени (без музыки) и при оценке времени звучания классической музыки; 2) при словесной оценке времени чтения «неинтересной литературы» (без музыки и при звучании классической музыки). Уровень значимости 0,02 имели различия при словесной оценке «пустого» интервала (без музыки) и при оценке времени звучания классической музыки, а также при словесной оценке временного интервала, заполненного чтением «неинтересной литературы» (без музыки) и оценке времени звучания классической музыки, осуществляющейся при действии музыки этого же характера.

Полученные результаты говорят об определенном влиянии музыки на восприятие времени человеком. Высокая значимость отдельных выводов подтверждает правильность данного положения. Следовательно, музыка может быть применена в качестве регулятора восприятия времени, а это значит — она может стать одним из средств повышения производительности труда.

¹ Федоришин Б. А. Овладение временной структурой операции на конвейере.— В сб.: Проблемы восприятия пространства и времени.— Л., 1961, с. 174.

² Геллерштейн С. Г. «Чувство времени» и скорость двигательной реакции.— М., 1958, с. 12.

³ См.: Перфильев А. К. К вопросу о распознавании и идентификации сложных акустических сигналов: Деятельность и психические процессы.— Тез. докл. V Всесоюзного съезда психологов СССР. М., 1977, с. 142—143.

⁴ Мясичев В. Н., Готсдинер А. Л. Влияние музыки на человека по данным электроэнцефалографических и психологических показателей.— Вопросы психологии, 1975, № 1.

⁵ См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии.— М., 1946, с. 266.

Г. В. МАКСЮТА

ВЛИЯНИЕ ОСМЫСЛЕННОСТИ МАТЕРИАЛА НА ОБЪЕМ ОБРАЗНОЙ ПАМЯТИ

Существующая в психологии памяти традиция использовать бессмысленный материал для запоминания в экспериментальных заданиях распространялась в основном на вербальный материал. Исследования памяти, проводимые на бессмысленных слогах, начало которым было положено Г. Эббингаузом и далее было продолжено Т. Болтоном, М. Калкинсом, Д. Лайоном, Э. Мейманом, вскрыли основные закономерности механического заучивания и определили объем несмысловой вербальной памяти¹. Вместе с тем, исследования памяти с использованием невербального «бессмысленного» материала приобретают все большее значение в связи с решением

ряда фундаментальных и прикладных задач психологии и теории обучения. Нами проведено исследование по определению зависимости объема зрительной памяти от сложности бессмыслового материала.

Данные этого исследования показали, что деление материала на невербальный, бессмысленный и вербальный, осмысленный весьма условно, так как невербальный, бессмысленный экспериментальный материал в процессе заучивания и осмысливается, и вербализуется. В результате было отмечено, что с увеличением числа сторон в предъявляемом контуре многим испытуемым становится свойственным видеть в контуре нечто, чаще всего каких-либо животных, иногда фантастических, людей или части тела человека. Данный феномен схож с феноменом, вызываемым чернильными пятнами, используемыми в проективной методике Роршаха по определению типа личности, выявлению внутренних конфликтов и патологии². Однообразие в присваивании названий и свойств многоэлементным контурам, не являющимся изображениями каких-либо известных испытуемым предметов, которое отмечалось в ходе экспериментальной серии, объяснялось, видимо, не столько нивелированностью личностей испытуемых, сколько существованием устойчивой тенденции приписывать бессмысловым контурным изображениям некоторые постоянные свойства, причем существует и обратная операция — по свойствам восстанавливать изображение. Свойства, фиксируемые в языке и обеспечивающие унификацию человеческого восприятия и памяти, существуют совершенно автономно от научных классификаций и зачастую им не соответствуют³.

Факты, отмеченные в проделанной нами работе по определению объема образной памяти в зависимости от сложности бессмыслового стимульного материала, дают возможность поставить, по крайней мере, два вопроса: во-первых, о принципиальной возможности создания бессмыслового, образного экспериментального материала и, во-вторых, о функциональном значении факта семантизации бессмыслового образного материала. В свою очередь, на основе этих вопросов можно сформулировать две гипотезы: первая из них — если невозможно полностью исключить осмысление и вербализацию материала, то, вероятно, возможно работать с материалом различного уровня осмысления и вербализации и, во-вторых, можно предположить, что семантизирование материала позволяет испытуемым включать его в устойчивые смысловые связи, играющие роль универсальных мнемосхем, что способствует увеличению объема памяти. Представляло интерес определить различия в запоминаемости бессмыслового материала и материала, который являлся контурным изображением известных испытуемым объектов. Контурные изображения объектов могли быть обозначены словом и тем самым отнесены к классу. Бессмысловой материал также мог быть обозначен словом, которое, в данном случае, уже не является продуктом аккумуляции свойств объекта, а возникает как результат спонтанной интеллектуальной деятельности индивида. Конкретизация предположений вылилась в вопросы: во-первых, каково различие в объеме памяти на бессмысловом и семантически насыщенном материале и, во-вторых, какова антиэнтропийная временная устойчивость осмысленного материала по сравнению с бессмысловым?

Материал, позволяющий ответить на поставленные вопросы, был получен с помощью методики однократного, с ограниченным временем запоминания, последовательного предъявления восьми контуров, имеющих различное число сторон. Четыре контура являлись изображениями известных испытуемым предметов (молоток, ключ, утюг, паровоз) и четыре контура представляли собой бессмысловые фигуры. Введение контурного изображения, не снижая существенно информативности, по крайней мере, в сравнении с полными изображениями, позволяет использовать достаточно строгий аппарат оценки количества статистической информации в изображении. Если контуры с равным числом сторон можно считать статистически одинаковыми, то контуры, являющиеся изображениями предметов, и бессмысловые контуры следует признать семантически различными при их статистической одинаковости.

Время предъявления было различным для контуров с различным числом сторон и распределилось следующим образом: контуры 5—8 сторон — 25 сек, контуры 11—13 сторон — 45 сек, 17—18 сторон — 60 сек, 40—43 стороны — 110 сек. После запоминания испытуемые делали рисунок и подписывали его, давая ему название в соответствии с тем, что этот рисунок им напоминал, на что, по их мнению, он был похож. Сделав рису-

нок, испытуемые переходили к запоминанию следующего контура. Перед началом серии испытуемые делали «разминку» — пробное запоминание — и рисунок для практического усвоения алгоритма выполнения задания. Спустя 7—12 дней проводилось повторное воспроизведение. Испытуемые делали все восемь рисунков по памяти. Рисунок первого воспроизведения объективировал объем образной кратковременной памяти, рисунок второго воспроизведения — объем образно-моторной, долговременной памяти. В данном случае долговременная память считалась образно-моторной потому, что испытуемые при первом воспроизведении делали рисунок, т. е. вторичный образ, воплощаясь в рисунке, дополнительно закреплялся в памяти еще и как движение.

В эксперименте приняли участие студенты первого курса, 82 человека; было получено 652 рисунка в первом воспроизведении и 438 рисунков во втором воспроизведении. Снижение числа рисунков во втором воспроизведении объясняется тем, что в нем приняло участие испытуемых — 61 человек, т. е. 76 % от числа испытуемых, участвовавших в первой части серии, и 50 рисунков не было сделано вовсе из-за полного разрушения вторичных образов. Изучение материала шло по схеме: определение уровня осмысленности материала, определение различий в объеме кратковременной памяти на смысловой и несмысловой материал, определение различий в объемах кратковременной и долговременной памяти и, наконец, зависимость объема памяти от уровня сохранения названия, данного запоминаемому контуру.

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, насколько изображения, задуманные нами как смысловые, воспринимаются как таковые, был вычислен процент наиболее часто встречающихся названий как показатель того, насколько единодушны испытуемые в даваемых названиях. Кроме процента наиболее часто встречающихся названий были вычислены процент отсутствия названий и процент многообразия названий как показатели, характеризующие спонтанную ассоциативную активность испытуемых, вызываемую восприятием несмысловых контуров. Полученное соотношение составило 84 и 30 % между наиболее часто даваемыми названиями смысловых и несмысловых контуров, причем процент многообразия названий соответственно — 6 и 30, отсутствие названий также в 3 и 23 % случаев. Следовательно, полученные цифры позволяют считать, что, во-первых, семантизация, как и в предшествующих экспериментальных сериях, имеет место и в данном случае, иначе бы процент отсутствия названий у несмысловых изображений был бы значительно выше и приближался бы где-то к 100. Во-вторых, смысловые изображения получили практически одинаковые названия у подавляющего большинства испытуемых, о чем свидетельствует очень низкий процент многообразия названий — 5 и высокий процент наиболее часто встречающихся названий — 84. В-третьих, хотя высок процент многообразия названий в случае с несмысловыми изображениями (он равен 30), вместе с тем также высок и процент наиболее часто встречающихся названий (30), что, видимо, связано с явлением приписывания некоторых свойств определенным структурам контурных изображений.

Определение объема памяти производилось в три этапа. С использованной формулы Хартли, представляющей собой отрицательный логарифм вероятности события, вычислялось количество статистической информации, содержащейся в контурах с различным числом сторон. Известно, что воспроизведение таких параметров пространственной структуры, как прямизна сторон, размеры углов и их соотношения и, наконец, длины сторон играют решающую роль в воспроизведении пространственной структуры. Поэтому определялись частоты воспроизведения каждого параметра по каждой фигуре во всей выборке рисунков. Наконец, используя формулу Шеннона, представляющую собой усреднение логарифмов вероятностей событий с различными исходами, мы определяли количество воспроизводимой информации, которое и служило показателем объема памяти.

Покажем на примере, как определялся объем кратковременной памяти на несмысловую фигуру, состоящую из пяти сторон. Вначале определялось количество информации, содержащейся в эталонном изображении. Если из пятиэлементного контура возможно образование 156-ти вариантов изображений пятиугольников, то при равновероятном появлении любого из вариантов количество информации, полученное по методу Хартли, составит 7,31 бит. Затем определялись частоты адекватного воспроизведения параметров пространственной структуры. Они составили: прямизна сторон — 1, размеры углов — 0,30, размеры сторон — 0,17 и средняя по выборке

частота адекватного воспроизведения параметров — 0,49. Полученная величина и является коэффициентом сходства между вторичным образом, объективированным в рисунке, и эталонным изображением. Произведение коэффициента сходства и численного значения количества информации, содержащегося в эталонном изображении, и даст нам искомое количество информации, содержащейся в рисунках испытуемых. Для рассматриваемого случая оно составит 3,58 бит. Изложенным способом может быть определен объем образной памяти как в среднем по выборке, так и конкретно каждого испытуемого.

Полученные данные анализировались относительно зависимости объема памяти от количества статистической и семантической информации в эталонном изображении. Было отмечено, что при фиксированном времени запоминания объем воспроизводимого материала находится в определенном диапазоне, незначительно снижаясь при увеличении количества информации в эталонном изображении. Например, объем кратковременной бессмысловой памяти на предъявленное изображение десятиэлементного контура в 8,50 бит равен 3,25 бит, а на изображение, имеющее 11,50 бит статистической информации, что соответствует сорокаэлементному контуру, равен 2,80 бит. Но вот различия по критерию семантической информации весьма существенны. Так, например, объем кратковременной памяти на контур в 8,50 бит бессмыслового характера равен 3,25 бит, а на контур, являющийся изображением, — 6,12 бит. Диапазон объемов памяти (в битах) в зависимости от семантических характеристик материала и длительности сохранения представлен в таблице.

Характеристика материала	Длительность сохранения материала	
	10—15 сек.	7—12 дней
Несмысловые геометрические контуры	3,25—2,80	1,75—1,55
Контурные изображения объектов	6,12—4,87	5,50—2,90

При сравнении объемов смысловой и бессмысловой, кратковременной и долговременной памяти обращает на себя внимание тот факт, что объем долговременной смысловой памяти почти в два раза превышает объем бессмысловой.

Для вскрытия влияния вербализации на полноту реконструкции пространственного материала были сопоставлены объемы памяти испытуемых двух групп. Первую группу составили испытуемые, пользующиеся словом как мнемосвязкой, вторую группу — испытуемые, которые не называли словом бессмысловой контур. Сопоставление проводилось на примере фигуры, имеющей наибольший процент отсутствия названий. Оказалось, что отсутствие названия несущественно снижает объем кратковременной памяти — 8 % среднего уровня. При замерах объемов долговременной памяти эти же различия становятся более существенными и достигают 36 %. В случае длительного времени, отделяющего воспроизведение от запоминания, включенность материала в семантические связи обеспечивает его более полную сохранность.

Таким образом, наше исследование позволяет ответить утвердительно на следующие вопросы: во-первых, возможно создание экспериментального материала лишь различной степени осмысления и вербализации, но не полностью «бессмысленного»; во-вторых, объем смысловой образной памяти всегда превышает объем бессмысловой; в-третьих, различия в объемах памяти на смысловой и бессмысловой материал при длительном сохранении еще более значительны, чем различия в объемах кратковременной памяти.

¹ См.: Флорес Ц. Память.— В кн.: Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология.— М., 1973, с. 209.

² См. Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности.— М., 1980, с. 102.

³ См.: Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики.— М., 1980.

ТРЕТИЙ БЕЛОРУССКО-БОЛГАРСКИЙ СИМПОЗИУМ

5—9 октября 1982 года в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина состоялась третья встреча болгарских и белорусских ученых на тему «Белорусско-болгарские языковые параллели». Для участия в работе симпозиума в Минск прибыла группа болгарских славистов во главе с профессором Светомиром Иванчевым. В работе симпозиума, кроме сотрудников кафедры общего и славянского языкознания и других кафедр филологического факультета, приняли участие сотрудники Института языкознания имени Я. Коласа АН БССР, а также слависты Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. В 23 докладах, представленных на обсуждение, была затронута разнообразная тематика, касающаяся сопоставления белорусского и болгарского языков в синхронном плане и в диахронии; наряду с исследованием фактов литературных языков к анализу привлекались данные диалектов; не были обойдены вниманием вопросы сопоставления грамматик, словообразования, синтаксиса и фразеологии близкородственных языков.

В докладе «К типологии белорусского и болгарского лексикона» профессор А. Е. Супрун предложил комплексную типологическую характеристику словаря, специально остановившись на его объеме, морфемно-словообразовательной структуре лексикона, стилистической стратификации лексики белорусского и болгарского языков. Темой совместного доклада С. Иванчева и И. Кударова (НРБ) являлась казуальность, понимаемая как функционально-семантическая категория, имеющая свое ядро и периферию, которые образуются различными морфологическими, лексическими и синтаксическими средствами. Проблеме дательного падежа личных местоимений в белорусском и болгарском языках был посвящен доклад В. Ю. Нормана. Сравнивая семантическую структуру форм дательного падежа в двух языках, докладчик подчеркивал, что сходство местоименных форм носит скорее внешний, поверхностный характер.

В докладе Д. Станишевой (НРБ) «Локальная оппозиция падежей Вин. : Лок. в истории болгарского и белорусского языков» прослеживалась история семантических взаимоотношений винительного и местного падежей в болгарском, русском и белорусском языках. Анализировались также их отношения с другими падежами, лексические условия, в которых происходила нейтрализация данной оппозиции.

Темой доклада В. А. Карпова было выявление функционирования числительных *една, едно, един, едни* в болгарском языке в функции неопределенного артикля. Эта функция доказывалась с помощью трех различных методик в качественном и количественном аспектах на материале белорусского и болгарского языков. В выступлении В. Я. Кащева рассматривались в сопоставительном плане особенности неизменяемых слов в белорусском языке и их аналогов в болгарском. Совместный доклад Н. А. Павленко и Л. Р. Супрун «Словообразовательные параллели в болгарском, русском и белорусском языках» содержал анализ имен существительных с суффиксом *-ец* в болгарском языке и его эквивалентов в русском и белорусском языках.

Доклад С. О. Татрышвили был посвящен анализу сложных слов в белорусском, русском и болгарском языках, основных типов сходств и отличий относительно создания сложных слов в сопоставляемых языках. Л. Лашкова (НРБ) в докладе «К типологии сложных прилагательных в белорусском и болгарском языках» остановилась на анализе семантических типов сложных прилагательных, а также синтаксических типов соответствий, выявив общезыковые закономерности. С. К. Яцыно в своем докладе остановилась на анализе болгарских прилагательных с префиксом «*въз*» и их белорусских эквивалентов с суффиксом «*ават*».

Анализ предполагает сравнение как словарей, так и психолингвистический эксперимент, где испытуемые дают оценку по шкале.

В докладе А. М. Калюты рассматривались возможности использования данных свободного ассоциативного эксперимента для выявления степени синонимичности слов. Ассоциативные поля синонимов имеют общие пересекающиеся сегменты, состоящие из одинаковых реакций. Докладчик показал, что чем больше эти участки, тем выше степень синонимичности сравниваемых слов в двух языках. В. В. Мартынов в докладе «О некоторых восточнославянско-болгарских изолексах» подчеркнул, что данные диалектов, особенно болгарских, дают возможность выделить связи вторичного характера и вместо традиционных групп славянства (западной, восточной и южной) выделить схождения восточно-славянские и восточно-болгарские. Такая работа дает возможность для проверки гипотез заселения Балкан: западным путем—через Паннонию, и восточным—через Полесье, Румынию, Восточную Болгарию.

Основным направлением в докладе Г. А. Цыхуна «Белорусско-болгарские древние изоглоссы» было рассмотрение некоторых теоретических проблем формальной и типологической близости ряда явлений в белорусском и болгарском языках с точки зрения ареальной лингвистики. В докладе Б. А. Плотникова рассматривались названия продуктов питания в болгарском и белорусском языках. Дана тематическая классификация слов данного микрополя, выявлены экстралингвистические и внутрилингвистические сходства и различия, вскрыты виды соотношения формы и содержания между родственными языками. Н. Б. Мечковская рассмотрела различные виды лексико-семантических соответствий языковедческим терминам восточно-славянских грамматик XVI—XVII веков в современных болгарской и белорусской терминологиях. В частности, была показана различная степень лексической преемственности по отношению к церковно-славянской терминологической традиции.

Фразеология была представлена в четырех докладах. М. Караангова (НРБ) в докладе «Фразеологизмы с именами собственными в белорусском и болгарском языках» дала многосторонний анализ употреблений имен собственных в устойчивых сочетаниях. В докладе В. М. Мокиенко (Ленинград) «К сопоставительному анализу болгарских и белорусских устойчивых сравнений» были проанализированы устойчивые сравнения разных грамматических типов, показаны сходства и специфика образной системы сравнений и семантические модели сравнительных конструкций. М. Ю. Котова (Ленинград) посвятила свой доклад анализу переводов фразеологизмов в повести М. Горького «Детство» на белорусский и болгарский языки. В докладе А. К. Киклевича были систематизированы основные признаки нормальной сочинительной связи. Были показаны сферы речи, где эта системность (норма) нарушается; одной из таких сфер и являются фразеологизмы.

Непосредственно историческим исследованиям были посвящены три доклада. И. Буюклиев (НРБ) в докладе «К сопоставительной характеристике старобелорусского и среднеболгарского языков» остановил внимание на типологических особенностях глагола. Доклад М. А. Муталимовой был посвящен анализу уточняющих слов в староболгарских и старобелорусских памятниках. В докладе Я. Л. Трёмбовольского рассматривалось своеобразие художественной структуры старославянского памятника трактата Храбра «О письменехъ». Устанавливается жанр памятника (полемическая речь) и на этой основе делается попытка его атрибуции. Ц. Иотов (НРБ) в докладе «О возможностях использования методов современной диалектологии при сопоставительных исследованиях близкородственных языков» показал широкие возможности применения сопоставительного анализа фактов на материале болгарского, белорусского и русского языков.

В заключительном документе, принятом третьим белорусско-болгарским симпозиумом, обе стороны с удовлетворением отметили, что совместное научное сотрудничество расширяется, в работу включаются уже и аспиранты, и студенты, интерес проявляют слависты из других вузов страны. Утверждена предварительная программа дальнейшей научной работы.

В. А. Карпов

ТВОРЧАЯ СПАДЧЫНА ЯНКІ КУПАЛЫ І ЯКУБА КОЛАСА І РАЗВІЦЦЁ СЛАВЯНСКІХ МОЎ І ЛІТАРАТУР

Усебаковае і грунтоўнае асвятленне даная маштабная праблема атрымала на рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 100-годдзю з дня нараджэння народных паэтаў БССР Янкі Купалы і Якуба Коласа, якая адбылася 14—15 кастрычніка 1982 года на філалагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. У канферэнцыі прынялі ўдзел 150 вучоных рэспублікі, а таксама Масквы, Валгаграда, Уфы, Данецка, Кіева, Ужгарада, Харкава, Алма-Аты і іншых навуковых цэнтраў нашай шматнацыянальнай краіны, а таксама вучоныя з сацыялістычных краін. Канферэнцыя адкрыў уступным словам міністр вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР прафесар Мікалаў Максімавіч Мяшкоў. На ранішнім пленарным пасяджэнні былі заслуханы даклады, якія ў многім характары авалі стан сучаснага купалазнаўства і коласа-

знаўства, вызначалі шляхі і перспектывы іх развіцця: кандыдата філалагічных навук дацэнта М. Б. Яфімавай «Партыя і У. І. Ленін у творчасці Янкі Купалы і Якуба Коласа», доктара філалагічных навук прафесара А. А. Лойкі «Янка Купала ў кантэксце сусветнай літаратуры», доктара філалагічных навук прафесара С. Х. Александровіча «Якуб Колас і славянскія літаратуры. Вытокі творчасці», доктара філалагічных навук загадчыка сектара Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР М. І. Мушынскага «Актуальныя праблемы сучаснага купалазнаўства і коласазнаўства», доктара філалагічных навук прафесара А. А. Семяновіча «Янка Купала і Якуб Колас—песняры міру і дружбы». На пленарным пасяджэнні выступіў таксама дэкан філалагічнага факультэта Сафійскага ўніверсітэта імя Клімента Охрыдскага прафесар Георгій Германаў.

Усяго заслухана звыш 100 дакладаў і паведамленняў, працавала 8 секцый. У шматлікіх дакладах на секцыях знайшлі грунтоўнае і глыбокае асвятленне наступных праблем: роля Янкі Купалы і Якуба Коласа ў станаўленні і развіцці сацыялістычнага рэалізму, традыцыі народных песняроў у савецкай літаратуры, уплыў класікаў беларускай літаратуры на развіццё беларускай літаратурнай мовы, стылістыка твораў выдатных майстроў роднага слова, творчасць вялікіх нацыянальных паэтаў Савецкай Беларусі і сусветны літаратурны працэс. Варта назваць даклады І. А. Чароты «Янка Купала і Якуб Колас у Югаславіі», Г. М. Праневіча «Слова аб палку Ігаравым» у ідэйна-мастацкай канцэпцыі Я. Купалы», Н. І. Гілевіч (БДУ імя У. І. Леніна) «Вобразнае слова Купалы», Л. Я. Гараніна (Інстытут літаратуры АН БССР) «Рамантычныя паэмы Я. Купалы і станаўленне рэалізму ў беларускай савецкай літаратуры (сацыяльна-філасофскі аспект)». У дакладах Г. П. Караткевіч (БДУ імя У. І. Леніна) «Праблему сэнсу жыцця ў творчасці Якуба Коласа», Л. Ф. Касцюкавец (Белдзяржкансерваторыя) «Янка Купала і народная песня», В. І. Гапавай (Інстытут літаратуры АН БССР) «Ідэйна-мастацкая канцэпцыя «Спадчыны» Янкі Купалы» і інш. асабліва ўвага была звернута на праблемы светапогляду, народнасці, партыйнасці, ідэйнасці мастакоў слова.

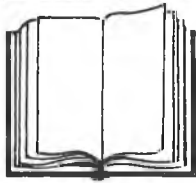
Шырокае асвятленне атрымалі праблемы перакладу твораў Я. Купалы і Я. Коласа на мовы народаў СССР, грунтоўнай была гаворка пра побыткі, прынцыпы, метады купалаўска-коласаўскай школы перакладу. Найперш, тут хацелася б вылучыць даклады В. П. Рагойшы (БДУ імя У. І. Леніна) «Купалаўска-коласаўская школа мастацкага перакладу», П. П. Ахрыменкі (Сумскі педагагічны інстытут) «Творы Я. Купалы і Я. Коласа на Украіне», Р. Ф. Газізава, Т. М. Гарыпава, Т. М. Шыхава (Башкірскі дзяржаўны ўніверсітэт) «Пра башкірскія пераклады вершаў беларускіх класікаў Янкі Купалы і Якуба Коласа». Цікавымі былі даклады дацэнта У. І. Рагавіцкага з Валгаграда, які асабіста ведаў Я. Купалу, сустракаўся з ім—«Гісторыя дзяржаўнага перакладу паэмы Я. Купалы «Курган», а таксама дацэнтаў Днепрапятроўскага дзяржаўнага ўніверсітэта А. М. Папоўскага і В. А. Шадуры «Да пытання перакладу на ўкраінскую мову твораў Я. Купалы і Я. Коласа». Свежа і арыгінальна прагучала паведамленне прафесара з Ужгарада М. І. Зімомры «Да пытання рэцэпцыі верша «А хто там ідзе?» Я. Купала праз пераклад на нямецкую, венгерскую, рускую і ўкраінскую мовы».

«Асоба вялікага пісьменніка і яе ўплыў на літаратурны працэс»—такая тэма гутаркі, якая адбылася на пасяджэнні «Круглага стала». У гутарцы за «Круглым сталом» прынялі ўдзел народны пісьменнік БССР Герой Сацыялістычнай Працы І. П. Шамякін, сын Якуба Коласа старшы навуковы супрацоўнік Літаратурнага музея Я. Коласа Даніла Канстанцінавіч Міцкевіч, пляменніца Янкі Купалы супрацоўніца Літаратурнага музея Янкі Купалы Ядвіга Юльянаўна Раманюска, пісьменнікі Ул. Юрэвіч, Я. Янішчыц, галоўны рэдактар слоўніка «Янка Купала» кандыдат філалагічных навук І. У. Саламевіч і інш.

Варта адзначыць высокі навукова-тэарэтычны і ідэйна-палітычны ўзровень дакладаў і паведамленняў на канферэнцыі. У выдавецтве «Вышэйшая школа» выйшлі ў свет тэзісы канферэнцыі «Творчая спадчына Янкі Купалы і Якуба Коласа і развіццё славянскіх моў і літаратур» агульным аб'ёмам 10,5 аркушаў, у якіх прадстаўлена 130 артыкулаў. Для ўдзельнікаў канферэнцыі была арганізавана шырокая культурная праграма: экскурсіі ў Хатынь і на Курган Славы, па горадзе-герою Мінску, у літаратурныя музеі Янкі Купалы і Якуба Коласа, у Вязынку, на радзіму Я. Купалы. Удзельнікі канферэнцыі наведалі спектакль «Паўлінка» у Беларуска-дзяржаўным акадэмічным тэатры імя Я. Купалы, паглядзелі мастацкі кінафільм «Раскіданае гняздо» па п'есе Я. Купалы, дакументальную кінастужку «Дзядзька Якуб» да 100-годдзя з дня нараджэння Якуба Коласа.

Правядзенне канферэнцыі, безумоўна, дасць новы штуршок да распрацоўкі актуальных праблем купалазнаўства і коласазнаўства, да ўсебаковага разгляду творчасці Я. Купалы і Я. Коласа ў кантэксце кардынальных праблем сучаснага савецкага мовазнаўства і літаратуразнаўства.

У. А. Навумовіч

Рэцэнзіі

Гістарычны слоўнік беларускай мовы, вып. 1. / Гал. рэд. А. І. Жураўскі, рэд. вып. А. М. Булыка.— Мінск: Навука і тэхніка, 1982.— 296 с.

У апошнія дзесяцігоддзі ўзрасла цікавасць беларускіх вучоных да асэнсавання гістарычнага мінулага свайго народа, і яны ўсё часцей і часцей звяртаюцца да нісьмовых помнікаў як важнейшых крыніц пазнання эканамічнага, палітычнага і духоўнага жыцця мінулых эпох. Пры гэтым адчуваецца вострая неабходнасць у спецыяльным слоўніку, які б тлумачыў незразумелыя для сённяшняга чытача шматлікія словы. «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» і мае на мэце адлюстраваць слоўнікавае багацце старабеларускай літаратурнай мовы, раскрыць семантыку і ўжыванне лексічных адзінак, выкарыстаных на старонках беларускіх пісьмовых помнікаў канца XIV—XVIII стагоддзяў.

Храналагічны ахоп слоўніка ўвогуле адпавядае прынятай сучаснымі даследчыкамі перыядызацыі гісторыі беларускай літаратурнай мовы. Праўда, асобныя словы, характэрныя для беларускай мовы, сустракаюцца і ў пісьмовых крыніцах XIII—пачатку XIV стагоддзяў. Але калі прыняць пад увагу, што ўся лексіка ўсходнеславянскіх пісьмовых помнікаў па XIV стагоддзе ўключна знойдзе адлюстраванне ў слоўніку старажытнарускай мовы, які рыхтуецца ў Інстытуце рускай мовы АН СССР, то трэба прызнаць, што складальнікі мелі рацыю пры вызначэнні храналагічных межаў гістарычнага слоўніка беларускай мовы.

Аб'ектыўнае адлюстраванне лексічнага складу мовы на пэўным гістарычным этапе яе развіцця — адна з самых адказных задач складальнікаў любога слоўніка. Паўната фіксацыі без якіх-небудзь абмежаванняў усіх слоў, актуальных для мовы адпаведнага перыяду, — адзнака ўніверсальнага слоўніка. Такім з'явіцца «Гістарычны слоўнік беларускай мовы», бо ў ім, як сказана ў першым выпуску, будучы пададзены ўсе выяўленыя ў пісьмовых крыніцах канца XIV—XVIII стагоддзяў знамянальныя і службовыя словы і, такім чынам, адлюстравана максімальная лексічная сістэма старабеларускай мовы: агульнаславянскія, усход-

неславянскія, уласнабеларускія і вытворныя ад іх словы, усе асіміляваныя ў марфалагічных і фанетычных адносінах лексічныя запазычаны і шматлікія экзатызмы, а таксама графічныя, арфаграфічныя, фанетычныя, словаўтваральныя і граматычныя варыянты слоў. Усё гэта будзе мець выключнае значэнне для даследчыкаў, таму што слоўнік не проста адлюструе лексічны склад старабеларускай літаратурнай мовы, але і раскрыве ўзровень і тэндэнцыі яе развіцця. На падставе шматлікіх слоў і іх варыянтаў можна будзе меркаваць аб характары ўзаемадзеяння жывой народнай моўнай стыхіі і традыцыйных, кніжных элементаў ці іншамоўных уплываў. Калі ўлічыць, што ілюстрацыйны матэрыял пакажа самыя раннія і познія выпадкі ўжывання слова і яго варыянтаў і захавае ўсе важнейшыя графіка-арфаграфічныя асаблівасці помнікаў-крыніц, то па даных слоўніка магчыма будзе выявіць, з якога часу, з якой паслядоўнасцю, у якіх жанрах пісьменнасці адлюстроўваюцца важнейшыя рысы беларускай мовы.

Першы выпуск «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы» выяўляе дасканалую працоўку структуры слоўнікавага артыкула, які складаецца з загаловачнага слова, граматычных памет, дэфініцыі, прыкладаў-ілюстрацый, а ў адпаведных выпадках — фразеалагічных і тэрміналагічных словазлучэнняў, супастаўляльных і адсылачных памет. Загаловачнае слова падаецца, як правіла, у той графіка-арфаграфічнай абалонцы, якую слова набывала ў помніках дзелавой пісьменнасці, асабліва блізкіх да жывой народнай мовы. Калі слова сустракаецца ў некалькіх варыянтах, то за асноўны прыняты найбольш пашыраны і ім адкрываецца слоўнікавы артыкул. І хоць гэта часам вядзе да таго, што ў адных выпадках за асноўную прымаецца форма, блізкая да сучаснай, а ў другіх — больш архаічная форма (параўн.: *Алтынъ, олтынъ і Аброкъ*), падыход складальнікаў цалкам апраўданы, таму што ў даным выпадку аб'ектыўна адлюстроўваецца гісторыя кожнага слова, яго лёс у мове. Для гістарычнага слоўніка гэта істотна.

Даволі дакладна акрэслены для кожнай часціны мовы зыходныя формы слоў і сістэ-

ма граматычных памет. Калі ж слова сустракаецца ў некалькіх формах, то складальнікі справядліва аддаюць перавагу той, якая была больш характэрна для старабеларускай пісьменнасці і прадстаўлена большай колькасцю прыкладаў.

Грунтоўна раскрываюцца ў першым выпуску слоўніка значэнні слоў. Найбольш пашыраным спосабам тлумачэння слоў з'яўляецца падбор семантычнага эквівалента ці рада сінонімаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Семантыка слоў, што выйшлі з ужывання разам з адпаведнымі рэаліямі і паняццямі, раскрываецца шляхам апісальных лаканічных і дакладных азначэнняў. Адзін і другі спосаб паслядоўна вытрымліваюцца, хоць у адзінкавых выпадках замест семантычнага эквівалента лепш выкарыстаць азначэнне. Напрыклад, семантыка слова *абатуса* раскрываецца шляхам падачы сэнсавага эквівалента *ігумення*. На наш погляд, у даным выпадку мэтазгодней было даць азначэнне «настаяцельніца праваслаўнага жаночага манастыра», а не выкарыстоўваць слова пасіўнай лексікі. Адно са значэнняў слова *агнець* раскрываецца наступным чынам: «частка прасфоры». І тут, відаць, лепш было даць іншае тлумачэнне, каб пазбегнуць ужывання малавядомага слова *прасфора*, тым больш што яно не фіксуецца слоўнікамі сучаснай беларускай мовы.

Значэнні асобных разрадаў вытворных слоў, што захавалі цесную сувязь з утваральнымі асновамі, раскрываюцца, як і ў тлумачальных слоўніках, шляхам спасылкі на адпаведныя зыходныя формы, больш пашыраныя варыянты, граматычныя формы. Паслядоўна выкарыстоўваюцца супастаўляльныя і адсылачныя паметы, каб звярнуць увагу на наяўнасць у слоўніку блізкіх да распрацаваных іншых слоў, якія змешчаны на адпаведным алфавітным месцы: супастаўляльныя — на іншаслоўныя, словаўтваральныя і граматычныя варыянты, адсылачныя — на графічныя, фанетычныя і арфаграфічныя варыянты.

У мнагазначных словах вылучаецца кожнае паасобнае значэнне, а часам і выпадкі пераносага ўжывання. Пры гэтым складальнікі пазбегалі празмернай дыферэнцыяцыі значэнняў, таму што надзвычай складана толькі на падставе пісьмовых крыніц акрэсліць усе значэнні і ўжыванні, якія ўласцівы былі таму ці іншаму слову ў мінулым. Аднак у некаторых выпадках паасобныя значэнні можна было размежаваць. Так, адно са значэнняў слова *беда* — «нястача, турбота, клопат» — лепш было размежаваць такім чынам: «нястача» і «турбота, клопат». На наш погляд, першасным значэннем слова *баграница* (*баграница*, *баграница*) з'яўляецца «каштоўная тканіна барвовага колеру», а другасным — «вопратка з каштоўнай тканіны барвовага колеру».

Кожнае слова і паасобныя яго значэнні ўдала падмацоўваюцца прыкладамі з помнікаў старабеларускай пісьменнасці. Вельмі важна тое, што ілюстрацыйны матэрыял паказвае распаўсюджанасць слова ў розных жанрах літаратуры, адлюстроўвае яго храналогію. Змяшчаюцца таксама прыклады на важнейшыя арфаграфічныя варыянты, якія падаюцца пасля асноўнай заглавачай формы. Дзякуючы гэтаму прыклады ілюстра-

цыяў даюць каштоўны матэрыял для вывучэння графікі і арфаграфіі старабеларускай літаратурнай мовы, таму што яны прыводзяцца з захаваннем усіх важнейшых графіка-арфаграфічных асаблівасцей апрацаваных крыніц. Удала вырашылі складальнікі праблему вынасных літар, праблему разбіўкі суцэльнага тэксту на паасобныя словы, якая праведзена з улікам асаблівасцей словаўтваральнай структуры слоў адпаведна стану слоўнікавага складу старабеларускай літаратурнай мовы.

Увогуле першы выпуск «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы» падрыхтаваны на высокім навукова-тэарэтычным узроўні і адпавядае сучасным патрабаванням гістарычнай лексікаграфіі. Есць пільная патрэба ў тым, каб наступныя выпускі слоўніка як мага хутчэй убачылі свет, таму што іх чакаюць беларускія мовазнаўцы, літаратары, гісторыкі, дзеячы навукі і культуры, усе, хто цікавіцца гістарычным мінулым беларускага народа, яго эканамічным, палітычным і духоўным жыццём.

В. П. Красней

Ф. П. Філін. *Очерки по теории языкознания*. — М.: Наука, 1982. — 336 с.

Книга Федота Петровича Филина «Очерки по теории языкознания» представляет собой «относительно цельную монографию с последовательным изложением материала», хотя она и составлена «из опубликованных в разных изданиях, отечественных и зарубежных, статей» (с. 16). Цельной работу делает направленность мысли автора прежде всего на теоретико-методологические аспекты языкознания, а также полемический пафос, присущий большинству ее глав. Пафос этот ясно ощутим уже в предисловии к монографии, и это сразу заставляет читателя определенным образом настроиться на восприятие последующего материала, активно включиться в движение авторской мысли.

Главный объект своего исследования Ф. П. Филин определяет следующим образом: «Теория языкознания — совокупность знаний, методов их накопления о языке как объекте в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении» и проверка знаний и методов общественной практикой (наличием убедительных доказательств, регулированием обществом стихийных языковых процессов, усвоением языка и его норм)» (с. 6). Важнейшей особенностью современного теоретического языкознания ученый считает «невиданную до этого времени связь теории и практики, вызванную гигантскими потребностями социалистической культурной революции» (с. 9).

Монография состоит из четырех разделов: «Общие вопросы», «Язык и общество», «Лексикология и лексикография», «Диалектология». В первом разделе автор с диалектико-материалистических позиций рассматривает ряд философско-методологических проблем советского языкознания. В центре его внимания — вопросы об отношении языка к действительности, о языке как системе и природе языкового знака, о связи языко-

вых отношений и языковой субстанции, о противоречиях в развитии языка, месте специальных лингвистических теорий. В освещении этих вопросов важную роль играет авторское понимание предмета языкознания, который всегда «шире, чем описание устройства самого языка», ибо «в него входят как его органическая часть общественные функции языка и воздействие общества на язык, как и воздействие языка на общество» (с. 27).

Широкий спектр вопросов большой теоретической значимости рассматривается во втором — социолингвистическом — разделе монографии. Ф. П. Филин аргументированно отстаивает точку зрения, согласно которой язык социально детерминирован и потому в числе актуальных научных проблем всегда будут вопросы изучения общественных функций языка, билингвизма, культуры речи, языковой нормы. Известно, что в последнее десятилетие в нашей стране значительно активизировалась работа в области социолингвистической проблематики. Немалая заслуга в этом принадлежит Ф. П. Филину, своими исследованиями и публикациями во многом определившему пути и направления этой работы. Раздел «Язык и общество» заслуживает высокой оценки не только за изложенные в нем результаты научных разысканий, но и за «катализирующий» характер содержащихся в нем идей. Что же касается особо актуальных ныне проблем двуязычия, то в отдельных главах монографии заключена целая программа исследований в этой области. Выделяется глава «О происхождении праславянского языка и восточно-славянских языков», которая содержит как обзор и авторскую оценку существующих взглядов в данной области славянского исторического языкознания, так и изложение концепции самого ученого.

Ф. П. Филин был одним из самых авторитетных лексикологов и лексикографов-руссистов. Третий раздел монографии включает важнейшие его теоретические работы в данной области. Четыре очерка, составившие этот раздел, затрагивают принципиальные вопросы теории слова (слово и его значение, лексико-семантические группы слов) и лексикографической практики (лексический состав «Словаря русского литературного языка», специфика словаря языка произведений В. И. Ленина). Следует подчеркнуть значимость последней темы, ленинской. Этот труд должен представлять собой одновременно и «словарь русского литературного языка определенного периода по сочинениям В. И. Ленина», и «словарь языка В. И. Ленина как отдельного писателя во всей яркости и неповторимости индивидуальности» (с. 257).

Четвертый, заключительный раздел книги посвящен вопросам диалектологии. Здесь рассмотрены два основных вопроса, из которых один является чисто теоретическим, а другой, помимо теоретического значения, имеет непосредственный выход к практической деятельности, поскольку связан с составлением диалектологических словарей. Квалифицируя сочетание «диалектный язык» как терминологическую неудачу, Ф. П. Филин с предельной убедительностью доказывает неправомочность употребления этого термина. Если тот или иной местный говор

является реальной коммуникативной единицей («на нем говорит определенное количество людей»), то «на всей совокупности частных диалектных систем («диалектном языке» (с. 266) не говорит никто. Возможность сочетания в речи одного человека системы литературного языка с отдельными диалектными элементами либо сочетания разнодиалектных элементов не колеблет этого положения, так как подобные случаи затрагивают лишь отдельные фонетические явления (например, г — γ, оканье — аканье) и отражают или взаимодействие диалектов и литературного языка, или междиалектные контакты.

В статьях «К глубинам русского народного слова» и «Диалектное слово и его границы» излагаются теоретические основы любого диалектологического словаря русского языка, утверждается как единственно правильный дифференциальный метод, доказывається бесплодность попыток создания так называемых «полных» диалектных словарей, в которых общерусская лексика является балластом, обосновывается четкое отграничение диалектных слов от других лексических единиц русского языка. Эти статьи обогащают теорию диалектной лексикографии, дают практические рекомендации, обеспечивают единство общих контуров диалектологических словарей, создаваемых на материалах различных говоров.

Как все принадлежащее перу Ф. П. Филина, последняя, вышедшая при жизни автора, книга отличается завидной простотой и ясностью изложения, убедительной аргументацией.

А. Е. Михневич, А. Ф. Манаенкова

І. Р. Вихованець. **Применникова система української мови.** — Київ: Наукова думка, 1982. — 286 с.

Проблема часин мови, як і адної з їх — прыназоўніка, — у славянскай філалогіі да канца яшчэ не вырашана. У мэтах далейшага даследавання гэтай тэмы і падрыхтавана названая навуковая праца на матэрыяле ўкраінскай мовы. Ва ўступнай частцы аўтар асвятляе гісторыю праблемы. Параўноўваючы розныя падыходы як айчынных, так і зарубажных лінгвістаў да класіфікацыі слоў па часцінах мовы, аўтар імкнецца выпрацаваць сваю ўласную пазіцыю па прыцыпова важных пытаннях праблемы, якую дэталёва і абгрунтавана выкладае ў асноўных раздзелах працы.

У пачатку першага раздзела аўтар даволі поўна раскрывае розныя канцэпцыі вучоных адносна структурна-семантычнай прыроды прыназоўніка, а менавіта: як службовага слова, як марфемы (часткі слова) і як самастойнага слова (лексемы). У другім раздзеле разглядаюцца пазіцыі прыназоўнікаў, якія ў адносінах да знамянальных слоў могуць ужывацца прэпазіцыйна — перад назоўнікам і лічэбнікам і постпазіцыйна — пасля дзеяслова. Прыводзяцца прыклады суадноснасці прыназоўнікавых канструкцый з беспрыназоўнікавымі, аналізуюцца першасная і другасная, унутраная

і знешня пазыці прыназоўнікаў і пераход адной з іх у другую. Трэці, самы вялікі раздзел кнігі, прысвечаны разгляду ўзаемаадносін прыназоўнікаў і склонаў. Кожны ўскосны склон прыназоўнікавага ўжывання атрымаў у працы поўнае і ўсебаковае асвятленне. Падкрэсліваецца, што месны склон — ізаляваны элемент у прыназоўнікавай сістэме, бо без прыназоўнікаў не ўжываецца. Таму ён разглядаецца першым, а далей — астатнія склоны ў адпаведнай іх паслядоўнасці. У гэтым раздзеле чытач знайдзе шмат цікавых навуковых назіранняў і вывадаў аўтара аб прыродзе і характары сэнсава-сінтаксічных адносін, якія выражаюцца прыназоўнікавымі канструкцыямі, суданоснасці/несуданоснасці іх з іншымі сінтаксічнымі адзінкамі на ўзроўні сказаў, зваротаў і іх структурных частак. Аўтар выдзяляе адметныя асаблівасці асобных тыпаў і груп прыназоўнікава-іменных і дзеяслоўных словазлучэнняў. Чацвёрты раздзел прысвечаны вывучэнню праблемы структура-семантычных і функцыянальных суадносін (падабенства і адрознення) прыназоўнікаў, прыслоўяў і прэфіксаў. Вядзецца грунтоўная размова пра ролю прыназоўнікаў і прыслоўяў ва ўтварэнні розных сінтаксічных адзінак, пра ролю прэфіксаў ва ўтварэнні трыванняў дзеяслова, пра адвербілізацыю прыназоўнікаў і інш. У пятым раздзеле падрабязна даследуюцца тры асноўныя семантычныя тыпы прыназоўнікаў: лакальныя, тэмпаральныя і лагічныя; падаюцца поўныя спісы прыназоўнікаў з усімі іх магчымымі варыянтамі. Некаторыя прыназоўнікі паўтараюцца ў некалькіх групах, напрыклад: *коло, через* і інш. Асобна даследуюцца канструкцыі з прыназоўнікам *по*, якія падобна як і ў беларускай мове з прыназоўнікам *на*, надзвычай шматзначныя і выкарыстоўваюцца для выражэння самых разнастайных сэнсава-сінтаксічных адносін.

У шостым раздзеле асвятляюцца праблемы дэтэрмінацыі і дэтэрмінантаў сказа, паслядоўна і поўна прыводзяцца дэтэрмінанты, уласцівыя граматычнай сістэме сучаснай украінскай літаратурнай мовы, пералічваюцца прыназоўнікі, якія ўжываюцца з цэлай групай дзеясловаў. Гэтыя прыназоўнікі ў кнізе атрымалі спецыяльную тэрміналагічную назву «постфіксаў». Апошні, сёмы, раздзел кнігі шырока асвятляе дынаміку ўкраінскай прыназоўнікавай сістэмы, структураўтваральныя і семантычныя мажлівасці адпаведных прыназоўнікавых канструкцый, іх значэнні і функцыі ў мове, выпадкі сіналімічных замен, трансфармацыі розных прыназоўнікавых канструкцый у іншыя склонава-прыназоўнікавыя і беспрыназоўнікавыя словазлучэнні. Раскрываюцца таксама асноўныя тэндэнцыі і напрамкі далейшага развіцця прыназоўнікавай сістэмы ў сучаснай украінскай літаратурнай мове.

Кніга І. Р. Выхаванца — патрэбная і карысная праца не толькі для спецыялістаў вузкага профілю, але і самага шырокага кола чытачоў. Пажадана разам з тым, каб з'явы ўкраінскай мовы разглядаліся ў сувязі і ў супастаўленні з роднаснымі рускай і беларускай мовамі, якія маюць шмат агульнага ў характары і спосабах выражэння розных сэнсава-сінтаксічных адносін.

А. І. Наркевіч, А. В. Шыдлоўскі

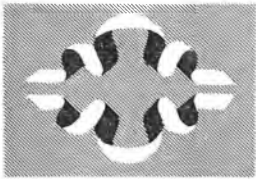
С. А. Лысенко. Романтика борьбы и сидания: Романтическое стилевое течение в советской драматургии 20—30-х гг.— Минск: Изд-во БГУ, 1982.— 128 с.

В кнйге рассматриваются основные тенденции развития романтического стиля в советской драматургии 20—30-х годов, прослеживается его связь с формированием и развитием социалистического реализма. В работе анализируются пьесы русских, украинских и белорусских драматургов. Исследователь говорит о самом главном в романтической драматургии: о ее идеале, новом понимании ю мира и человека, об идейности, художественном новаторстве, принципах типизации. Особенно удачно конкретизированы идейно-эстетические принципы А. Луначарского («Фома Каллинедла»), Е. Миревича («Кастусь Каліновскі»), М. Кулиша («Патетическая соната»), И. Днипровского («Любовь и дым»), Вс. Вишневского («Оптимистическая трагедия»). Романтика в их произведениях изучается в конкретно-исторической обусловленности, так как это единственный способ, который может обеспечить освещение ее двух функций — романтики как одного из отличительных признаков метода социалистического реализма и как стилиобразующего фактора. Для того, чтобы понять суть многих художественных явлений, в том числе и романтики, автор работы соотносит их с горьковским опытом; подчеркивает, что сама жизнь нацеливала художников на многообразные «художественные поиски», на решение сложнейших творческих задач. Верна мысль С. Лысенко и о том, что в романтической драматургии 30-х годов, по сравнению с предыдущим десятилетием, увеличивается удельный вес реалистического начала. Происходит своеобразный симбиоз чувства и мысли, слав реализма и романтики.

В исканиях возвышенного идеала, активного творческого начала, утверждает автор книги, драматургии 20—30-х годов увидели высшую красоту, красоту народной борьбы, подвига и великих свершений на пути к построению коммунистического общества. Вследствие этого характеры ими укрупнены, приподняты над повседневностью. Отдельные художественные приемы, характерные для этого стиливого течения в целом, в творчестве разных драматургов приобрели своеобразное индивидуальное преломление. Патетически-экспрессивное восприятие действительности, акцент на духовное начало в жизни человека, его возвеличение, открытость чувств, страстность, романтика великих свершений, масштабность событий, музыкальная композиция и другие приемы вошли составной частью в многогранную палитру драматургии 20—30-х годов. Они способствовали воплощению прогрессивно-революционных идей в пьесах, вводили читателя и зрителя в атмосферу изображаемого. Рассматривая романтический стиль, исследователь неоднократно напоминает, что он не исключает и не обесценивает других типов реализма в рамках единого художественного метода — метода социалистического реализма.

К. И. Бурмирова

Нашы юбіляры

ЕФРАСІННЯ ЛЕАНІДАЎНА БОНДАРАВА

(да 60-годдзя з дня нараджэння)

Споўнілася 60 год заслужанаму дзеячу навукі БССР, доктару філалагічных навук, прафесару універсітэта Ефрасінні Леанідаўне Бондаравай. Яна нарадзілася ў Віцебскай вобласці, у сялянскай сям'і. Пасля заканчэння Лёзненскай сярэдняй школы працавала ў раённым друку. У 1949 годзе скончыла аддзяленне журналістыкі філалагічнага факультэта БДУ імя У. І. Леніна. У студэнцкія гады праявіла схільнасць да мастацтвазнаўчай дзейнасці, часта выступала на старонках беларускага друку як кінакрытык. Пасля заканчэння універсітэта Ефрасіння Леанідаўна нейкі час працуе галоўным рэдактарам Міністэрства культуры БССР. У 1953 годзе, пасля заканчэння аспірантуры, абараняе кандыдацкую дысертацыю па тэме «Борьба коммунистической партии за идейность искусства» і пачынае чытаць лекцыі ва універсітэце. Спачатку яна сумяшчае гэту працу з працай у Міністэрстве культуры БССР, а з 1961 года — штатны выкладчык факультэта журналістыкі. У 1962 годзе ёй прысвоена навуковае званне дацэнта кафедры тэорыі і практыкі савецкай журналістыкі. Пасля абароны доктарскай

дысертацыі па тэме «Проблемы белорусского киноискусства и печать» у 1977 годзе Е. Л. Бондаравай прысвоена навуковае званне доктара філалагічных навук. З 1980 года Ефрасіння Леанідаўна Бондарова — прафесар кафедры тэорыі і практыкі савецкай журналістыкі БДУ імя У. І. Леніна. Яна распрацавала і чытае спекурсы па літаратурна-мастацкай крытыцы, праблемам літаратуры і мастацтва ў друку, тэорыі і гісторыі кіно, вядзе спецсеминар па актуальным праблемам публіцыстыкі. Лекцыі Ефрасінні Леанідаўны вызначаюцца ідэйна-тэарэтычнай і навуковай глыбінёй.

Вучэбна-выхаваўчую дзейнасць Е. Л. Бондарова паспяхова сумяшчае з навукова-даследчай. Праблемы, якія цікавяць даследчыка, — узаемадзеянне сродкаў масавай інфармацыі і мастацтва, прынцыпы і жанры асэнсавання крытыкай з'яў мастацтва. Яна аўтар 5 манаграфій: «Очерк на экране» (сумесна з Л. Ф. Шылавай), «В кадре и за кадром», «Время, экран, критика», «Кино Советской Белоруссии», «Кинолента длиною в жизнь». Выхтуецца да выдання яшчэ адна манаграфія — «Экран в разных измерениях», у якой аўтар імкнецца паказаць асаблівасці развіцця сусветнага кінамотографа ў апошнія дзесяцігоддзе, праблемы і задачы крытыкі, месца беларускага кіно на сусветным экране. Е. Л. Бондаравай напісаны тры брашуры: «Белоруссия экранная», «В. В. Корш-Саблин», «Кино Белоруссии» (сумесна з А. В. Красінскім); раздзелы ў навуковых зборніках «За газетным радком», «Праблематыка газетных выступленняў», падрыхтаваных калектывам кафедры тэорыі і практыкі савецкай журналістыкі. Яна супрацоўнічае з многімі саюзнымі і беларускімі часопісамі: «Искусство кино», «Советский экран», «Коммунист Белоруссии», «Польмя», «Неман», «Беларусь», «Маладосць».

Прафесар Е. Л. Бондарава актыўна ўдзельнічае і ў грамадскай дзейнасці. Доўгі час ўзначальвае Савет НДРС на факультэце, кіруе гуртком літаратурна-мастацкай крытыкі, з'яўляецца членам партбюро факультэта, членам праўлення Мінскай арганізацыі Саюза журналістаў БССР, старшынёй камісіі літаратурна-мастацкай крытыкі Саюза журналістаў БССР, старшынёй секцыі тэорыі кіно і кінакрытыкі Саюза кінематографістаў БССР, членам усесаюзнай камісіі тэорыі і кінакрытыкі Саюза кінематографістаў СССР, членам камітэта пры Савеце Міністраў БССР па прысуджэнню Дзяржаўных прэмій у галіне літаратуры, мастацтва і архітэктуры, членам Савета па культуры Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі, членам мастацкага савета кінастудыі «Беларусьфільм», старшынёй метадычнага савета Бюро прапаганды кінамастацтва.

Галоўнае ў сваёй выхаваўчай і навуковай дзейнасці Е. Л. Бондарава бачыць у тым, каб абудзіць у чалавеку інтарэс да даследавання, дапамагчы адбыцца цікавай асобе. Сярод яе вучняў — кінарэжысёры І. Дабралюбаў, В. Дашук, Р. Ясінікі, М. Заслонава, журналісты Г. Цвяткова, С. Алексіевіч, Н. Калеснік, доктар мастацтвазнаўства А. Сабалеўскі.

За заслугі ў развіцці навукі і выхаванні журналісцкіх кадраў Ефрасінні Леанідаўне Бондаравай прысвоена званне заслужанага дзеяча навукі БССР, яна ўзнагароджана Ганаровай Граматай Вярхоўнага Савета БССР, Ганаровым знакам Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР «За отличные успехи в работе», Ганаровым знакам «Отличник кинематографии».

Калегі па працы віншуюць Ефрасінню Леанідаўну з важнай датай у жыцці, жадаюць здароўя, плёну ў працы.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ КУЛЕШОВ

(к 70-летию со дня рождения)

18 июня исполняется семьдесят лет Федору Ивановичу Кулешову — доктору филологических наук, профессору нашего университета, одному из крупнейших литературоведов республики, известному специалисту по истории русской литературы XIX—XX веков, литературному критику, члену Союза писателей СССР.

Ф. И. Кулешов родился в крестьянской семье, в деревне Большие Стрелки Рогачевского района (ныне Гомельская область). В семь лет остался сиротой. В 1925 году родственники отдали его в детский дом в Бобруйске. Потом был детский дом и школа в Пиревичах. После окончания девятилетки (1931) работает в районной газете «Камунар», одновременно являясь собкором республиканской газеты «Савецкая Беларусь». Много пишет и читает, упорно и сосредоточенно занимается самообразованием, посещает вечерний комвуз. Осенью 1933 года двадцатилетний Федор Кулешов едет в Ленинград и поступает на филфак областного пединститута. Зачисленный в группу ускоренного изучения учебной программы, он через два года кончает институт и добровольно уезжает учительствовать в Заполярье, в Кировск. Там вплоть до войны Федор Иванович преподает в средней школе русский язык и литературу и активно сотрудничает в печати. Работая, он продолжал учиться заочно в Ленинградском госпединституте имени А. И. Герцена.

Хотя по состоянию здоровья еще задолго до войны Федор Иванович был снят с воинского учета, он в 1941—1943 годах работает в трудармии и служит писарем на военно-пересыльном пункте в Челябинске. В феврале 1944 года становится преподавателем в одном из челябинских вузов. В первую послевоенную осень Федор Иванович был принят в Кустанайский учительский институт на должность старшего преподавателя, а затем избирается заведующим кафедрой русского языка и литературы. Экстерном сдал кандидатские экзамены. Самостоятельно подготовил и в 1949 году защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию «Ранний Курпин». В том же году ему было присвоено звание доцента.

С августа 1951 года Федор Иванович — доцент БГУ. По совместительству некоторое время был старшим научным сотрудником института литературы АН БССР. Систематически печатается. В 1955 году принят в члены Союза писателей. В 1956 году Федор Иванович уезжает на Сахалин, где в течение пяти лет заведует кафедрой открытого там пединститута. В Минск вернулся в 1961 году и с тех пор непрерывно работает в БГУ. Защитил в 1964 году докторскую диссертацию по творчеству А. И. Курпина. Стал профессором. В 1966—1969 годах возглавлял кафедру русской классической литературы.

В списке печатных историко-литературных и литературно-критических работ Федора Ивановича около трехсот наименований: книги и брошюры, статьи в журналах и газетах, предисловия и послесловия к изданиям классиков, научные комментарии. В период между 1953 и 1968 годами вышли его книги о Чехове, Толстом, Некрасове, М. Горьком. Большой общественный резонанс вызвала монография Ф. И. Кулешова «Творческий путь Куприна» (1963). В многочисленных отзывах специалистов книга получила высокую оценку. На ее выход откликнулись «Новый мир» и «Неман», «Дон» и «Беларусь», «ЛіМ» и «Вопросы литературы». Высоко оценили книгу известные ученые Г. А. Бялый, М. Н. Пархоменко, С. А. Рейсер, И. Я. Науменко, О. Н. Михайлов, И. А. Пятляр, литераторы Л. Д. Любимов, Б. И. Бурьян, В. Т. Романенко, М. К. Куприна-Норданская. Корней Чуковский писал о ней автору: «Книга Ваша умная, богатая, изобилующая свежими материалами, привела меня в восхищение. Это лучшая книга о Куприне и образец литературоведческой работы... Книга прекрасно написана отличным языком, художественным, эмоциональным и в то же время научным».

Не так давно появилась очередная солидная литературоведческая работа Ф. И. Кулешова — монография «Л. Н. Толстой» (1978). Важнейшим результатом многолетней научной и методико-педагогической работы Федора Ивановича должно признать две книги «Лекций по истории русской литературы конца XIX — начала XX в.» (1976 и 1980). Они богаты содержанием, написаны в живой, свободной манере, отличаются целостностью анализа художественных произведений и четкой концепцией историко-литературного процесса в России предоктябрьской эпохи. В сущности, это — первое и единственное в республике вузовское учебное пособие по русской литературе. Подготовлена к печати третья книга. Свыше тридцати статей Ф. И. Кулешова напечатаны в таких авторитетных изданиях, как «Большая Советская энциклопедия», «БелСЭ», «Краткая литературная энциклопедия».

Очень важная часть литературоведческого труда ученого — публикации архивных и забытых материалов, составительская и редакторская работа. Здесь у Ф. И. Кулешова немалые заслуги — такие книги, как «А. П. Чехов о литературе и искусстве» (1954) и «А. И. Куприн о литературе» (1969), сборники «Максим Горький и Беларусь» (1968), «Лев Толстой и Беларусь» (1981), редактирование однотомника А. И. Куприна (1970—1973) и выходящего сейчас собрания сочинений М. Лынькова.

С пристальным вниманием следит Федор Иванович за развитием белорусской литературы. Если в области русской литературы он скорее историк, литературовед, то в отношении к белорусской литературе он проявляет интерес современника и заинтересованного критика. Об этом свидетельствует его книги «Этюды о прозе» (1964) и «Современная белорусская проза» (1970), монография о М. Лынькове, вышедшая тремя изданиями (1961, 1974, 1979), и «Семинарий» по творчеству этого писателя (1963), критико-биографический очерк «Иван Мележ» (1968 и 1971), множество литературно-критических статей о белорусских писателях.

Почти полвека Ф. И. Кулешов занимается педагогической деятельностью, из них около 40 лет — в вузах страны. Федор Иванович — эрудированный ученый-педагог с большим опытом преподавательской работы, глубокочтимый профессор, чьи лекции увлекают студентов серьезностью и научной глубиной содержания, свежестью мысли, непринужденно-живой формой изложения. Неизменный интерес вызывают руководимые им семинарские и практические занятия. За время работы в БГУ Федор Иванович воспитал сотни высококвалифицированных учителей, подготовил десятки кандидатов и докторов наук. Деятельное участие принимает он в разнообразной работе кафедры и заседаниях ученого совета. Всегда аккуратен в выполнении общественных и служебных поручений. Часто выступает с лекциями перед учителями, населением города и учащимися школ. Являясь членом редколлегии «Вестника БГУ» со дня его основания, Федор Иванович очень много делает для того, чтобы литературоведческая часть журнала постоянно была на должной высоте.

Свое семидесятилетие Федор Иванович Кулешов встречает полным жезненной и творческой энергии, бодрым, активным и деятельным. Пожелаем ему еще много лет жизни, творчества, успехов в работе, счастья. Долгой работы в нашей редколлегии. И новых хороших книг.

А. Е. Супрун

ПРАВИЛА подготовки рукописей для опубликования в журнале

1. Статьи, напечатанные на пишущей машинке через два интервала на одной стороне листа, представляются в редакцию редколлегией в двух экземплярах.

2. Объем статьи не должен превышать 9 страниц машинописного текста (включая приложения).

3. К статье должны быть приложены: рекомендация кафедры, рецензия и сведения об авторе (место работы, должность, адрес, рабочий и домашний телефоны).

4. Формулы и буквенные обозначения необходимо аккуратно и разборчиво вписать в два экземпляра от руки темными чернилами и разметить карандашом: греческие буквы обвести красным карандашом; латинские подчеркнуть волнистой чертой; прописные — двумя черточками снизу ($\overline{\overline{A}}$), строчные — двумя черточками сверху ($\overline{\overline{a}}$). Следует

различать буквы $\overline{\overline{O}}$ (прописную), $\overline{\overline{o}}$ (строчную) и $\overline{\overline{0}}$ (нуль), для чего буквы $\overline{\overline{O}}$ и $\overline{\overline{o}}$ подчеркивают двумя черточками и нуль отмечают квадратной скобкой снизу ($\overline{\overline{O}}$, $\overline{\overline{o}}$, $\overline{\overline{0}}$). Не-

обходимо различать в написании буквы $\overline{\overline{l}}$ (эль), $\overline{\overline{e}}$, а также $\overline{\overline{I}}$ и $\overline{\overline{J}}$ (йот), для чего $\overline{\overline{I}}$ пишут, как римскую единицу, подчеркивая ее двумя черточками снизу.

5. Рисунки (не более 3 для статьи и не более 2 для краткого сообщения) представляются в двух экземплярах в виде графиков, схем, фотографий отдельно от текста; фотографии, отпечатанные на глянцевой бумаге с накатом, должны иметь четкое и контрастное изображение. Чертежи и схемы выполняют тушью на плотной бумаге или кальке 150×200 мм. На обороте карандашом необходимо указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка.

6. Таблицы и подписи к рисункам следует печатать на отдельных листах. Кривые на рисунках нумеруются арабскими цифрами, которые расшифровываются в подписях к рисункам. Представление одного и того же материала в виде таблиц и рисунков не допускается. Места для таблиц и рисунков необходимо указать на полях рукописи.

7. Список литературы дается в конце статьи на отдельном листе и оформляется следующим образом:

а) для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, год издания, страницы;

б) для журнальных статей: фамилия и инициалы автора, принятое сокращенное название журнала, год издания, том (например, т. 2), номер выпуска, страницы. В списке литературы не должно быть работ, на которые нет ссылок в тексте статьи.

8. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации и авторефераты не допускаются.

9. В случае возвращения статьи автору для доработки первоначальный текст статьи необходимо вернуть в редакцию. При задержке статьи автором на месяц и более первоначальная дата поступления не сохраняется.

10. Корректурa статьи с исправлениями ошибок типографии за подписью автора должна быть через три дня после ее получения возвращена в редакцию. Изменения и дополнения как в тексте, так и в рисунках (таблицах) не допускаются.

11. Редакция оставляет за собой право производить редакционные изменения и сокращения рукописей.

